

Чарльз Диккенс

Замогильные записки Пикквикского клуба

Чарльз Диккенс

**Замогильные записки
Пикквикского клуба**

«Public Domain»

1837

Диккенс Ч.

Замогильные записки Пикквикского клуба / Ч. Диккенс —
«Public Domain», 1837

«Густой мрак и непроницаемая тьма скрывала до сих пор от взоров публики первоначальную историю общественной карьеры бессмертного Пикквика; но мрак исчезнет и темнота мигом превратится в ослепительный блеск, если читатель благоволит бросить пытливый взгляд на следующее вступление в деловые отчеты Пикквикского клуба, которыми издатель этих „Записок“ осмеливается начать свой подробнейший рапорт, представляя его на суд публики, как доказательство самого тщательного внимания и неутомимой усидчивости, с каковыми производились его исследования и разбирательства многосложных и разнообразных документов, вверенных его добросовестному труду...»

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	28
Глава IV	36
Глава V	44
Глава VI	51
Глава VII	61
Глава VIII	72
Глава IX	82
Глава X	88
Глава XI	99
Глава XII	112
Глава XIII	117
Глава XIV	130
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Чарльз Диккенс

Замогильные записки Пикквикского клуба

Часть первая

Глава I

Члены Пикквикского клуба.

Густой мрак и непроницаемая тьма скрывала до сих пор от взоров публики первоначальную историю общественной карьеры бессмертного Пикквика; но мрак исчезнет и темнота мигом превратится в ослепительный блеск, если читатель благоволит бросить пытливый взгляд на следующее вступление в деловые отчеты Пикквикского клуба, которыми издатель этих «Записок» осмеливается начать свой подробнейший рапорт, представляя его на суд публики, как доказательство самого тщательного внимания и неутомимой усидчивости, с каковыми производились его исследования и разбирательства многосложных и разнообразных документов, вверенных его добросовестному труду.

«Мая двенадцатого, тысяча восемьсот двадцать седьмого года под председательством Джозефа Смиггера, эсквайра, неперменного вице-президента и члена Пикквикского клуба, следующие решения единодушно были приняты и утверждены:

Во-первых, члены клуба, в общем собрании, слушали, с чувствами единодушного удовольствия и единогласного одобрения, диссертацию, представленную высокородным и высокопочтенным Самуилом Пикквиком, главным президентом и членом Пикквикского клуба, под заглавием: „Умозрения относительно истока Гемстедских прудов, с некоторыми замечаниями касательно теории пискарей, обретающихся в оных прудах“. Определено: *изъявить выше-реченному Самуилу Пикквику, главному президенту и члену, наичувствительную благодар- ность за его ученый труд.*

Во-вторых, общество глубоко сознает неисчислимы выгоды, могущие произойти для великого дела науки, как от вышеупомянутой диссертации, так равномерно и от неутомимых исследований высокопочтенного Самуила Пикквика, произведенных в предместьях великобританской столицы, именно: в Горнси, Гайгете, Брикстоне и Кемберуэлле. А посему общество единодушно полагает, что наука вообще и английское просвещение в частности неминуемо обогатятся бесценными благодеяниями, буде сей ученый муж, продолжая свои путешествия и, следственно, постепенно расширяя круг своих наблюдений, занесет свои умозрительные и практические исследования в обширнейшую область человеческого ведения. На сем основании,

В-третьих, общество, с благосклонным и пристальным вниманием, выслушало предложение вышеозначенного Самуила Пикквика и трех нижепоименованных пикквикистов – составить новую отрасль соединенных пикквикистов под титулом: „Корреспондентное общество Пикквикского клуба“.

Сие предложение принято и утверждено обществом во всей своей силе. И так,

В-четвертых, Корреспондентное общество Пикквикского клуба будет от сего времени существовать на законном основании, и членами-корреспондентами согласно поименованы и утверждены: высокопочтенный Самуил Пикквик, главный президент и неперменный член, Треси Топман – эсквайр и член Пикквикского клуба; Август Снодграс, таковой же эсквайр и член, и Натаниэль Винкель, равномерно эсквайр и постоянный член Пикквикского клуба.

В-пятых, все сии члены-корреспонденты обязуются с этой поры доставлять Пикквикскому клубу, в Лондон, от времени до времени, подробнейшие и точнейшие отчеты о своих путешествиях и ученых исследованиях, со включением характеристических и типических наблюдений, к каковым могут подать достаточные поводы их приключения и разнообразные сношения с людьми в трех соединенных королевствах.

В-шестых, общество единодушно утверждает благородный вызов господ членов-корреспондентов – совершать свои разнообразные путешествия на свой собственный счет, и Пикквикский клуб существующий в Лондоне, руководствуясь таковыми же благородными побуждениями, не назначает никакого определенного срока их ученым похождениям и возвращению в столицу. На сем основании,

В-седьмых, решено с общего согласия: известить господ членов-корреспондентов, что они уполномочиваются уделять из собственных финансов требуемые суммы на пересылку в Лондон своих писем, бумаг, чемоданов, ящиков, и прочая. Таковое их предложение общество считает вполне достойным тех великих душ, из которых оно произошло, а посему, в конце означенного заседания, единодушно определено: *изъявить господам членам-корреспондентам совершеннейшую признательность и постоянное благоволение всего клуба* ».

Это мы выписали из протокола, составленного секретарем Пикквикского клуба. «Посторонний наблюдатель», – прибавляет тот же секретарь, – «быть может, ничего необычного не заметил бы в почтенной лысой голове и круглых очках, пристально устремленных на его секретарское лицо в продолжение чтения означенных постановлений и решений; но для тех, кто знал, что под этим челом работал гигантский мозг самого м-ра Пикквика, и что за этими стеклами моргали собственные лучезарные глаза ученого мужа – зрелище было бы интересное и назидательное в полном смысле слова. Великий человек, проследивший до самых истоков славные пруды Гемстеда и взволновавший ученый мир своею „Теориею пискарей“, сидел покойно и неподвижно, подобно глубоким водам широкого пруда в морозный день, или лучше, подобно пискарю, погруженному в его ученом кабинете на дно скудельного сосуда. Зрелище сделалось еще назидательнее и трогательнее, когда зала вдруг огласилась единодушным криком: „Пикквик! Пикквик!“ и когда сей достославный муж медленными стопами взошел на виндзорское кресло, где так часто заседал он, и откуда теперь приготовился говорить свою речь к почтенным членам основанного им клуба. Трудно изобразить словами, какой возвышенный предмет для великого художника представляла эта умилительная и, вместе, торжественная сцена! Красноречивый Пикквик грациозно закинул одну руку за фалды своего фрака и махал другою в воздухе, усиливая таким образом и объясняя порывы своей пламенной декламации. Его возвышенное положение на президентском кресле открывало глазам собрания те узкие панталоны и штиблеты, которые на обыкновенном человеке прошли бы, вероятно, незамеченными, но которые теперь, облачая, так сказать, великого мужа, внушали невольное благоговение. М-р Пикквик окружен был людьми, решившимися добровольно разделить с ним опасности его путешествий, и которым судьба готовила завидную долю – принять участие в его знаменитости и славе. По правую сторону президентских кресел сидел м-р Треси Топман, восприимчивый и даже пламенный Топман, соединявший с мудростью и опытностью зрелых лет энтузиазм и пылкость юноши в одной из интереснейших и простительных слабостей человеческого сердца – любви. Время и съестные припасы здорового и питательного свойства значительно распространили объем его некогда романтической фигуры; черный шелковый жилет выставлялся вперед больше и больше, и золотая-часовая цепочка на его последних петлях уже совершенно исчезла из пределов зрения м-ра Топмана; но пылкая душа его устояла против всяких перемен, и благоговение к прекрасному полу было до сих пор её господствующею страстью. По левую сторону великого оратора заседал нежный поэт Снодграссь, и подле него – страстный охотник до звериной и птичьей ловли, м-р Винкель: первый был поэтически заку-

тан в таинственную синюю бекешь с собачьим воротником, а последний героически рисовался в новом зеленом охотничьем сюртуке, пестром галстук и туго натянутых штанах».

Речь м-ра Пикквика и также прения, возникшие по её поводу, внесены в деловые отчеты клуба. Все это имеет весьма близкое отношение к диспутам других ученых обществ, рассеянных по всем частям трех соединенных королевств; но так как всегда более или менее интересно следить за действиями великих людей, то мы, для удовольствия читателя, решились, основываясь на том же протоколе, представить здесь по крайней мере сущность этой речи президента.

«Господин Пикквик, – продолжает секретарь, – заметил прежде всего, что слава, какая бы ни была, вообще дорога и приятна для человеческого сердца. Так поэтическая слава дорога и любезна для сердца почтенного его друга м-ра Снодграса; слава побед и завоеваний равномерно дорога для его друга Топмана, а желание приобрести громкую известность во всех известных отраслях охоты, производимой в бесконечных сферах воздуха, воды, лесов и полей, бьется наисильнейшим образом в геройской груди его друга Винкеля. Что же касается до него, м-ра Пикквика, он, в свою очередь, откровенно сознается, что и на него также, более или менее, имеют влияние человеческие страсти, человеческие чувствования (громкие рукоплескания со стороны слушателей), быть может, даже человеческие слабости (зрители кричат: – „о, нет! нет!“); но в том нет ни малейшего сомнения, что, если когда либо славолюбие пылало в его груди, то желание принести истинную и существенную пользу человеческому роду всегда потушало это пламя. Общее благо человечества всегда, так сказать, окрыляло все его мысли и чувства (громкие рукоплескания). Конечно, что и говорить, он чувствовал некоторое самодовольствие и даже гордость в своей душе, когда представил ученому свету свою «Теорию пискарей» – знаменитую или, быть может, совсем не знаменитую – это другой вопрос (голос из толпы – «знаменитую!» и громкое рукоплескание). Пожалуй, он охотно соглашался, в угождение закричавшему джентльмену, что его диссертация получила громкую и вполне заслуженную известность; но если бы даже слава «Теории пискарей» распространилась до самых крайних пределов известного мира, авторская гордость его была бы ничтожна в сравнении с той гордостью, какую испытывает он в настоящую торжественную и решительную минуту своего бытия – он, Пикквик, окруженный знаменитейшими поборниками науки и просвещеннейшими ценителями заслуг, оказанных для неё скромными тружениками (громкие и единодушные рукоплескания). Да, спора нет, сам он, покамест, еще скромный и малоизвестный («нет! нет!») жрец на этом поприще; однако ж это отнюдь не мешает ему чувствовать, что он избран своими сочленами на великое дело чести, сопряженное со многими опасностями. Путешествие находится до сих пор в тревожном состоянии, и души кучеров еще не исследованы с догматической и критической точки зрения. Пусть почтенные сочлены обратят свой мысленный взор на сцены, почти ежедневно совершающиеся на больших дорогах. Дилижансы и почтовые кареты опрокидываются по всем возможным направлениям, лошади беснуются, лодки погибают в бурных волнах, паровые котлы трещат и лопаются (громкие рукоплескания; но один голос вскрикнул – «нет!»). Нет! (Рукоплескания). Кто же из вас, милостивые государи, решился так необдуманно закричать «нет!» (восторженные и громкие рукоплескания). Неужели это какой-нибудь тщеславный и несчастный торгаш, который, будучи снедаем завистью к ученым исследованиям и, быть может, незаслуженной славе его, м-ра Пикквика, решился, наконец, в своей неистовой и бессильной злобе, употребить этот низкий и презренный способ клеветы...

«М-р Блоттон шумно встал со своего места и сказал: неужели достопочтенный пикквикист намекает на него? (между слушателями раздались крики: – „Тише! Президент! По местам! Да! Нет! Прочь его! Пусть говорит!“ и прочая).

Но все эти оглушительные восклицания отнюдь не смутили великой души великого человека. М-р Пикквик, с благородною откровенностью и смелостью, отвечал, что он точно имел в виду этого почтенного джентльмена. При этих словах, восторг и одушевление распространились по всей зале.

М-р Блоттон сказал только, что он отвергает с глубочайшим презрением фальшивое обвинение достопочтеннейшего джентльмена, и что он, достопочтеннейший джентльмен, есть не иное что, как шарлатан первой руки (сильное волнение и крики: – „Тише! Тише! Президент! Порядок!“).

М-р Снодграс встал со своего места для восстановления порядка. Он взошел на президентское кресло (слушайте!) и желал знать прежде всего, неужели этот неприятный спор между двумя почтенными джентльменами будет продолжаться? (слушайте, слушайте!).

Президент был убежден, что почтенный сочлен возьмет назад свое нескромное выражение.

М-р Блоттон, питая глубокое уважение к президенту, был, напротив, совершенно убежден, что он не намерен брать назад своих слов.

Президент считал своею неременною обязанностью потребовать объяснение от почтенного джентльмена: в общем ли смысле употребил он выражение, сорвавшееся с его языка?

М-р Блоттон поспешил удовлетворительно объяснить, что – отнюдь не в общем. Все, что говорить он, было им собственно сказано в пикквикском смысле слов и значений (слушайте, слушайте!). С своей стороны, ему приятно было, пользуясь этим случаем, признаться, что сам он, лично, питал глубочайшее уважение к достопочтенному джентльмену, и что он считал его шарлатаном исключительно и единственно с пикквикской точки зрения (слушайте, слушайте!).

М-р Пикквик, с своей стороны, был совершенно доволен благородным, чистосердечным и вполне удовлетворительным объяснением своего почтенного друга. Он убедительно просил также заметить и принять к надлежащему сведению, что его собственные выражения и объяснения были всецело запечатлены духом пикквикским» (громкие и единодушные рукоплескания).

Так кончилась знаменитая речь и не менее знаменитые прения членов Пикквикского клуба. Это заседание сделалось источником плодovitых и самых благодетельных последствий. В официальных документах мы, к несчастью, не встретили тех фактов, с которыми читатель познакомится в следующей главе; но тем не менее мы смело ручаемся за их достоверность, потому что мы почерпнули их из писем и других подлинных манускриптов, заслуживающих всякого уважения.

Глава II

Поездка первого дня и приключения первого вечера, с изображением последствий, ознаменовавших этот день и вечер.

Великолепное солнце, постоянный и аккуратнейший сотрудник человеческих дел и предприятий, озарило ярким светом утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года. Вместе с первыми лучами солнца воспрянул от своего сна и м-р Самуил Пикквик, великое светило нравственного мира, будущий благодетель человечества, готовый озарить его своими благодетельными открытиями. Облачившись в халат, он открыл окно своей спальней и бросил глубокомысленный взгляд на мир земной. Гозуэлльская улица была под его ногами; Гозуэлльская улица тянулась по правую его сторону на весьма далекое пространство; Гозуэлльская улица простиралась и по левую сторону на такое же пространство; насупротив, через дорогу, пролежала та же Гозуэлльская улица.

– Увы! увь! – воскликнул м-р Пикквик, – как должны быть близоруки все эти философы, которые, ограничиваясь исследованием ближайших предметов, доступных для их зрения, не думают смотреть на высшие истины за пределами их тесного горизонта! Это все равно, если бы сам я решился всю свою жизнь сидеть у окна и смотреть на Гозуэлльскую улицу, не употребляя никаких усилий проникнуть в сокровенные области, окружающие ее со всех четырех сторон.

Развивая в своей душе эту прекрасную идею, м-р Пикквик с презрением сбросил с своих плеч халат, как символ неподвижности и лени, и принялся укладывать в чемодан свое платье. Великие люди, как известно, не любят церемониться с своим туалетом: потребовалось не больше полчаса для того, чтоб обриться, умыться, одеться, напиться кофе, и потом м-р Пикквик, захватив легкий чемодан под мышку и уложив телескоп в карман бекеша, отправился на улицу с записною книгой, готовую принять на свои листы дорожные впечатления и наблюдения великого человека. Скоро прибыл он на извозчичью биржу в Сен-мартинской улице, и громогласно закричал:

– Эй! Кабриолет!

– Готов, сэр, готов! – откликнулся хриплым басом какой-то странный субъект людской породы в сером байковом сюртуке, с медной бляхой и номером вокруг шеи. Это был сторож при извозчичьих лошадях, достойный занять не последнее место в какой-нибудь коллекции редких вещей. – Кабриолет номер первый, живей! – прибавил он во все горло, остановившись перед окнами дома весьма невзрачной наружности.

Первый номер, оторванный от своего завтрака и первой трубки, брюзгливо вышел из харчевни и еще брюзгливее взвалил в свою колесницу чемодан ученого мужа. М-р Пикквик был в кабриолете.

– К Золотому Кресту, на Почтовый двор! – сказал м-р Пикквик.

– Стоило хлопотать из одного шиллинга, Томми, – проворчал извозчик, обращаясь к своему приятелю караульщику, когда экипаж двинулся с места.

– Сколько лет вашей лошади, мой друг? – спросил м-р Пикквик ласковым тоном, потирая нос серебряной монетой, заранее приготовленной для извозчика.

– Сорок два года, – отвечал тот, посматривая исподлобья на ученого мужа.

– Как? Неужели! – воскликнул м-р Пикквик и тут же раскрыл свою памятную книгу, чтоб записать этот достопамятный случай.

Извозчик, не задумавшись, повторил свое первое показание. М-р Пикквик записал: «Лошади извозчика, взятого мною с биржи, было сорок два года».

– А как долго она может ездить в упряжи за один раз? – спросил м-р Пикквик, продолжая делать свои дальнейшие исследования.

– Недели две или три, – отвечал извозчик.

– Недели! – повторил м-р Пикквик, вынимая опять из кармана свою книгу.

– Ну, да, мы гоняем ее сряду недели по три, и день, и ночь, – сказал извозчик холодным и брюзгливым тоном. – Живет она в Пентонвилле, но мы редко оставляем ее дома, за стойлом, потому что, как видите, она очень слаба.

– Слаба! – повторил ошеломленный м-р Пикквик, устремив неподвижный взгляд на медную бляху владельца чудной лошади.

– Видите ли, сэр как скоро мы ее выпрягаем, она тотчас же сваливается и падает на землю, – продолжал извозчик, – но когда мы держим ее в тесной и короткой упряжи, упасть ей уж никак нельзя через оглобли.

– Как же она бежит?

– Это не мудреная штука. Мы нарочно заказали для неё пару огромных колес: стоит ей только двинуться с места, колеса покатаются и напирают, так что уж ей нельзя не бежать. Иной раз даже трудно удержать ее, когда она разбежится.

Все это м-р Пикквик записал слово в слово, рассчитывая сообщить ученому комитету необыкновенный случай долговечности лошадей, под влиянием сильных, решительных мер и критических обстоятельств. Когда таким образом эта запись приведена была к вождленному концу, чудодейственная лошадь остановилась у ворот Почтового двора. Кучер спрыгнул с козел, и м-р Пикквик благополучно вышел из кабриолета. Члены товарищи-корреспонденты, м-р Топман, м-р Снодграс и м-р Винкель, уже давно ожидавшие своего славного вождя, поспешили выйти к нему на встречу.

– Вот ваши деньги, – сказал м-р Пикквик, подавая шиллинг извозчику.

Легко представить изумление ученого мужа, когда вдруг загадочный владелец удивительной клячи бросил деньги на мостовую и выразил в энергических терминах непрременное желание вступить в рукопашный бой с особой самого м-ра Пикквика.

– Вы с ума сошли! – воскликнул м-р Снодграс.

– Вы пьяны! – объявил м-р Винкель.

– Или и то, и другое! – подтвердил м-р Топман.

– Ну, ну, черт вас побери! – забасил извозчик, принимая боевую позицию и геройски размахивая обоими кулаками. – Четверо на одного! Всех уберу!

– Великолепно, восхитительно! – заголосили десятка два извозчиков, обрадовавшихся случаю повеселиться на чужой счет. – Скорее к делу, Сам!

– Что тут за свалка, Сам? – спросил какой-то джентльмен в черном нанковом сюртуке.

– Да вот, сэр, этому карапузику зачем то понадобился мой номер, – отвечал храбрый извозчик, указывая кулаком на м-ра Пикквика.

– Мне вовсе не нужен ваш номер, – сказал изумленный м-р Пикквик.

– Зачем же вы его взяли? – спросил извозчик.

– Я не думал брать вашего номера, – сказал м-р Пикквик с великим негодованием.

– Поверите ли, господа, – продолжал извозчик, обращаясь к толпе, – поверите ли вы, что этот молодец, усевшись в мой кабриолет, не только записал мой номер, но и все, решительно все, что я говорил ему дорогой. Вот я с ним разделаюсь!

Луч света озарил мудрую голову м-ра Пикквика: дело шло о его записной книге.

– Неужто! – воскликнул какой-то долговязый верзила из толпы.

– Истинная правда! – отвечал извозчик. – Он вынудил меня насильно болтать с ним всякий вздор, и вот теперь привел троих свидетелей, чтоб подцепить меня на удочку. Уж я с ним разделаюсь посвойски, хоть бы пришлось мне месяцев шесть просидеть в тюрьме. Ну, ну, карапузик!

И, не давая времени одуматься своим четырем противникам, мужественный извозчик, с беззаботным пренебрежением к своей собственной личности, подскочил к м-ру Пикквику,

сшиб с него шляпу и очки и, не останавливаясь на этих разрушениях, стал последовательно наносить удары: первый достался м-ру Пикквику в нос, второй ему же в грудь, третий – м-ру Снодграсу в глаз, четвертый пришелся как раз в самую нижнюю оконечность жилета м-ра Топмана. Затем яростный извозчик всею силою стремительно обрушился на м-ра Винкеля и поподчивал его полновесными ударами по различным местам джентльменского тела. На все эти подвиги ловкому Саму понадобилось не более пятишести секунд.

– Где констэбль? – проговорил м-р Снодграс.

– Под насос их, братцы! – прогорланил продавец горячих пирогов.

– Это не пройдет вам даром! – говорил, задыхаясь, м-р Пикквик.

– Шпионы! – рокотала толпа.

– Ну же, ну! – кричал раззадоренный извозчик, неистово размахивая обоими кулаками.

Как скоро всюду распространилась весть, что Пикквикисты – шпионы, зрители, не принимавшие до этой поры деятельного участия в ссоре, начали с жаром подкреплять и развивать замысловатое предложение горячего пирожника, и Бог ведает, чем бы окончились личные обиды почтенным сочленам, если б вся эта суматоха не была прекращена совершенно неожиданным участием какого-то джентльмена, явившегося неизвестно как и откуда.

– Что тут за гвалт? – закричал довольно высокий и сухопарый молодой человек в зеленом фраке, обращаясь к м-ру Пикквику и пробиваясь сквозь толпу при сильном содействии своих локтей, задевавших по носам, затылкам и ушам многих почтенных особ.

– Шпионы! – как бы в ответ прошумела толпа.

– Вздор, мы вовсе не шпионы! – возразил м-р Пикквик таким искренним и вразумительным тоном, что не могло оставаться никакого сомнения, что почтенный джентльмен говорил истинную правду.

– Тогда объясните мне в чем дело! – проговорил молодой человек, обращаясь к м-ру Пикквику и подталкивая его легонько локтем, чем хотел ободрить дрожащего от гнева президента пикквикистов.

Ученый муж в коротких, но сильных и совершенно вразумительных выражениях объяснил молодому человеку весь ход дела.

– Ну, так идем со мной, – сказал зеленый фрак, увлекая насильно м-ра Пикквика и продолжая говорить во всю дорогу. – Нумер девятьсот двадцать четвертый! возьмите-ка свои деньги, и ступайте по добру по здорову домой... Почтенный джентльмен... Хорошо его знаю... Все вы ничего не понимаете... Сюда, сэр, сюда... Где ваши приятели?... Все вздор, ошибка, я вижу... Недоразумение... Мало ли что бывает... Задать ему перцу... Пусть раскусит... Несобразительный народ... Какие тут и мошенники, болваны!

И выстреливая таким образом подобными лаконическими сентенциями выразительного свойства, незнакомец быстро шел в общую залу конторы дилижансов, куда, плотно прижимаясь друг к другу, следовали за ним м-р Пикквик и его ученики.

– Эй, буфетчик! – проревел незнакомец, неистово дернув за колокольчик. – Стаканы для всей честной компании... коньяку и воды... Пунша горячего, крепкого, сладкого! – Живей... Глаз у вас поврежден, сэр!.. Подать сырой говядины для джентльменского глаза... Живей! – Ничто так хорошо не излечивает синяков под глазами, как сырая говядина... Ха, ха, ха!

И, не думая останавливаться, чтоб перевести дух, незнакомец одним залпом выпил стакан пунша и уселся в креслах с таким комфортом, как будто ничего особенного не случилось.

Между тем как три путешественника рассыпались в благодарности своему новому знакомцу, м-р Пикквик, хранивший во всех случаях жизни невозмутимое спокойствие великой души, рассматривал на досуге его костюм и наружный вид. Был он среднего роста, но, при длинных ногах и сухопаром туловище, казался довольно высоким. Зеленый фрак его мог быть щегольским нарядом в те дни, когда в Лондоне была мода на узкие фалды, на манер

ласточкиных крыльев: но в те времена, очевидно, украшал он особу более короткую, чем этот незнакомец, потому что облягаемые и запачканные обшлага далеко не доходили до кисти его руки. Он был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, и узкий фрак подвергался очевидной опасности разорваться на спине. Старый носовой платок, вместо галстука, украшал его шею, где не было и следов рубашечного воротника. На черных его штанах, здесь и там, проглядывали светлые заплатки, обличавшие продолжительную службу этого костюма. Плотнo прикрывая колени незнакомца, они туго прицеплялись штрипками к его дырявым башмакам, имея очевидное назначение скрывать от нескромных взоров его грязные, пожелтелые чулки, которые однако ж резко бросались в глаза. Его длинные черные волосы пробивались косматыми прядями из под старой, измятой шляпы, и за обшлагами фрака виднелись голые оконечности его рук, украшенных изорванными и грязными перчатками. Он был худощав и бледен, при всем том физиономия его выражала решительную самоуверенность, самодовольство и значительную долю бесстыдства. Он весело потряхивал своей скомканной шляпой и неутомно вертелся во все стороны, делая самые выразительные жесты.

Таков был человек, которого тщательно наблюдал в свои очки м-р Пикквик. Подражая своим приятелям, он тоже считал непременною обязанностью изъявить ему свою искреннюю благодарность в самых отборных и ученых выражениях.

– Нечего распространяться, сказано довольно, – отвечал незнакомец, делая энергичский жест. – Ни слова больше... но будь я вашим приятелем в зеленой куртке, черт побери, я бы свихнул извозчику шею... Пирожник тоже свиная башка... Всех бы отправил к чорту на кулички... как честный человек... Сволочь, трин трава!

В эту минуту вошел в залу кондуктор, и объявил, что рочестерский дилижанс готов отправиться в дорогу.

– Мой дилижанс? – воскликнул незнакомец, быстро вскочив со своего места. – Билет взят... сейчас ехать... Заплатите за коньяк... Мелких нет.... Крупные банковые билеты... Сдача у них скверная... серебряные деньги истерты, что бирмингэмские пуговицы... дрянь... заплатите.

И он еще раз потряхнул на всю компанию своей скомканной шляпой.

Случилось, по воле судеб, что м-р Пикквик и трое его спутников тоже решились, с своей стороны, сделать город Рочестер первую своею станцією и первым предметом ученых наблюдений. Объявив об этом своему новому товарищу, они согласились, для удобнейшего сообщения друг другу взаимных мыслей и желаний, поместиться рядом на империале.

– Ну, поворачивайтесь! – сказал незнакомец, помогая м-ру Пикквику взобраться на верх дилижанса. – Живей!

– Ваша поклажа, сэр? – спросил кондуктор.

– Чья? Моя? Вот этот узелок, больше никакой поклажи, – отвечал незнакомец. – Весь багаж отправлен водой... ящики, сундуки, коробки, баулы... тяжело, демонски тяжело!

И с этими словами он засунул в карман небольшой узелок, где хранились рубашка и носовой платок.

– Головы, головы, берегите свои головы! – вскричал неумолкавший незнакомец, предостерегая пассажиров империала, когда дилижанс проезжал под сводами ворот почтового двора. – Страшное место... демонская опасность... Случилось однажды... пятеро детей... мать, высокая леди, кушала бутерброды... совсем забылась через арку... тррр-тыррр... дети оглядываются... голова у матери оторвана... бутерброд в руках... нечем больше есть... сироты... визг, крик – ужасно, ужасно! – Что, сэр, изволите смотреть на Уайтголь? прекрасное место... не так ли?

– Я рассуждаю, – сказал м-р Пикквик, – о непостоянстве фортуны и коловратности человеческих деяний.

– Так, сэр, так! Сегодня шелк и бисер, а завтра куда еси девался человек? Философ, сэр?

- Психолог, сэр, скромный наблюдатель человеческой природы, – сказал м-р Пикквик.
- Так же как и я. Доброе дело... Человек любит философствовать, когда нечего есть.

Поэт, сэр?

– Почтеннейший друг мой, м-р Снодграс, имеет сильный поэтический талант, – сказал м-р Пикквик.

– Не дурно сам пишу стихи, – отвечал незнакомец. – Поэма в десять тысяч стихов... Ямбы и хорей с дактилями и анапестами... Олимп... Великая битва... Марс поутру, ночью Аполлон... барабан и лира... Пою тебя, великий муж... Нет вдохновения – забежал в кондитерскую, и опять... Муза, Нептун, Морфей... вдохновение шипит... Прекрасно! – Вы, сэр, не охотник ли? – вдруг спросил он, обращаясь к м-ру Винкелю.

– Да, я люблю охоту, – отвечал тот.

– Прекрасное занятие, сэр, бесподобное. – Собаки, сэр?

– Теперь нет, – отвечал м-р Винкель.

– А! Вы держали собак... бесподобные животные... твари смышленные... чутье... инстинкт... Была у меня отличная собака... лягавая... Понто, кличка... Пошел однажды на чужое поле... перелез ограду... выстрелил... бац... свистнул – собака стоит как вкопанная... свистнул опять... Понто... нейдет... подманил к себе – Понто, Понто... виляет хвостом и смотрит на столб... взглянул – на столбе надпись: «Лесничему приказано бить и стрелять всех собак за этой оградой»... Удивительная собака... бесценная... зоологический феномен.

– В самом деле, случай необыкновенный, – заметил м-р Пикквик. – Позвольте мне записать его?

– Извольте, сэр, извольте... сотни чудных анекдотов насчет собак... коллекция в классическом роде. – Красотка, сэр? – продолжал незнакомец, круто повернувшись к м-ру Треси Топману, бросавшему умильные взгляды на проходившую женщину.

– Очень мила, – заметил м-р Топман.

– Да... смак есть... Английские девушки далеко не так хороши, как испанки... Благородные создания... агатовые волосы... черные глаза... искрометистые... блещут... круглые формы... Чудо, как хороши.

– Вы были в Испании, сэр? – спросил м-р Топман.

– Жил там... очень долго.

– И много одержали побед, сэр?

– Побед? Тысячи! Дон Боларо Фицгиг... Гранд, старик... единственная дочь... Донна Христина... блистательная красавица... влюбилась по уши... ревнивый отец... гордая испанка... прекрасный англичанин... Донна Христина в отчаянии... приняла яд... рвотного дали... желудочный насос... сделали операцию... Старик Боларо вне себя... согласился... соединил наши руки... потоки слез... романтическая история... очень.

– Что-ж? Донна Христина теперь в Англии, сэр? – спросил м-р Топман, приведенный в восторженное состояние поэтическим изображением прелестей испанки.

– Умерла, сэр, умерла, – сказал незнакомец, приставив к глазам коротенький остаток носового коленкорового платка, – операция трудная... не перенесла... нежная комплекция... погибла жертвой.

– А её отец? – спросил поэтический Снодгрась.

– Угрызение и бедствие, – отвечал незнакомец, – исчез внезапно... молва по всему городу... искали по всем местам... с ног сбились... без успеха... городской фонтан на большой площади вдруг остановился... прошли недели... не брызжет... работники принялись чистить... выкачали воду... хватать... старик Боларо сидит в трубе... окоченелый... в правом сапоге бумага... полная исповедь... с отчаяния... не мог пережить... Вытащили его, фонтан забрызгал, заиграл... Трагический элемент.

– Могу ли я, с вашего позволения, внести в свои записки эту трогательную историю? – спросил м-р Снодграс, проникнутый великим соболезованием.

– Пишите, пишите! Пятьдесят новых историй в таком же роде, если угодно... вулканические перевороты в моей жизни, странные, непостижимые... Много видел, много испытал... То ли еще будет... Позволяю... Пишите.

В таком духе продолжался разговор во всю дорогу. На станциях, где сменяли лошадей, ученые путешественники угощали своего приятеля коньяком и пивом, и он без умолка рассказывал им новые истории, запечатленные по большей части трагическим колоритом. В скором времени, записные книги господ Пикквика и Снодграса наполнились поэтическими и философическими описаниями чудесных приключений. Наконец дилижанс покатился по рочестерскому мосту, за которым возвышался древний католический монастырь.

– Великолепная развалина! – воскликнул м-р Август Снодграс, увлеченный поэтическим чувством при виде почтенного здания.

– Какая обильная жатва для антиквария! – провозгласил м-р Пикквик, приставляя зрительную трубу к своему правому глазу.

– А! прекрасное место! – заметил незнакомец, – груда кирпичей... угрюмые стены... мрачные своды... темные углы... развалившиеся лестницы... старый собор... душный запах... пилигримы истерли ступени... узкие саксонские двери... Странные люди эти католические монахи... исповедальни точно суфлерские будки в театрах... Папа и главный казначей... Эти образа... Саркофаг... древние легенды... чудесные повествования... источник национальных поэм... вдохновение... Превосходно!

И этот монолог беспрерывно продолжался до той поры, когда дилижанс подъехал, наконец, к воротам гостиницы «Золотого быка» на главной рочестерской улице.

– Вы здесь остановитесь, сэр? – спросил м-р Натаниэль Винкель.

– Я? Нет... вам советую... всего лучше... хорошая гостиница... отличные постели... подле трактир Райта, дорого... очень дорого... полкроны за всякую мелочь... плата увеличивается, если обедаете у приятелей... странные люди.

М-р Винкель повернулся от м-ра Пикквика к м-ру Снодграсу, и от Снодграса к м-ру Топману: приятели перемигнулись, и утвердительно кивнули друг другу. М-р Пикквик обратился к незнакомцу:

– Вы оказали нам сегодня поутру весьма важную услугу, сэр, – сказал он, – позвольте покорнейше просить вас об одолжении разделить с нами скромный обед. Мне и приятелям моим было бы весьма приятно продолжить знакомство с человеком, который так много испытал и видел.

– Очень рад... благодарю... не смею советовать насчет блюд... не забудьте грибов со сметаной и жареной курицы... превосходно! В котором часу вы обедаете?

– А вот позвольте, – сказал м-р Пикквик, обращаясь к своему хронометру, – теперь скоро три. В пять часов вы свободны?

– Совершенно... именно в пять часов...! ни прежде, ни после. Дел бездна! До свидания!

Надев шапку набекрень, незнакомец слегка поклонился почтенным друзьям, взял узелок под мышку, свистнул, побежал и вскоре скрылся из вида.

– Много путешествовал и много видел, это ясно! – заметил м-р Пикквик. – Хорошо, что мы его пригласили.

– Как бы мне хотелось видеть его поэму! – сказал м-р Снодграс.

– Мне бы очень хотелось взглянуть на его собаку, – сказал м-р Винкель.

М-р Топман ничего не сказал и не заметил; но он размышлял в глубине души о донне Христине, гордом испанце, о фонтане, о бедствиях, о человеческой жестокости, и глаза его наполнились слезами.

Нумера взяты, постели осмотрены, обед заказан, и путешественники отправились осматривать город с его окрестностями.

Прочитав внимательно заметки м-ра Пикквика относительно четырех городов: Строда, Рочестера, Четема и Бромптона, мы нашли, что впечатление его, в существенных основаниях, ничем не отличается от наблюдений других путешественников, изображавших эти города. Представляем здесь в сокращении описание м-ра Пикквика.

«Главные произведения всех этих городов», – говорит Пикквик, – состоят, по-видимому, из солдат, матросов, жидов, мела, раковин, устриц и корабельщиков. К статьям торговой промышленности преимущественно относятся: морские припасы, яблоки, сухари, свежая и соленая рыба, и устрицы. Улицы многолюдны и представляют живописный вид, оживленный особенно постоянным присутствием военных. Приятно истинному филантропу углубляться в наблюдения относительно беззаботной и веселой жизни военных, умеющих так удачно разнообразить свои развлечения и так незлобиво и невинно шутить над добродушными простаками из граждан. Военные вообще обладают изумительно веселым расположением духа. За два дня до моего приезда сюда один из таких шутников был грубо оскорблен в трактире. Буфетчица не захотела отпустить ему более ни одной рюмки водки; в отплату за это, он (скорее для забавы) выхватил свой штык и ранил девушку в плечо. И однако ж, этот милый весельчак пришел в трактир на другой день, и сам же первый выразил свою готовность покончить дело миром и забыть неприятное приключение.

«Потребление табака в этих городах, – продолжает м-р Пикквик, – должно быть чрезвычайно велико, и табачный запах, распространяющийся по улицам, без сомнения, весьма приятен для особ, привыкших к трубке. Поверхностный наблюдатель сделал бы, вероятно, презрительный отзыв касательно грязи, которая тоже составляет здесь характеристическую принадлежность; но истинный философ, привыкший углубляться в самую сущность вещей, увидит, конечно, в этом обстоятельстве самое резкое и поразительное доказательство торговли и промышленности, обуславливающей народное благосостояние».

Ровно в пять часов явился незнакомец, и с его приходом начался обед. Дорожного узелка с ним больше не было; но в костюме его не произошло никаких перемен. Говорил он с таким же лаконическим красноречием, как прежде, и даже был, в некоторых случаях, гораздо красноречивее, хотя беседа его имела постоянно стенографический характер.

– Что это? – спросил он, когда человек принес первое блюдо.

– Селедки, сэр.

– Селедки, а! превосходная рыба! Отправляют в Лондон целыми бочками для публичных обедов. Рюмку вина, сэр?

– С большим удовольствием, – сказал м-р Пикквик.

И незнакомец, с необыкновенной быстротой, выпил рюмку сперва с ним, потом другую с м-ром Снодграсом, третью с м-ром Топманом, четвертую с м-ром Винкелем, и, наконец, – пятая рюмка залпом влилась в его горло за здоровье всей компании.

– Что тут у вас за суматоха? – спросил он, окончив эти вступительные тосты и обращаясь к трактирному слуге. – Я видел на лестницах ковры, лампы, зеркала.

– Это, сударь, приготовление к балу.

– Собрание будет, а?

– Нет, сэр. Это бал в пользу бедных.

– В этом городе должно быть много прекрасных женщин: как вы полагаете, сэр? – спросил м-р Топман.

– Блистательные красавицы... всякому известно... Кентское графство этим и славится... яблоки, вишни, хмель и женщины! Рюмку вина, сэр?

– С большим удовольствием, – отвечал м-р Топман.

Незнакомец залпом опорожнил рюмку.

– Мне бы очень хотелось идти на бал, – сказал м-р Топман.

– Билет, сэ, можно получить в буфете за полугинею, – сказал услужливый лакей.

М-р Топман опять выразил живейшее желание присутствовать на филантропическом бале; но, не встретив никакого сочувствия в отуманенных взорах господ Пикквика и Снодграса, обратился с некоторою горячностью к портвейну и десерту, который только что поставили на стол. Лакей ушел, и путешественники остались одни, имея в виду приятную перспективу послеобеденной дружеской беседы.

– Прошу извинить, – сказал незнакомец. – Погода сегодня демонски жаркая... передайте-ка сюда эту непочатую бутылку.

Незнакомец сряду выпил несколько рюмок за здоровье всех вообще и каждого порознь. Наступили веселые минуты. Гость говорил без умолку, и пикквикисты слушали с неумолимым вниманием. М-р Топман с каждой минутой больше и больше распалялся желанием присутствовать на бале. Физиономия м-ра Пикквика пылала выражением всеобщей филантропии; м-р Винкель и м-р Снодграс чувствовали сильную наклонность ко сну.

– Эге, уж начинают! – воскликнул незнакомец. – Публика собирается... скрипки настраиваются... арфа звучит... бал в разгаре.

В самом деле, через несколько минут звуки оркестра возвестили начало первой кадрили.

– Ох, как бы мне хотелось идти! – сказал опять м-р Топман.

– Да и мне, – сказал незнакомец, – черт побери... проклятая поклажа... тюки, व्यюки... неприятная пересылка водой... сиди тут – не в чем идти... странно, странно!

Должно теперь заметить, что любовь к ближнему во всех возможных проявлениях и видах была первою заповедью для пикквикистов, и никто из них не отличался столько ревностным исполнением этой заповеди, как м-р Треси Топман. В деловые отчеты клуба внесено множество случаев, свидетельствующих неоспоримым образом, что этот джентльмен был до невероятности добр и милосерд к своим ближним.

– Мне было бы очень приятно, – сказал м-р Треси Топман, – снабдить вас приличным костюмом; но вы слишком тонки, между тем как я...

– Толст как дистиллированный Бахус, э? Ха, ха, ха! Подайте-ка сюда бутылку.

Был ли м-р Топман приведен в справедливое негодование при этом слишком вольном и даже, так сказать, дерзком тоне, с каким незнакомец, без всяких предварительных церемоний, потребовал к себе вино, или, быть может, он оскорбился весьма неприличным сравнением своей, особы с дистиллированным Бахусом, – утвердительно сказать нельзя ни того, ни другого. Он передал вино, кашлянул два раза, и бросил на незнакомца суровый взгляд, давая ему заметить неуместность его поведения: оказалось, однако ж, что веселый гость сохранил совершенное спокойствие духа под влиянием этого испытующего взгляда, и м-р Топман, убежденный в его невинности, мгновенно переменял гнев на милость. Он продолжал:

– Я хотел заметить, сэ, что фрак мой был бы для вас слишком широк; но вот костюм моего друга Винкеля, надеюсь, будет вам впору.

Незнакомец измерял метким глазом фигуру м-ра Винкеля, и черты лица его заблистали совершеннейшим удовольствием.

– Счастливая, бесподобная идея! – воскликнул он. – Приятель ваш – второй экземпляр меня самого!

М-р Топман погрузился на несколько минут в глубокую думу и потом бросил внимательный взгляд на почтенных сочленов. Вино уже оказало свое снотворное действие на м-ров Снодграса и Винкеля, и, по-видимому, не подлежало сомнению, что даже чувства м-ра Пикквика подчинились успокоительному влиянию Бахуса. Достопочтенный муж постепенно перешел через все степени, которые обыкновенно предшествуют окончательной летаргии, производимой сытным обедом и его последствиями. От безотчетного веселья он спустился малопомалу в пучину безотчетной грусти, и потом из пучины грусти взобрался опять на высоту

веселья. Подобно газовому фонарю на улице, раздуваемому ветром сквозь узкое отверстие, он обнаружил на минуту неестественное сияние, и вдруг угас почти совершенно. Еще через несколько минут он вспыхнул ярким светом, и уже окончательно загал. Голова его опрокинулась на грудь, и душливое сопенье, прерываемое по временам громким всхрапом, сделалось единственным признаком присутствия великого человека.

Искушение – быть на балу и ознакомиться наглядным образом с блистательною красотою женщин Кентского графства – сильнейшим образом действовало теперь на чувства м-ра Топмана. Искушение взять с собою веселого гостя – было тоже очень сильно. Топман был чужой в этом месте и совсем не знал городских жителей, между тем как незнакомец жил, по-видимому, в Рочестере с младенческих лет. М-р Винкель спал глубоким сном; будить его было бесполезно; по обыкновенному ходу вещей, он, как сноп, покатылся бы на свою постель, если бы удалось пробудить его от неестественного усыпления. М-р Топман был в нерешительном состоянии.

– Выпейте рюмку и передайте вино мне! – проговорил неутомимый гость.

М-р Топман повиновался инстинктивно, и последняя рюмка, оживив деятельность его духа, заставила его остановиться на определенном плане.

– Спальня Винкеля подле моей комнаты, – сказал м-р Топман. – В настоящем положении, разумеется, ему никак не растолкуешь, чего мы хотим; но я знаю, что в чемодане у него прекрасная фрачная пара платья. Можно, я думаю, распорядиться и без него: вы наденете его костюм, а потом, после бала, я опять могу уложить его вещи на свое место, так что он ничего не будет знать.

– Гениальная мысль! – воскликнул незнакомец. – Чудесный план... странное положение, черт побери... четырнадцать фраков в дорожных ящиках... должен занимать чужой фрак... Неприятно!

– Надобно теперь купить билеты, – сказал м-р Топман.

– Разменивать соверен не стоит хлопот... бросим жребий, кому платить... Так, так... вон она как юлит... женщина, блистательная женщина... Вам платить, – говорил незнакомец, – когда брошенная монета катилась по столу. М-р Топман позвонил, заплатил за билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа незнакомец уже рисовался в блистательном костюме м-ра Натаниэля Винкеля.

– Это новый форменный фрак, – сказал м-р Топман, когда незнакомец охорашивался перед зеркалом. – Он шит в первый раз после изобретения формы для нашего клуба.

Говоря это, он рекомендовал гостю обратить внимание на большие вызолоченные пуговицы с портретом м-ра Пикквика и с буквами: П. К.

– Портрет этого старика?.. Хорошо, очень хорошо! – сказал незнакомец. – А что значат эти буквы: П. К.?.. Платье краденое, а?

М-р Топман пришел в сильное негодование и поспешил объяснить тайну девиза.

– Талия немного коротка, – говорил между тем незнакомец, повертываясь и кривляясь перед зеркалом. – Форма похожа на почтамтскую... фраки там наобум, без мерки... Неисповедимые предопределения судьбы... у всех малорослых людей длинные фраки... у великанов – короткие!.. Все навыворот в этом мире.

Когда, наконец, все приведено было в совершеннейший порядок, м-р Топман и его товарищ пошли наверх, в бальные залы.

– Ваши фамилии, сэр? – спросил швейцар.

М-р Треси Топман приготовился исчислить свои титулы; но незнакомец остановил его.

– Не нужно фамилий, – сказал он швейцару, и потом прошептал на ухо Топману, – не годится объявлять имен... почтенные фамилии в своем кругу... не могут произвести эффекта в публичных местах... лучше инкогнито... джентльмены из Лондона, знатные путешественники!

Дверь отворилась, и знатные путешественники вошли в залу.

То была широкая и длинная комната, освещенная восковыми свечами в хрустальных канделя брах. Скамейки, обитые малиновым бархатом, стояли по всем четырем сторонам. Музыканты живописной группой на хорах, и кадрили симметрически были расположены в два или три ряда танцующих пар. В смежной комнате стояли карточные столы, и две пары старух, с таким же числом почтенных джентльменов, уже сидели за вистом.

По окончании последней фигуры танцоры разошлись по зале. М-р Топман и его товарищ, стоя в углу, наблюдали собрание.

– Очаровательные женщины! – заметил м-р Топман.

– То ли еще будет! – отвечал незнакомец. – Теперь, покамест, мелюзга... тузы не явились... странная публика... корабельные чиновники высшего разряда знать не хотят корабельных инженеров низшего разряда... корабельные инженеры низшего разряда знать не хотят мелкого джентри... мелкое джентри презирает купцов...

– Не знаете ли, кто этот щуроглазый мальчуган с светлыми волосами и в фантастическом костюме? – спросил м-р Топман.

– Неважная птица... юнга девяносто седьмого экипажа... А вот достопочтенный Вильмот Снайп... знатная фамилия... богат как чорт... все знают.

– Сэр Томас Клоббер, леди Клоббер и девицы Клоббер! – забасил швейцар громовым голосом.

И по зале распространилось общее волнение, когда величественными стопами вошли: высокий джентльмен в синем фраке с светлыми пуговицами, высокая леди в голубом атласном платье и две молодые девицы в новомодных костюмах того же цвета.

– Главный начальник над портом... важная особа, – шепнул незнакомец м-ру Топману, когда благотворительный комитет встречал сэра Томаса Клоббера и его превосходительное семейство.

Достопочтенный Вильмот Снайп и другие знатные джентльмены спешили принести дань глубокого благоговения девицам Клоббер. Сам сэр Томас Клоббер стоял среди залы, выпрямившись как стрела, и величественно озирал блестящее собрание.

– М-р Смити, м-с Смити и девицы Смити! – проревел опять швейцар.

– Что это за м-р Смити? – спросил м-р Треси Топман.

– Так себе... неважный чиновник... вздор, – отвечал незнакомец.

М-р Смити отвесил низкий поклон сэру Томасу Клобберу, который, в свою очередь, удостоил его легким наклоном головы. Леди Клоббер навела трубку на м-с Смити и её дочерей, между тем как м-с Смити гордо посматривала на какую-то другую м-с, не имевшую счастья принадлежать к чиновницам корабельной верфи.

– Полковник Болдер, м-с полковница Болдер и мисс Болдер! – докладывал швейцар.

– Начальник гарнизона, – сказал незнакомец в ответ на вопросительный взгляд м-ра Топмана.

М-с Болдер дружески раскланялась с девицами Клоббер; встреча между полковницей Болдер и леди Клоббер была ознаменована самыми искренними излияниями радостных чувств; полковник Болдер и сэр Томас Клоббер перенюхивались в табакерках друг у друга и продолжали стоять одиноко, как джентльмены, проникнутые благородным сознанием собственного превосходства перед всем, что их окружало.

Между тем как местные аристократы – Болдеры, Клобберы и Снайпы – поддерживали таким образом свое достоинство на верхнем конце залы, другие разряды провинциального общества подражали их примеру на противоположной стороне. Младшие офицеры девяносто седьмого полка присоединились к семействам корабельных инженеров. Жены и дочери гражданских чиновников составляли свою особую партию, окруженную молодыми людьми

из того же круга. М-с Томлинсон, содержательница почтовой конторы, была, по-видимому, избрана главою торгового сословия.

Самой заметной особой в своем кругу был один маленький и кругленький человечек с черными хохлами на висках и огромной лысиною на макушке, доктор девяносто седьмого полка, м-р Слеммер. Он нюхал табак из всех табакерок, без умолка болтал со всеми, смеялся, плясал, отпускал остроты, играл в вист, делал все и был везде. К этим многосложным и разнообразным занятиям маленький доктор прибавлял другое, чрезвычайно важное: он неутомимо ухаживал за маленькой пожилой вдовой в богатом платье и бриллиантах, придававших её особе весьма значительную ценность.

Несколько времени м-р Топман и его товарищ безмолвно наблюдали маленького доктора и его интересную даму. Незнакомец прервал молчание:

– Груды золота... старуха... лекарь-фанфарон... спекуляция... задать им перцу... идея недурная.

М-р Топман бросил вопросительный взгляд на его лицо.

– Стану волочиться за старухой, – сказал незнакомец.

– Кто она такая? – спросил м-р Топман.

– Не знаю... не видал ни разу... доктора прочь... увидим.

Приняв это решение, незнакомец перешел поперек залы, и, остановившись у камина, начал посматривать с почтительным и меланхолическим удивлением на жирные щеки пожилой леди. М-р Топман обомлел. Незнакомец делал быстрые успехи: маленький доктор начал танцевать с другой дамой – вдова уронила платок – незнакомец поднял, подал – улыбка, поклон, книксен – разговор завязался. Еще несколько минут... два-три слова с распорядителем танцами... небольшая вступительная пантомима, и незнакомец занял свое место в кадрили с м-с Боджер.

Удивление м-ра Топмана, при этой чудной ловкости товарища, ровно ничего не значило в сравнении с глубоким изумлением доктора девяносто седьмого полка. Незнакомец молод, вдова самолюбива, внимание доктора отвергнуто, и счастливый соперник не обращает никакого внимания на его негодование. Доктор Слеммер остолбенел. Как? Неужели его, знаменитого врача девяносто седьмого полка, забыли и презрели в пользу человека, которого никто не видел прежде и которого никто не знает даже теперь! Вероятно ли это! Возможно ли? Да, чорт побери, очень возможно: они танцуют и любезничают. Как! Это что еще? Незнакомец рекомендует своего приятеля! Доктор Слеммер не верит глазам, но роковая истина должна быть допущена: м-с Боджер танцует с м-ром Треси Топманом – это не подлежит никакому сомнению. Вдовица перед самым носом доктора, полная одушевления и жизни, выделяет самые хитрые прыжки, то подбоченится, то подымет голову, и м-р Треси Топман рисуется перед ней с торжественным лицом. Непостижимо!

Терпеливо и молчаливо доктор медицины и хирургии переносит свою невзгоду, и с убийственным хладнокровием смотрит, как молодые люди пьют глинтвейн, подчивают конфектами своих дам, кокетничают, любезничают, улыбаются, смеются; но когда, наконец, незнакомец исчез, чтобы проводить м-с Боджер до её кареты, д-р Слеммер быстро вскочил с своего места, как ужаленный вепрь, и негодование, долго сдерживаемое, запылало ярким заревом на его щеках.

Незнакомец, между тем, проводив интересную вдову, снова появился в зале вместе с м-ром Топманом. Он говорил и смеялся от искреннего сердца. Доктор Слеммер свирепел, пыхтел, бесновался, жаждал крови своего врага.

– Сэр, – произнес он страшным голосом, подавая ему свою карточку, – имя мое – Слеммер, доктор Слеммер девяносто седьмого полка... в четемских казармах, сэр... вот мой адрес.

Больше ничего он не мог сказать; бешенство душило его.

– А! – проговорил незнакомец холодным тоном. – Учтливое внимание... Слеммер... Благодарю... теперь не болен... когда захвораю... д-р Слеммер... не забуду!

– Как? вы увертываетесь, милостивый государь? – говорил, задыхаясь, неистовствующий доктор. – Вы трус, негодяй, лжец!.. Вы – довольны ли вам этого? Дайте ваш адрес.

– О, глнтвейн, я вижу, слишком крепок! – воскликнул незнакомец вполголоса. – Не жалеют коньяка... очень глупо... лимонад гораздо лучше... жаркие комнаты... пожилые джентльмены... голова разболится... не хорошо, не хорошо... очень.

И он отступил назад с невозмутимым спокойствием.

– Я знаю, сэр, вы остановились в этой гостинице, – сказал неумолимый доктор, – теперь вы пьяны; завтра обо мне услышите; я отыщу вас, отыщу!

– На улице, может-быть... дома я никогда не бываю.

Д-р Слеммер, сделав неистовое движение, нахлобучил шляпу и вышел из залы. М-р Топман и его товарищ пошли наверх в спальню невинного м-ра Винкеля, которому надлежало возвратить занятый костюм.

Этот джентльмен уже давно спал крепким сном; церемония размена павлиньих перьев была совершена очень скоро и спокойно. Приятели закусили и выпили на сон грядущий по несколько стаканов вина. Незнакомец был разговорчив и весел; м-р Треси Топман, отуманенный глнтвейном, лафитом, восковыми свечами и белоснежными плечами рочестерских красавиц, был на седьмом небе и воображал себя первым счастливецом подлунного мира. Проводив своего товарища, м-р Топман, не без некоторых затруднений, отыскал отверстие в своем ночном колпаке и впихнул в него свою голову, – при чем опрокинул подсвечник и разбил остальную бутылку с портвейном. Наконец, после многих разнообразных эволюций, ему удалось кое-как добрести до своей постели, где он и погрузился в сладкий сон.

Поутру на другой день, ровно в семь часов, всеобъемлющая душа м-ра Пикквика была выведена из своего бессознательного положения громким стуком в дверь комнаты.

– Кто там? – спросил м-р Пикквик, вскакивая с постели.

– Чистильщик сапогов, сэр.

– Чего вам от меня нужно?

– Потрудитесь сказать сэр, какой джентльмен из вашего общества носит светло-синий фрак с золотыми пуговицами?

М-р Пикквик мигом догадался, что лакей взял, вероятно, чистить платье его товарища и забыл, кому оно принадлежит. Он отвечал:

– М-р Винкель, через две комнаты направо.

– Покорно благодарю.

Топман пил больше всех и спал богатырским сном; однако ж громкий стук неугомонного лакея разбудил и его.

– Что там такое?

– Можно ли поговорить с м-ром Винкелем, сэр? – сказал слуга.

– Винкель! Винкель! – вскричал м-р Топман, приподнявшись с постели.

– Что! – отозвался слабый голос из соседней комнаты.

– Вас спрашивают... там... за дверью, – пробормотал полусонный Топман, повернувшись на другой бок.

– Спрашивают! – воскликнул Винкель, быстро вскакивая с постели, и набрасывая халат на свои плечи, – кто-ж бы это? Кому я понадобился в таком дальнем расстоянии от города?

– Какой-то джентльмен желает с вами переговорить, – сказал лакей, когда м-р Винкель отворил ему дверь, – джентльмен говорит, что он недолго вас задержит; но ему непременно надобно вас видеть.

– Странно, очень странно! – сказал м-р Винкель. – Где этот джентльмен?

– Он дожидается в кофейной комнате.

– Хорошо. Скажите, что сейчас приду.

Этим временем счастливый Топман погрузился опять в сладкий утренний сон.

М-р Винкель оделся на скорую руку и сошел вниз, в общую залу. Старуха и два лакея убирали посуду; какой-то офицер в мундире стоял у окна, спиной к дверям. Обернувшись при входе м-ра Винкеля, он поклонился ему довольно сухо и предложил слугам выйти.

– М-р Винкель, если не ошибаюсь? – сказал офицер, запирая дверь.

– Да, я Винкель; что вам угодно?

– Вы, конечно, не удивитесь, сэр, если услышите, что я пришел к вам по поручению моего друга, м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка.

– Доктора Слеммера?!

– Так точно. Доктор просил меня объявить вам, сэр, что вы вчера вечером изволили вести себя совсем не по джентльменски и что, следовательно, он считает себя в праве требовать удовлетворения.

Изумление м-ра Винкеля обрисовалось самыми красноречивыми знаками на его лице. Приятель доктора Слеммера продолжал:

– Друг мой, доктор Слеммер, твердо убежден, что вы были вчера слишком пьяны, и вероятно, сами не сознаете всей обширности обиды, нанесенной ему. Он поручил мне сказать, что если вы, как благородный человек, обнаружите готовность извиниться в своем поведении, – он согласен принять от вас удовлетворительное объяснение, которое вы потрудитесь написать под мою диктовку.

– Письменное объяснение! – воскликнул озадаченный м-р Винкель.

– Одно из двух: объяснение, или... вы понимаете? – сказал докторский приятель холодным тоном.

– Точно ли ко мне относится ваше поручение, сэр? – спросил м-р Винкель, безнадежно сбитый с толка необыкновенным предложением.

– Сам я не имел чести быть свидетелем вашего неприличного поступка, – отвечал, улыбаясь, загадочный джентльмен, – и вы отказались дать свой адрес доктору Слеммеру. По его поручению, надлежало мне разведать, кому принадлежит светло-синий фрак с вызолоченными пуговицами, портретом и буквами «П. К.» друг мой хотел во что бы ни стало узнать вашу фамилию.

М-р Винкель остолбенел при этом подробном описании его костюма. Приятель доктора Слеммера продолжал:

– Из расспросов, мною сделанных, оказалось, что владелец светло-синего фрака с эмблематическими пуговицами прибыл в эту гостиницу вчера перед обедом с тремя другими джентльменами. Я немедленно послал узнать вашу фамилию, и теперь мне известно, что я имею честь говорить с м-ром Винкелем.

Если бы главная башня Рочестерского замка внезапно сдвинулась со своего места, и осталась перед гостиницею «Золотого Быка», изумление Винкеля было бы ничтожным в сравнении с теми чувствами, которые теперь волновали его грудь. Первою его мыслью было, что, вероятно, фрак его украден.

– Позвольте ли мне отлучиться на минуту? – сказал он.

– Сделайте милость.

М-р Винкель опрометью бросился наверх и раскрыл дрожащею рукою свой чемодан. Фрак лежал на своем обыкновенном месте, но был измят и немного запачкан: стало быть, его надевали прошлой ночью.

– Ну, да, дело очевидное, сообразил м-р Винкель, припоминая события вчерашнего дня, – вчера после обеда мне вздумалось гулять по здешним улицам: помню очень хорошо, как я закурил сигару и вышел со двора. Вероятно, я надел свой новый фрак, зашел куда-нибудь,

и напроказил: пьяному море по колена! Вот и разделявайся теперь с каким-то доктором Слеммером! Неприятно, черт побери, очень неприятно!

Сказав это, м-р Винкель поспешил воротиться в общую залу с мрачной решимостью принять вызов неустрашимого доктора Слеммера и мужественно покориться всем последствиям страшного поединка.

Многие обстоятельства имели влияние на геройскую решимость м-ра Винкеля, и прежде всего – репутация, которою он пользовался в клубе. До сих пор его считали образцом ловкости и искусства во всех делах, наступательных и оборонительных, где требовалось необыкновенное присутствие духа и вот, если теперь, при первом критическом случае, он обнаружит свою слабость, в глазах самого основателя знаменитого клуба, слава его затмится, и он пропал навсегда. Вдумываясь притом глубже в этот предмет, он сообразил, основываясь на многих случаях, что секунданты, вследствие обоюдного соглашения, редко заряжали пистолеты пулями, и всего чаще удавалось им примирять противников после холостых зарядов. Его секундантом, разумеется, будет м-р Снодграс. Если изобразить ему опасность живейшими и яркими красками, нет сомнения, этот джентльмен обо всем известит м-ра Пикквика, который, в свою очередь, не замедлит обратиться к местным властям, и, стало быть, покушение на убийство будет предотвращено.

Так рассуждал м-р Винкель, когда воротился в общую залу, и объявил свое согласие на вызов обиженного доктора.

– Не угодно ли вам отправить меня к вашему другу, чтоб я мог с ним условиться о времени и месте нашей встречи? – сказал офицер.

– Нет, это совсем не нужно, – возразил м-р Винкель, – мы это можем решить теперь же, и я не замедлю известить своего секунданта.

– В таком случае – сегодня вечером, на закате солнца: хорошо это будет? – спросил офицер беспечным тоном.

– Очень хорошо, – отвечал м-р Винкель, думая, напротив, что это – очень дурно.

– Знаете ли вы крепость Питта?

– Да, я видел ее вчера.

– Пройдя город, вы потрудитесь повернуть налево с большой дороги и обогнуть главный угол крепости; я буду ждать вас в безопасном месте, и дело, авось, устроится так, что никто нам не помешает.

– Это мы увидим! – думал м-р Винкель, бросая мужественный взгляд на секунданта своего противника.

– Больше, кажется, ничего не нужно? – сказал офицер.

– Ничего, я полагаю.

– Прощайте, сэр.

– Прощайте.

И офицер, насвистывая веселую песню, вышел из залы.

Завтрак наших героев, против обыкновения, был очень невесел. М-р Топман, после похождения вчерашней ночи, остался в постели; Снодграс, в глубине души, предавался поэтическим размышлениям, получившим на этот раз весьма угрюмый характер, и даже сам президент обнаруживал необыкновенную склонность к молчанию и содовой воде. М-р Винкель нетерпеливо выжидал удобного случая для объяснений, и случай скоро представился: он и м-р Снодграс отправились вдвоем на поэтическую прогулку, под предлогом обозрения достопримечательностей города.

– Снодграс, – начал м-р Винкель, когда они вышли за ворота, – Снодграс, любезный друг, могу ли я положиться на твою скромность?

Предложив этот вопрос, он был глубоко убежден, что любезный друг, при первой возможности, разболтает вверенную тайну. Поэты – народ болтливый, это всем известно; а Снодграс был великий поэт.

– Совершенно можешь, – отвечал м-р Снодграс, – хочешь, я дам клятву...

– Нет, нет, – прервал м-р Винкель, пораженный страшной возможностью удержать на привязи поэтический язык своего приятеля – не клянись, мой друг, не клянись: это совсем не нужно.

М-р Снодграс медленно опустил руку, поднятую к небесам во изъявление готовности дать клятву.

– Мне нужна твоя помощь, любезный друг, в одном важном деле... в деле чести, – сказал м-р Винкель.

– И ты ее получишь – вот тебе моя рука! – отвечал восторженный поэт.

– У меня дуэль, Снодграс, дуэль на жизнь и смерть с м-ром Слеммером, доктором девяносто седьмого полка, – сказал мистер Винкель, желая представить свое дело в самом торжественном свете; – мы условились с его секундантом сойтись сегодня вечером, на закате солнца.

– Очень хорошо: я буду твоим секундантом.

Такая готовность со стороны приятеля несколько изумила дуэлиста. Чужая беда встречается, по большей части, с удивительным хладнокровием посторонними людьми: м-р Винкель выпустил из вида это обстоятельство, и судил о чувствах друга по биению своего собственного сердца.

– Последствия, мой друг, могут быть ужасны, – заметил м-р Винкель.

– Ну, этого нельзя сказать заранее, – отвечал поэтический Снодграс.

– Доктор, я полагаю, отличный стрелок.

– Очень может быть: все военные стреляют хорошо, но ведь и ты, авось, не дашь промаха в десяти шагах.

– Разумеется.

Снодграс был удивительно спокоен, и поэтическое лицо его, к великой досаде м-ра Винкеля, начинало выражать торжественную решимость. Надлежало сообщить разговору другой оборот.

– Любезный друг, – сказал м-р Винкель трогательным и дрожащим голосом, испустив глубочайший вздох из своей груди и устремив свой взор к небесам, – любезный друг, если роковая пуля сразит мое сердце, и я бездыханен упаду к ногам своего безжалостного противника, ты должен принять на себя священную обязанность известить обо всем моего отца: скажи, что я пал на поле чести, и вручи ему от меня мое последнее письмо.

Но и эта красноречивая выходка не имела вожделенного успеха: поэт, приведенный в трогательное умиление, изъявил готовность составить обо всем подробнейший рапорт, и лично вручить печальное письмо отцу убитого друга.

– Но если я паду, – продолжал м-р Винкель, – или если доктор Слеммер падет от моих рук, ты неизбежно в том и другом случае сам будешь замешан в это дело, как свидетель преступления, и можешь подвергнуться большим неприятностям. Об этом я не могу подумать без содрогания.

При этом маневре м-р Снодграс задрожал и побледнел, но, руководимый чувством бескорыстной дружбы, скоро оправился от своего волнения и отвечал твердым голосом:

– Что делать! Неприятности не легко перенести, но для друга я готов в огонь и воду.

М-р Винкель внутренне посылал к чорту эту бескорыстную дружбу, и отчаяние сильно овладело его душой, когда они продолжали таким образом гулять по улицам города. Он ухватился за последнее средство:

– Снодграс! – вскричал он вдруг, останавливаясь среди дороги и с жаром ухватясь за руку своего приятеля, – ты уж, пожалуйста, не компрометируй меня в этом деле, не извещай об этом

полицию, не обращай к местным властям с просьбой посадить под арест меня и м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка, который живет теперь в Четемских казармах, недалеко от крепостного вала. Другой бы на твоём месте принял все возможные меры для предотвращения этой дуэли, мой друг.

– Ни за что в свете! – воскликнул м-р Снодграс с величайшим энтузиазмом.

Прощай, последняя надежда! Благодаря услужливости своего друга, м-р Винкель принужден сделаться одушевленной мишенью для смертоносного выстрела какого-то злодея, которого он не видал и в глаза! Холодный пот заструился по его лбу.

Покончив таким образом эти предварительные объяснения, друзья наши купили пистолеты с достаточным количеством пороха и пуль и поспешили воротиться в гостиницу «Золотого Быка». Все остальное время м-р Винкель горевал о своей судьбе, между тем как приятель его усердно занимался приведением в исправное состояние смертоносных орудий.

Наступил вечер, холодный и туманный. Не дожидаясь сумерек, пикквикисты поспешили отправиться на поле чести. М-р Винкель, для избежания посторонних наблюдений, завернулся в огромную шинель; м-р Снодграс тащил под своими полами смертоносные орудия.

– Все ли ты взял? – спросил м-р Винкель взволнованным тоном.

– Все, кажется, – отвечал м-р Снодграс, – я принял меры, чтоб можно было сделать несколько зарядов, на случай промаха или осечки. В этом ящике четверть фунта пороха; пули завернуты в двух нумерах здешней газеты.

Такое выражение дружеского чувства заслуживало, конечно, самой высшей благодарности; но м-р Винкель молчал, вероятно, от избытка душевного волнения. Он шел довольно медленно за спиной своего друга.

– Мы придем как раз в пору, – сказал м-р Снодграс, когда они были за городской заставой, – солнце только что начинало закатываться.

«Так, вероятно, закатится и последний час моей жизни!» думал м-р Винкель, бросая болезненный взгляд на заходящее светило. – Вот и секундант! воскликнул он с замиранием сердца, сделав несколько шагов.

– Где? – сказал м-р Снодграс.

– Вон там джентльмен в синей шинели.

М-р Снодграс посмотрел вперед, по указанию своего друга, и заметил довольно рослую фигуру в синем плаще. Офицер махнул рукой и повернул за угол крепости; пикквикисты последовали за ним.

Вечер казался удивительно печальным; заунывный ветер пробегал по опустелому пространству, как гигант, кликавший свою собаку пронзительным свистом. Плаксивая природа сообщила мрачный колорит чувствованиям м-ра Винкеля. Ров, окружавший крепость, казался ему колоссальной могилой, где скоро будут погребены его грешные кости.

Между тем офицер, свернув с главной тропинки, быстро перескочил за ограду уединенного поля, назначенного местом дуэли. Пикквикисты последовали его примеру, и м-р Снодграс с удовольствием заметил, что нельзя было выбрать места безопаснее и удобнее для кровавых походов. Два джентльмена ждали за оградой: один маленький и круглый человек с черными волосами; другой – статный мужчина в байковом сюртуке, сидевший с большим комфортом на походном стуле.

– Это должны быть доктор Слеммер и хирург, взятый для перевязки ран, – сказал м-р Снодграс, – ободрись, мой друг, и выпей водки.

М-р Винкель схватил поданную бутылку и с наслаждением втянул в себя несколько тысяч капель живительной влаги.

– Мой друг, сэр, – м-р Снодграс, – сказал м-р Винкель, когда к нему подошел офицер.

Докторский секундант сделал учтивый поклон и вынул ящик, такой же, как у Снодграса.

– Кажется, нам не о чем говорить, – заметил он холодным тоном, открывая ящик, – друг ваш уклонился от всяких извинений.

– Не о чем, я думаю, – сказал м-р Снодграс, начинавший чувствовать некоторую неловкость, при виде окончательных приготовлений.

– Угодно вам отмерять шаги? – сказал офицер.

– Извольте, – отвечал м-р Снодграс.

Дистанция, к общему удовольствию, была измерена правильно и скоро, и предварительные условия заключены.

– Мои пистолеты, я думаю, будут понадежнее ваших, – сказал расторопный секундант доктора девяносто седьмого полка. – Вы видели, как я заряжал: угодно вам осмотреть их?

– Нет, я совершенно на вас полагаюсь, – отвечал м-р Снодграс, довольный и счастливый тем, что его освободили от этой трудной операции: его понятия о зарядении смертоносных орудий были довольно сбивчивы и неопределенны.

– Стало быть, нам можно теперь поставить противников на барьер? – сказал офицер с величайшим хладнокровием, как будто действующие лица были для него пешками на шахматной доске – и он собирался играть.

– Конечно, можем, – отвечал м-р Снодграс.

Он готов был согласиться на всякое предложение, потому что ровно ничего не смыслил в этих делах. Офицер подошел к доктору Слеммеру; м-р Снодграс, машинально следуя его примеру, подошел к м-ру Винкелю.

– Все готово, – сказал он, подавая пистолет своему несчастному другу. – Давай мне свою шинель.

– Ты не забыл, милый друг, о письме к моему отцу?

– Нет, нет все будет исполнено. Ступай, подстрели его?

Легко сказать! Для бедного Винкеля это значило почти то же, если б рекомендовали ему схватить луну за рога. Совет очень хорош; но еще лучше, если б он знал, как выполнить его, не подставляя под пулю своего собственного лба! Как бы то ни было, он скинул шинель, и молча взял пистолет. Секунданты удалились от места действия; джентльмен на походном стуле последовал их примеру, и противники медленными шагами начали приближаться друг к другу.

М-р Винкель имел чрезвычайно нежное сердце, и любовь к ближнему составляла благороднейшую черту его характера. Мысль о предстоящем убийстве была, без сомнения, единственной причиной, заставившею его крепко зажмурить глаза, когда он остановился на барьере: это помешало ему разглядеть необыкновенные и загадочные поступки своего противника. Доктор Слеммер вздрогнул, обомлел, вытаращил глаза, протер их, вытаращил опять и, наконец, закричал громовым голосом:

– Стой! Стой!

Офицер и м-р Снодграс немедленно бросились к нему.

– Что это значит? – воскликнул доктор Слеммер. – Это не тот.

– Не тот! – воскликнул докторский секундант.

– Не тот! – подхватил м-р Снодграс.

– Не тот! – воскликнул статный джентльмен с походным стулом в руке.

– Ну, да, я вам говорю, – продолжал доктор Слеммер, – это совсем не тот джентльмен, который обидел меня вчера на балу.

– Странно! очень странно! – заметил офицер.

– Конечно, странно! – повторил джентльмен с походным стулом. – Вам, господа секунданты, во избежание всяких недоразумений, надлежало прежде всего привести в известность, точно ли этот почтенный господин, стоящий теперь на барьере перед нашими глазами, действительно и несомненно есть тот самый неучтивый и наглый джентльмен, который вчера вечером

имел непростительную неосторожность обидеть общего нашего друга, м-ра Слеммера, доктора девяносто седьмого полка. Таково мое мнение!

И, высказав эти слова с глубомысленным и таинственным видом, статный джентльмен снова уселся на свой походный стул, раскрыл табакерку, понюхал и посмотрел на секундантов с торжествующим лицом.

М-р Винкель широко открыл теперь свои глаза и с неизреченным удовольствием услышал, что враждебные действия, по воле неисповедимой судьбы, не будут иметь пагубных последствий. Мигом он смекнул, что в этом деле скрывалась какая-нибудь ошибка, и с быстротой молнии сообразил, что репутация его между сочленами Пикквикского клуба неизбежно получит значительное приращение, если он скроет настоящую причину, заставившую его принять вызов доктора Слеммера. Поэтому Винкель бодро выступил вперед и сказал:

– Да, я не тот, милостивые государи: чего вам от меня угодно? Знаю, что я не тот.

– Все равно, милостивый государь, – сказал джентльмен с походным стулом, – вы обидели доктора Слеммера принятием его вызова; и, стало-быть, дуэль немедленно должна состояться во всей силе и на прежнем основании.

– погоди, Пайн, – сказал докторский секундант. – Отчего вы, сэр, не потрудились объяснить со мною сегодня поутру?

– Ну, да, отчего, сэр, отчего? – сказал скороговоркой джентльмен с походным стулом.

– Замолчи, пожалуйста, Пайн, – перебил офицер. – Могу ли я повторить свой вопрос, сэр?

– Очень можете, – отвечал м-р Винкель, имевший довольно времени сообразить и обдумать свой ответ. – Вы заподозрили, сэр, в пьянстве и неприличных поступках особу в таком костюме, который исключительно присвоен членам Пикквикского клуба. Я изобрел эту форму и я же первый имел честь сшить себе светло-голубой фрак с вызолоченными пуговицами, на которых изображен портрет достопочтенного нашего президента. Вы понимаете, что я обязан был всеми силами поддерживать честь этого мундира, и вот почему, сэр, без дальнейших расспросов я поспешил принять наш вызов.

– Сэр, – воскликнул маленький доктор, выступая вперед с протянутой рукой, – любезность ваша заслуживает уважения со стороны всякого благородного человека. Позвольте мне сказать, сэр, и доказать самым делом, что я высоко ценю ваше поведение и крайне сожалею, что имел несчастье потревожить вас этой встречей.

– Не извольте беспокоиться, – сказал м-р Винкель.

– Мне было бы очень приятно короче познакомиться с вами, сэр, – продолжал миниатюрный доктор.

– Мне также вы доставите величайшее наслаждение вашим знакомством, – отвечал м-р Винкель, радушно пожимая руку своему великодушному противнику.

Затем подпоручик Теппльтон (докторский секундант) и джентльмен с походным стулом попеременно подошли к нашему герою с изъявлением глубочайшего почтения и удостоились от него самых дружеских приветствий. М-р Снодграс безмолвно любовался этою поэтической сценою, и душа его проникнута была благоговением к высокому подвигу неустрашимого друга.

– Теперь, я думаю, мы можем раскланяться, – сказал подпоручик Теппльтон.

– Разумеется, – прибавил доктор.

– Но, быть может, м-р Винкель чувствует себя обиженным, возразил с некоторой запальчивостью джентльмен с походным стулом, – по-моему, он имеет полное право требовать удовлетворения.

М-р Винкель, с великим самоотвержением, объявил, что он не имеет никаких претензий.

– Но, быть может, секундант ваш обиделся некоторыми из моих замечаний при первой нашей встрече, – продолжал неугомонный джентльмен с походным стулом, – в таком случае мне будет приятно дать ему немедленное удовлетворение.

М-р Снодграс поспешил принести искреннюю благодарность за прекрасное предложение, которое, по его мнению, делало великую честь неустрашимости и благородству джентльмена с походным стулом. Затем оба секунданта уложили свои ящики, и компания двинулась с места в самом приятном и веселом расположении духа.

– Вы здесь надолго остановились? – спросил доктор Слеммер м-ра Винкеля, когда они перебрались за ограду.

– Послезавтра мы рассчитываем оставить ваш город, – был ответ.

– Мне было бы очень приятно видеть вас и вашего друга в своей квартире, – продолжал миниатюрный доктор. – Вы не заняты сегодня вечером?

– У нас тут друзья, – отвечал м-р Винкель, – и мне бы не хотелось расставаться с ними нынешнюю ночь. Не угодно ли вам самим навестить нас в гостинице «Золотого Быка»?

– С большим удовольствием. В таком случае не будет поздно, если мы на полчаса завернем к вам в половине десятого?

– О, нет, это совсем не поздно, – сказал м-р Винкель. – Я буду иметь честь представить вас почтенным членам нашего клуба, м-ру Пикквику и м-ру Топману.

– Это, без сомнения, доставит мне большое наслаждение, – отвечал доктор Слеммер, нисколько не подозревая, кто таков был м-р Топман.

– Так вы придете? – спросил м-р Снодграс.

– Непременно.

Этим временем они вышли на большую дорогу и после дружеских пожатий разошлись в разные стороны. Доктор Слеммер и приятели его отправились в Четемские казармы; м-р Винкель и неразлучный его друг воротились в свою гостиницу.

Глава III

Еще новый приятель. – Повесть кочующего актера. – Неприятная встреча.

М-р Пикквик уже начинал серьезно беспокоиться насчет необыкновенного отсутствия двух своих приятелей и припоминал теперь с замиранием сердца, что они все утро вели себя чрезвычайно странным и несколько загадочным манером. Тем сильнее была его радость, когда он увидел их опять, невредимых, здоровых и даже способных к поэтическому излиянию своих чувств. Очень естественно, что он позаботился расспросить прежде всего, где они пропадали целый вечер. Обнаруживая полную готовность отвечать на эти вопросы, м-р Снодграс собирался представить подробный исторический отчет обо всем, что происходило за крепостью Питта на закате солнца, как вдруг внимание его было привлечено неожиданным замечанием, что в комнате присутствовали не только м-р Топман и дорожный их товарищ вчерашнего дня но еще какой-то другой незнакомец замечательной наружности. То был джентльмен, очевидно знакомый с горьким опытом жизни. Его померанцевое лицо и глубоко впалые глаза казались чрезвычайно выразительными от резкого контраста с черными густыми волосами, падавшими в поэтическом беспорядке на его лоб и щеки. Взор его искрился почти неестественно пронзительным и ярким блеском; высокие его скулы страшно выдались вперед по обеим сторонам лица, и челюсти его были до того длинны и отвислы, что с первого раза можно было подумать, что вся кожа сползла с его лица вследствие каких-нибудь конвульсий, если б в то же время полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не доказывали убедительным образом, что такова была его обычная наружность. На шее красовалась у него зеленая шаль с огромными концами, подвернутыми под грудь, и выставившимися наружу из под изорванных петель его старого жилета. Верхним его одеянием был длинный черный сюртук, нижним – широкие штаны из толстого серого сукна и огромные сапоги с заостренными носками.

На этой-то особе сосредоточился взгляд м-ра Винкеля при входе в комнату президента. М-р Пикквик спешил рекомендовать:

– Почтенный друг нашего друга. Сегодня мы узнали, что общий друг наш состоит на службе в здешнем театре, хотя он собственно не желает приводить это в известность. Почтенный джентльмен принадлежит тоже к обществу актеров. Он собирался рассказать нам маленький анекдот из жизни людей этой профессии.

– Кучу анекдотов! – подхватил зеленофрачный незнакомец вчерашнего дня. Он подошел к м-ру Винкелю и продолжал вполголоса дружеским тоном. – Славный малый... тяжкая профессия... не то, чтоб актер... все роды бедствий... горемычный Яша... так мы его прозвали.

М-р Винкель и м-р Снодграс учтиво раскланялись с «Горемычным Яшей» и, потребовав себе пунша, в подражание членам остальной компании, уселись за общий стол.

– Теперь, стало быть, вы можете рассказать нам свою повесть, – сказал м-р Пикквик. – Мы с удовольствием готовы слушать.

«Горемычный Яша» вынул из кармана грязный сверток бумаги и, обращаясь к м-ру Снодграсу, поспешившему вооружиться записной книгой, – спросил охриплым и басистым голосом:

– Вы поэт?

– Я... Я... немножко: поэзия – мой любимый предмет, – отвечал м-р Снодграс, несколько озадаченный неожиданным вопросом.

– О! поэзия – то же для жизни, что музыка и свечи для театра: она животворит и просвещает всякого человека, выступающего на сцену жизни. Отнимите у театра его искусственные украшения, и лишите жизнь её фантастических мечтаний: что тогда? Лучше смерть и безмолвная могила.

– Совершенная правда, сэр! – отвечал м-р Снодграс.

– Сидеть перед сценой, за оркестром, – продолжал горемычный джентльмен, – значит то же, что присутствовать на каком-нибудь блестящем параде и наивно удивляться шелковым тканям мишурной толпы: быть на самой сцене, значит принадлежать к действующим лицам, посвятившим свои способности и силы на забаву этой пестрой толпы. Неизвестность, голодная смерть, совершенное забвение – все может случиться с человеком. Такова судьба!

– Истинно так! – проговорил м-р Снодграс.

Так как впалые глаза горемычного джентльмена были исключительно обращены на его лицо, то он считал своей обязанностью сказать что-нибудь в подтверждение его слов.

– Пошевеливайся, что ли! – сказал с нетерпением испанский путешественник, – раскудахтался, как черноглазая Сусанна... там в переулке... Ободришь и начинай!

– Перед началом не угодно ли еще стаканчик пунша? – спросил м-р Пикквик.

– Не мешает. Вино и поэзия – родные сестры, и я не думаю, чтоб кто-нибудь из людей с джентльменскими наклонностями сомневался в этой истине, утвержденной веками.

Горемычный джентльмен, проглотив залпом полстакана пунша, принялся читать и в то же время рассказывать следующий анекдот, отысканный нами в «Записках клуба», под заглавием:

Повесть кочующего актера.

«Нет ничего чудесного в моей истории, – сказал „Горемычный Яша“, – ничего даже необыкновенного не найдет в ней человек, хорошо знакомый с разнообразными явлениями житейской суеты. Болезнь и нищета – обыкновенные спутники человеческой жизни. Я набросал эти строки единственно потому, что лично знал несчастного героя своей незатейливой истории. За несколько лет перед этим я следил за ним шаг за шагом, до тех пор, пока он, наконец, телом и душой, не погрузился в мрачную бездну, откуда уже никогда не мог выбраться на божий свет.

Человек, о котором намерен я говорить, был скромный пантомимный актер, и следовательно – горький пьяница, как почти всегда бывает у нас с людьми этого разряда. В лучшие дни, прежде чем ослабили его разврат и болезнь, он получал порядочное жалованье и, при воздержной жизни, мог бы, вероятно, получать его еще несколько лет. Говорю *несколько*, потому что эти люди всего чаще оканчивают свою карьеру ранней смертью, или вследствие неестественного изнурения и возбуждения телесных сил преждевременно утрачивают те физические способности, на которых единственно основываются их средства к существованию. Как бы то ни было, господствующая его страсть возрастала и усиливалась с такой быстротой, что в скором времени оказалось невозможным употреблять его в тех ролях, где он исключительно был полезен для театра. Трактир имел для него чарующую силу, и никогда не мог он устоять против искушений соблазнительной влаги. Запущенная болезнь и безнадежная нищета, сопровождаемые преждевременной смертью, неизбежно должны были сделаться его уделом, если бы он упорно продолжал идти по той же дороге. Однакож, он действительно шел по ней очертя голову, не оглядываясь назад и не видя ничего впереди. Последствия были ужасны: он очутился без места и без хлеба.

Случалось ли вам видеть, какое полчище оборванных и жалких бедняков принимает участие в театральных представлениях, как скоро разыгрывается какая-нибудь пантомима, или пьеса в восточном вкусе? Это собственно не актеры, правильно ангажированные, но балетная толпа, хористы, клоуны, паяцы, которых распускают тотчас же после спектакля, до тех пор, пока вновь не окажется нужда в их услугах. К такому-то образу жизни принужден был обратиться мой герой, и скудный заработок при одной ничтожной театральной группе, платившей несколько шиллингов в неделю, доставил ему снова несчастную возможность удовлетворять свою роковую страсть. Но и этот источник скоро иссяк для него: трактирные похождения,

принимавшие с каждым днем самый беспорядочный и буйный характер, лишили его скудного заработка, и он буквально доведен был до состояния, близкого к голодной смерти. Изредка только удавалось ему выманить займы какую-нибудь безделицу от своих старых товарищей, или зашибить копейку в каком-нибудь балагане, и приобретение его, в том и другом случае, немедленно спускалось в кабаке или харчевне.

Около этого времени я был ангажирован на один из второстепенных лондонских театров, и здесь-то опять, сверх всякого ожидания, встретился я с несчастным героем, которого уже давно выпустил из вида; потому что я странствовал по провинциям, а он скрывался в грязных захолустьях Лондона, и никто из нас не знал, чем и как он жил. Окончив свою роль, я переодевался за кулисами и собирался идти домой, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Во всю жизнь не забыть мне отвратительного вида, который встретил мой взор, когда я обернулся назад. То был мой герой, одетый для пантомимы, со всею нелепостью клоунского костюма. Фантастические фигуры в „Пляске смерти“, уродливые и странные карикатуры, нарисованные когда-либо на полотне искусным живописцем, никогда не могли представить и в половину такого ужасного, замогильного лица. Его пухлое тело и дрожащие ноги, – безобразие их во сто раз увеличилось от фантастического костюма, – стеклянные глаза, странно противоречившие толстому слою румян, которыми было испачкано его лицо; трясущаяся голова, карикатурно разукрашенная пестрой шапкой с развевающимися перьями, длинные костлявые руки, натертые и вылощенные мелом: все это сообщало его наружности отвратительный, гадкий и такой неестественно-ужасный вид, о котором я до сих пор не могу и подумать без замиранья сердца. Он отвел меня в сторону и начал дрожащим голосом исчислять длинный ряд недугов и лишений, умоляя, как водится, ссудить ему несколько шиллингов на самое короткое время. Получив от меня деньги, он опрометью бросился на сцену, и через минуту я слышал оглушительный смех и дикий рев, которыми сопровождалась его первые прыжки и кувырканья.

Через несколько вечеров оборванный мальчишка опустил в мою руку грязный лоскуток бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом, из которых явствовало, что герой мой опасно болен, и что он, во имя человеколюбия и дружбы, покорнейше просит меня навестить его после спектакля, в такой-то улице – я забыл её имя – недалеко, впрочем, от нашего театра. Я велел сказать, что приду, и в самом деле, лишь-только опустили занавес, я отправился на свой печальный визит.

Было поздно, потому что я играл в последней пьесе, и спектакль вообще тянулся очень долго вследствие бенефиса в пользу главного актера. Была темная холодная ночь. Сырой и пронзительный ветер подгонял к окнам и фасадам домов крупные капли проливного дождя. В глухих и тесных улицах накопились целые лужи, и как ветер загасил большую часть фонарей, то прогулка сделалась в самой высокой степени неудобною и опасною. К счастью, однако ж, я пошел по прямой дороге, и после некоторых затруднений мне удалось отыскать квартиру моего героя – угольный сарай с надстройкой в роде чердака: в задней комнате этого жилища лежал предмет моего печального визита.

На лестнице встретила меня какая-то женщина – оборванное и жалкое создание, с сольным огарком в руке. Она сказала, что муж её лежит в забытии, и, отворив дверь, спешила поставить для меня стул у его постели. Лицо его было обращено к стене, и он не мог заметить моего прихода. От нечего делать, я принялся рассматривать место, куда завлекла меня судьба.

Больной лежал на старой складной кровати, убиравшейся в продолжение дня. Вокруг изголовья торчали лоскутья грязного занавеса, сгруппированные для защиты от ветра, который, однако ж, свободно дул по всей комнате, пробираясь через щели в стенах и двери. В развалившемся камине, за изломанной решеткой, перегорали и хрустели остатки каменного угля, и перед решеткой был поставлен старый круглый стол с пузырьками из аптеки, разбитым зеркалом, щеткой и другими статьями домашнего хозяйства. На полу, среди комнаты, валялся ребенок на приготовленной для него постели, и подле, у изголовья, на трехножном стуле, сидела его

мать. Справа на стене утверждены были две полки, где виднелись тарелки, чашки, блюдечки и две пары театральных башмаков. Внизу, под этой полкой, висели две рапиры, арлекинская куртка и шапка. Вот все, что я мог заметить в этом странном жилище, за исключением, впрочем, нескольких узлов с лохмотьями, беспорядочно разбросанных по углам комнаты.

Долго я прислушивался к тяжелому дыханию и лихорадочным вздрагиваниям больного человека, прежде чем узнал он о моем присутствии. Наконец, в бесполезном усилии отыскать спокойное место для своей головы, он перебросил через постель свою руку, и она упала на мою. Он вздрогнул и устремил на меня блуждающий взор.

– М-р Готли, Джон, – проговорила его жена, давая знать обо мне, – м-р Готли, за которым ты посылал сегодня. Забыл разве?

– А! – воскликнул больной, проводя рукою по лбу, – Готли... Готли... кто, бишь, это... дай Бог память!

Казалось, через несколько секунд воспоминания его оживились и сознание воротилось. Он судорожно схватил мою руку и сказал:

– Не оставляй меня, старый товарищ, не оставляй. Она убьет меня, я знаю.

– Давно он в таком положении? – спросил я, обращаясь к его плачущей жене.

– Со вчерашней ночи, – отвечала она. – Джон, Джон! Разве ты не узнаешь меня?

– Не пускай ее ко мне! – вскричал больной, судорожно вздрагивая, когда она хотела склонить над ним свою голову. – Прогони ее, ради Бога! Мне тошно ее видеть.

Он дико вытаращил на нее глаза, исполненные тревожных опасений, и принялся шептать мне на ухо:

– Я бил ее, Яков, жестоко бил вчера и третьего дня, часто бил. Я морил их голодом и холодом – ее и ребенка: теперь я слаб и беззащитен... Яков, она убьет меня, я знаю. Как она плакала, когда я ее бил! О, если б ты видел, как она плакала! Прогони ее, сделай милость.

Он выпустил мою руку и в изнеможении упал на подушку.

Я совершенно понял, что все это значило. Если бы еще оставались какие-нибудь сомнения в моей душе, один взгляд на бледное лицо и костлявые формы женщины мог бы удовлетворительным образом объяснить настоящий ход этого дела.

– Вам лучше отойти, я полагаю, – сказал я, обращаясь к жалкому созданию. – Вы не можете принести пользы вашему супругу. Вероятно, он успокоится, если не будет вас видеть.

Бедная женщина отошла от своего мужа. Через несколько секунд он открыл глаза и с беспокойством начал осматриваться вокруг себя.

– Ушла ли она? – спросил он с нетерпением.

– Да, да, – сказал я, – тебе нечего бояться.

– Вот что, старый друг, – сказал он тихим голосом, – и больно мне, и тошно, и гадко видеть эту женщину. Это – олицетворенная кара для меня. Один взгляд на нее пробуждает такой ужасный страх в моем сердце, что я готов с ума сойти. Всю прошлую ночь её огромные глаза и бледное лицо кружились надо мной: куда бы я ни повернулся, вертелась и она, и всякий раз как я вздрагивал и просыпался от своего лихорадочного бреда, она торчала у моего изголовья и дико, и злобно озирала меня с ног до головы.

Он ближе наклонился к моему уху, и продолжал глухим, взволнованным шепотом:

– Это ведь, собственно говоря, злой дух, а не человек. Да, да, я знаю. Будь она женщина – ей давно бы следовало отправиться на тот свет. Никакая женщина не может вынести того, что она перенесла. Уф!

С ужасом воображал я длинный ряд жестокостей и страданий, которые должны были произвести такое впечатление на этого человека. Отвечать мне было нечего: кто мог доставить утешение или надежду отверженному созданию, утратившему человеческие чувства?

Часа два я просидел в этом жилище нищеты и скорби. Больной стонал, метался, бормотал невнятные восклицания, исторгаемые физической болью, забрасывал руки на голову и грудь и беспрестанно переворачивался с боку на бок. Наконец, он погрузился в то бессознательное состояние, где душа беспокойно блуждает в лабиринте смутных и разнообразных сцен, переходя с одного места в другое, без всякого участия со стороны рассудка, и без возможности освободиться из под неопищенного чувства настоящих страданий. Имея причины думать, что горячка теперь невдруг перейдет в худшее состояние, я оставил несчастного страдальца, обещавшись его жене придти вечером на другой день и просидеть, если понадобится, всю ночь у постели больного.

Я сдержал свое слово. В последние сутки произошла с ним страшная перемена. Глаза, глубоко впалые и тусклые, сверкали неестественным и ужасным блеском. Губы запеклись, окровянились и растреснулись во многих местах; сухая, жесткая кожа разгорелась по всему телу, и дикое, почти неземное выражение тоски на лице страдальца всего более обнаруживало роковые опустошения, произведенные недугом. Ясно, что горячка достигла самой высшей степени.

Я занял свое прежнее место и неподвижно просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, способным глубоко поразить даже самое нечувствительное сердце. То был неистовый бред человека, умирающего преждевременною и неестественною смертью. Из того, что сказал мне врач, призванный к одру больного, я знал, что не было для него никакой надежды: надлежало быть свидетелем последней отчаянной борьбы между жизнью и смертью. И видел я, как иссохшие члены, которые, не дальше как часов за семьдесят кривлялись и вытягивались на потеху шумного райка, корчились теперь под смертельной пыткой горячки; и слышал я, как пронзительный хохот арлекина смешивался с тихими стонами умирающего человека.

Трогательно видеть и слышать обращение души к обыкновенным делам и занятиям нормальной жизни, когда тело, между тем, слабое и беспомощное, поражено неисцелимым недугом; но как скоро эти занятия, по своему характеру, в сильнейшей степени противоположны всему, что мы привыкли соединять с важными и торжественными идеями, то впечатление, производимое подобным наблюдением, становится чрезвычайно поразительным и сильным. Театр и трактир были главнейшими сценами похождения страждущей души по лабиринту прошедшей жизни. Был вечер, грезилось ему; у него роль в нынешнем спектакле. Поздно. Пора идти. Зачем они останавливают его? Зачем не пускают из трактира? Ему надобно идти: он потеряет жалованье. Нет! за него уцепились, не пускают его. Он закрыл свое лицо пылающими руками и горько принялся оплакивать свою бесхарактерность и жестокость неумолимых преследователей. Еще минута, и он декламировал шутовские вирши, выученные им для последнего спектакля. Он встал и выпрямился на своей постели, раздвинул иссохшие члены и принялся выделять самые странные фигуры: он был на сцене; он играл. После минутной паузы, он проревел последний куплет какой-то оглушительной песни. Вот он опять в трактире: ух, как жарко! Ему было дурно, болен он был, очень болен; но теперь ничего: он здоров и счастлив. Давайте вина. Кто же вырвал рюмку вина из его рук? Опять все тот же гонитель, который преследовал его прежде. Он опрокинулся навзничь, заплакал, застонал, зарыдал.

Следовал затем период кратковременного забытья. Усталые члены успокоились, онемели, и в комнате распространилась тишина, прерываемая только удушливым дыханием чахоточной жены. Но вот он опять воспрянул и душой, и телом и снова обратился к занятиям прошедшей жизни. На этот раз пробирается он вперед и вперед, через длинный ряд сводчатых комнат и каморок, тесных, узких, мрачных и низких до того, что ему на карачках надобно отыскивать дорогу. Душно, грязно, темно. Куда ни повернет он голову или руку, везде и все заслоняет ему путь. Мириады насекомых жужжат и прыгают в спертом и затхлом пространстве, впиваются в уши и глаза, в рот и ноздри, кусают, жалят, высасывают кровь. Пресмыкающиеся гады гомозятся и кишат на потолке и стенах, взбираются на его голову, прыгают и пляшут на его

спине. Прочь, прочь, кровопийцы! И вдруг мрачный свод раздвинулся до необъятной широты и высоты, воздух прояснился, насекомые исчезли, гады провалились; но место их заступили фигуры мрачные и страшные, с кровожадными глазами, с распростертыми руками. Все это старые приятели, мошенники и злодеи, сговорившиеся погубить его. Вот они смеются, фыркают, делают гримасы, и вот – прижигают его раскаленными щипцами, скручивают веревкой его шею, тянут, давят, душат, и он вступает с ними в неистовую борьбу за свою жизнь. „Наконец, после одного из этих пароксизмов, когда мне стоило невероятных трудов удерживать его в постели, он впал, по-видимому, в легкий сон. Утомленный продолжительным и беспокойным бодрствованием, я сомкнул глаза на несколько минут; но вдруг сильный толчек в плечо пробудил опять мое усыпленное внимание. Больной встал и, без посторонней помощи, уселся на своей постели: страшная перемена была на его лице; но сознание, очевидно, воротилось к нему, потому что он узнал меня. Ребенок, бывший до этой поры безмолвным и робким свидетелем неистовых порывов страждущего безумца, быстро вскочил на ноги и с пронзительным криком бросился к своему отцу. Мать поспешно схватила его на руки, опасаясь, чтобы бешеный муж не изуродовал дитя; но, заметив страшную перемену в чертах его лица, она остановилась, как вкопанная, подле постели. Он судорожно схватился за мое плечо и, ударив себя в грудь, розинул рот, делая, по-видимому, отчаянные усилия для произнесения каких-то слов. Напрасный труд! Он протянул правую руку к плачущему младенцу и еще раз ударил себя в грудь. Мучительное хрипение вырвалось из горла – глаза сверкнули и погасли – глухой стон замер на посинелых устах, и страдалец грянулся навзничь – мертвый!“

Нам было бы весьма приятно представить нашим читателям мнение м-ра Пикквика насчет истории, рассказанной странствующим актером; но, к несчастью, мы никак не можем этого сделать вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства.

Уже м-р Пикквик взял стакан и наполнил его портвейном, только-что принесенным из буфета; уже он открыл уста для произнесения глубокомысленного замечания: „именно так“, – в путевых записках м-ра Снодграса объяснено точнейшим образом, что маститый президент действительно открыл уста, – как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

– Какие-то джентльмены, м-р Пикквик.

Это ничтожное обстоятельство и было причиною того, что свет лишился дополнительных замечаний великого мужа, которым, без сомнения, суждено было объяснить многие загадочные пункты психологии и метафизики. Бросив суровый взгляд на слугу, м-р Пикквик окинул испытующим взором всех присутствующих членов, как будто требуя от них известий относительно новых пришельцев.

– Я знаю, кто это, сказал м-р Винкель, – ничего! Это мои новые приятели, с которыми я сегодня познакомился по весьма странному стечению обстоятельств. Прекраснейшие люди, офицеры девяносто седьмого полка. Надеюсь, вы их полюбите.

– Мы очень рады их принять, – добавил он, обращаясь к слуге.

М-р Пикквик успокоился, и физиономия его совершенно прояснилась. Между тем отворилась дверь, и в комнату, один за другим, вошли три джентльмена.

– Подпоручик Теппльтон, – сказал м-р Винкель, – подпоручик Теппльтон, м-р Пикквик, доктор Пайн, м-р Пикквик – Снодграса вы уже видели: друг мой Топман, доктор Слемм...

Здесь м-р Винкель должен был остановиться, потому что на лицах Топмана и доктора выразилось сильнейшее волнение.

– Я уже встречался с этим джентльменом, – сказал доктор многозначительным тоном.

– Право! – воскликнул м-р Винкель.

– Да, и с этим также, если не ошибаюсь, – продолжал доктор, бросая пытливый взгляд на незнакомца в зеленом фраке.

– Ну, тем лучше, доктор. Я рад.

– Вчера вечером этот джентльмен получил от меня весьма важное приглашение, от которого, однако ж, он счел нужным уклониться.

Сказав это, доктор Слеммер бросил на незнакомца величественный взгляд и шепнул что-то на ухо своему приятелю, подпоручику Теппльтону.

– Неужто! – проговорил тот.

– Уверяю тебя.

– В таком случае скорей к развязке, – сказал с большою важностью владелец походного стула.

– Погоди, Пайн, перебил подпоручик. – Позвольте спросить вас, сэр, – продолжал он, обращаясь к м-ру Пикквику, начинавшему уже приходить в крайнее расстройство от этих таинственных и неучтивых переговоров, – позвольте спросить, к вашему ли обществу принадлежит этот джентльмен в зеленом фраке?

– Нет, сэр, – отвечал м-р Пикквик. – Он наш гость.

– Он член вашего клуба, если не ошибаюсь? – продолжал подпоручик вопросительным тоном.

– Совсем нет.

– И он не носит форменного фрака с вашими пуговицами?

– Нет, сэр, никогда! – отвечал озадаченный м-р Пикквик.

Подпоручик Теппльтон повернулся к доктору Слеммеру и сомнительно пожал плечами. Маленький доктор бесновался и бросал вокруг себя яростные взгляды, м-р Пайн злобно смотрел на лучезарную физиономию бессознательного Пикквика.

– Сэр, – сказал доктор, вдруг повернувшись к м-ру Топману, при чем этот джентльмен привстал и вздрогнул, как будто кольнули его булавкой в ногу, – сэр, вы были вчера вечером на балу?

М-р Топман слабым и нерешительным голосом пролепетал утвердительный ответ.

– И этот джентльмен был вашим товарищем, – продолжал доктор, указывая на неподвижного незнакомца.

– Точно так, – проговорил м-р Топман.

– В таком случае, сэр, – сказал доктор, обращаясь к незнакомцу, – еще раз спрашиваю вас в присутствии всех этих господ: угодно ли вам дать мне свой адрес, или я должен здесь же немедленно наказать вас как презренного труса? Выберите одно из двух.

– Остановитесь, сэр, – воскликнул м-р Пикквик тоном сильнейшего негодования, – ваше поведение требует немедленного объяснения или я заставлю вас иметь дело с собою. Топман, объяснись!

М-р Топман изложил все дело в нескольких словах, причем слегка упомянул о займе винкелевского фрака, упирая преимущественно на то важное обстоятельство, что все это случилось „после обеда“. Остальные подробности, заключил он, должен объяснить сам незнакомец, и тот, вероятно, представил бы удовлетворительный отчет, если б, сверх всяких ожиданий, не вмешался подпоручик Теппльтон, который уже давно искоса поглядывал на владельца зеленого фрака.

– Не видел ли я вас на здешней сцене? – спросил он незнакомца презрительным тоном.

– Может статься... мудреного нет... человек заметный.

– Ну, доктор, игра не стоит свеч, – продолжал подпоручик. – Этот господин – кочующий актер, и ему надо завтра играть в пьесе, которую поставили на здешнюю сцену офицеры пятьдесят второго полка. Вам нельзя драться, Слеммер, нельзя.

– Разумеется! – подхватил с достоинством м-р Пайн.

– Извините, что я поставил вас в такое неприятное положение, – сказал подпоручик Теппльтон, обращаясь к м-ру Пикквику, – совету вам на будущее время быть осторожнее в выборе ваших друзей, если вы желаете избежать подобных сцен. Прощайте, сэр!

И с этими словами подпоручик Тепплтон, бросив гордый взгляд, выбрался из комнаты.

– Позвольте, сэр, и мне сделать несколько замечаний в вашу пользу, – сказал раздражительный доктор Пайн. – Будь я Тепплтон или будь я Слеммер, я вытянул бы вам нос, милостивый государь, – всем бы вытянул вам носы, милостивые государи, всем, всем. Имя мое – Пайн, сэр, доктор Пайн сорок третьего полка. Спокойной ночи, сэр!

И, заключив эту фразу, грозным жестом, он величественно вышел из комнаты, сопровождаемый доктором Слеммером, который, не сказав ничего, ограничился только презрительным взглядом на раскрасневшиеся щеки почтенного президента Пикквикского клуба.

Бешенство и ярость закипели в благородной груди м-ра Пикквика с такою невероятной силой, что пуговицы чуть не порвались на его жилете. С минуту он стоял неподвижно на своем месте, задыхаясь от напора взволнованных чувств. Наконец, лишь только затворилась дверь после ухода неожиданных гостей, он мигом пришел в себя и опрометью бросился вперед с ярким пламенем во взорах. Уже рука его ухватила за дверной замок, и через минуту, нет сомнения, он вцепился бы в горло своего дерзкого обидчика, доктора Пайна, если б м-р Снодграс, сохранивший, к счастью, полное присутствие духа в продолжение всей этой сцены, не ухватился заблаговременно за фрачные фалды своего президента.

– Удержите его! – кричал м-р Снодграс. – Топман, Винкель... допустим ли мы погибнуть этой драгоценной жизни?

– Пустите меня, пустите! – кричал м-р Пикквик, неистово порываясь из дверей.

– За руки его, за ноги!.. так, так, плотнее, крепче! – ревел м-р Снодграс.

И, благодаря соединенным усилиям всей этой компании, м-р Пикквик был, наконец, посажен на кресло.

– Оставьте его, – сказал зеленофрачный незнакомец, – воды и коньяку... задорный старичишка... пропасть прорех... жаль... выпейте... превосходное сукно!

С этими словами незнакомец приставил к губам м-ра Пикквика стакан крепкого пунша, заранее приготовленного Горемычным Яшей.

Последовала кратковременная пауза. Живительная влага не замедлила произвести свое спасительное действие: почтенная физиономия м-ра Пикквика озарилась лучами совершеннейшего спокойствия.

– Не стоит думать о них, – заметил горемычный джентльмен.

– Ну да, разумеется, – отвечал м-р Пикквик. – Я раскаиваюсь, что вышел из себя: надобно быть рассудительнее в мои лета. Придвиньте сюда ваш стул, сэр, поближе к столу.

Горемычный Яша немедленно занял свое место, и через несколько минут все общество уселось за круглым столом. Общее согласие восстановилось еще раз. Следы некоторой раздражительности оставались на короткое время на геройском лице м-ра Винкеля, изъясившего заметную досаду на своевольное заимствование форменного платья; но и он, скоро успокоился рассудив основательно, что никак не следует думать о таких пустяках. Вечер, как и следовало ожидать, окончился очень весело, и все члены почтенной компании остались совершенно довольны друг другом».

Глава IV

Еще новые друзья. – Приглашение на дачу.

Многие писатели придерживаются обыкновения скрывать от взоров публики те источники, откуда почерпаются их сведения. За нами отнюдь не водится таких грехов, и совесть наша прозрачна, как кристалл. Мы стараемся только добросовестно выполнить принятую на себя обязанность издателей, и больше ничего. Разумеется, что и говорить, нам приятно было бы похвастаться первоначальным изобретением всех этих приключений; но глубокое уважение к истине заставляет нас признаться откровенно, что мы просто – чужими руками жар загребаем. Деловые бумаги Пикквикского клуба всегда были и будут нашею главною рекою, откуда чистыми и светлыми струями изливаются в нашу книгу самые важные и назидательные факты, которые мы, к удовольствию читателя, обязаны приводить в самый строгий, систематический порядок.

Действуя в этом добросовестном духе, мы считаем своим неперменным долгом объяснить, что всеми подробностями, которые читатель найдет в следующих двух главах, мы обязаны прекрасному путевому журналу м-ра Снодграса, справедливо заслужившего между своими сочленами и товарищами громкую поэтическую славу. С нашей стороны, в этом случае не будет даже сделано никаких дополнительных примечаний. Зачем? Дело будет вопиять само за себя. Начнем.

Поутру, на другой день, все рочестерское народонаселение и жители смежных городов поднялись рано с своих постелей, в состоянии чрезмерного одушевления и самой шумной суетливости. На большой площади, перед Четемскими казармами, должен был состояться парад. Орлиный глаз командира будет обозревать маневры полдюжины полков. Будут штурмовать неприступную крепость, и взорвут на воздух временные укрепления, нарочно воздвигнутые для этой цели.

М-р Пикквик, как, вероятно, уже догадались наши читатели из его описания Рочестера и Четема, был страстным любителем стратегии и тактики. Товарищи его не могли без пламенного одушевления смотреть на великобританского воина, гордого своим оружием и марсовским геройством. Таким образом, все наши путешественники с раннего утра отправились к главному месту действия, куда народ густыми толпами стекался со всех концов и дорог.

Каждый предмет на широкой площади свидетельствовал неоспоримым образом, что предстоящая церемония будет иметь торжественный и грандиозный характер. Часовые, в полном вооружении, были расставлены по всем четырем концам; слуги устраивали места для дам на батареях; сержанты бегали взад и вперед с сафьяновыми книгами под мышкой; полковник Болдер, в полной парадной форме, верхом на борзom коне, галопировал от одного места до другого осаживал свою лошадь, скакал между народом, выделявал курбеты, кричал без умолку, до хрипоты, отдавая приказания и кстати, для развлечения, водворяя порядок в народе. Офицеры ходили взад и вперед, принимая поручения от полковника Болдера и отдавая приказания сержантам. Даже самые солдаты смотрели с видом таинственной торжественности из под своих лакированных киверов, и это всего больше обличало редкое свойство имеющего быть стратегического праздника.

М-р Пикквик и спутники его заняли места в переднем ряду густой толпы. Толпа между тем увеличивалась с каждою минутой, и наши герои, в продолжение двух часов, только то и делали, что старались удержать выгодную позицию, которую они заняли. Один раз м-р Пикквик получил энергический толчок в самую середину спины и был принужден отпрыгнуть вперед на несколько аршин с такою странною поспешностью, которая вообще чрезвычайно противоречила его степенному виду. В другой раз попросили его отступить назад от фронта, причем зазевавшемуся почтенному президенту пришлось испытать на себе силу удара прикла-

дом ружья, который пришелся как раз по большому пальцу его правой ноги. Тут же некоторые веселые джентльмены с левой стороны притиснули м-ра Снодграса, и любопытствовали знать: «куда он корячится, верзила?» И когда м-р Винкель, свидетель этой дерзости, выразил энергичными знаками свое справедливое негодование, какой-то весельчак нахлобучил ему шляпу на глаза и учтиво попросил позволения положить к себе в карман его пустую голову. Все эти и многие другие, практические остроуты чрезвычайно игривого свойства, в связи с загадочным отсутствием м-ра Топмана, который вдруг исчез неизвестно куда, делали положение наших героев не совсем вожделенным и завидным.

Наконец, смешанный гул многих голосов возвестил прибытие ожидаемой особы. Глаза всех устремились на один и тот же пункт. Через несколько минут нетерпеливого ожидания, знамена весело заколыхались в воздухе, штыки ярко заблестали на солнце, колонны стройными рядами выступили на равнину, полки вытянулись, выстроились в цепь, слово команды произнесено и главный командир, сопровождаемый полковником Болдером и многими офицерами, подскакал к фронту. Грянул барабан, войска двинулись с своих мест и начались столь долго ожидаемые публикой маневры.

Сначала м-р Пикквик, сбитый с ног и придавленный десятками локтей, не имел возможности любоваться прекрасным зрелищем парада; но когда, наконец, он получил способность твердо укрепиться на своих ногах, удовольствие его приняло характер безграничного восторга.

– Может ли быть что-нибудь восхитительнее? – спросил он м-ра Винкеля.

– Ничего не может! – отвечал м-р Винкель, имевший счастье освободиться от посторонних ног, стоявших около четверти часа на его сапогах.

– Величественное, благороднейшее зрелище! – воскликнул м-р Снодграс. – Чье сердце не затрепещет от восторга при взгляде на героев, защитников отечества, которые с таким блеском и достоинством рисуются перед своими мирными гражданами? Не воинственная жестокость на их лицах, но выражение великодушия и благородства, и глаза их сверкают не грубым огнем хищничества или мести, но поэтическим светом человеколюбия и доблестей душевных.

М-р Пикквик, по-видимому, не совсем соглашался с этим восторженным поэтическим мнением своего ученика о военных, потому ничего ему не ответил и только сказал, не обращаясь ни к кому в особенности:

– Мы теперь в превосходной позиции.

– Да, в превосходной, – подтвердили в один голос м-р Снодграс и м-р Винкель.

Превосходство позиции состояло в том, что толпа вдруг рассеялась в разные стороны, а пикквикисты остались одни на своих местах.

– Что-то они теперь станут делать? – сказал м-р Пикквик, поправляя очки.

– Мне... мне... кажется, – проговорил м-р Винкель, значительно изменяясь в лице, – кажется, они хотят стрелять.

– Вздор! – сказал м-р Пикквик.

– Право, они хотят стрелять, – подтвердил м-р Снодграс взволнованным тоном.

– Быть не может! – возразил м-р Пикквик.

Но лишь только неустрашимый президент произнес эти слова как вдруг все шесть полков, по какому-то непонятному сочувствию, устремили ружейные дула на одну точку – на грудь почтенных пикквикистов, и выпалили с таким ужасным залпом, что земля дрогнула под их ногами, и свет дневной затмился в их глазах.

В этом-то критическом положении, когда, с одной стороны, угрожали бесчисленные залпы картечи, а с другой, противоположной, – готовы были нахлынуть на них новые полчища артиллеристов, м-р Пикквик обнаружил то совершеннейшее хладнокровие, которое обыкновенно составляет неотъемлемую принадлежность великих душ. Он схватил м-ра Винкеля за руку и, поставив себя между этим джентльменом и м-ром Снодграсом, доказывал в самых красноречивых выражениях, что им никак не следует бояться за свою драгоценную жизнь.

Конечно, не мудрено было оглохнуть от этого ужасного шума; но этим только и ограничилась вся опасность.

– Но если, чего Боже сохрани, ружье у кого-нибудь заряжено пулей, – говорил м-р Винкель, бледный как смерть, – в эту минуту свистнуло что-то в воздухе над самым моим ухом. Долго ли до греха? Пропадешь ни за грош!

– Не лучше ли нам повалиться на землю? – сказал м-р Снодграс.

– О, нет, это совсем не нужно; да вот уж и все кончено! – сказал м-р Пикквик. Могло стать, что губы его несколько дрожали и щеки побледнели; но за то, в общих чертах, физиономия великого человека не выражала никакого беспокойства.

Действительно, пальба прекратилась, и предположение м-ра Пикквика совершенно оправдалось; но едва только успел он выразить свое душевное удовольствие насчет пронизательности своей догадки как опять послышалось новое, чрезвычайно быстрое движение в рядах. Раздалось могучее слово командира, и, прежде чем можно было угадать сущность нового маневра, все шесть полков, со штыками наголо, устремились скорым маршем на тот самый пункт, где присутствовал м-р Пикквик со своими почтенными друзьями.

Человек смертен – дело известное, и бывают иной раз такие роковые случаи, против которых вообще бессильно человеческое мужество. Сначала м-р Пикквик с недоумением взглянул в свои очки на приближающуюся массу; потом быстро повернулся к ней спиной и... не то чтоб побежал – этого никак нельзя сказать, во-первых, потому, что бегство – слишком низкий термин, совсем негодный для высокого слога; во-вторых, фигура м-ра Пикквика отнюдь не была приспособлена к этому постыдному разряду отступления. Нет, м-р Пикквик засеменил своими ногами и замахал обеими руками с такою быстротой, что на первый раз посторонний наблюдатель никак бы не заметил неловкости его положения.

Свежие отряды, нахлынувшие с тыла на наших героев, собирались отразить нападение мнимых победителей цитадели, и следствием этого было то, что м-р Пикквик и его друзья вдруг очутились между двумя перекрестными огнями враждебных полков, выступавших скорым маршем один против другого.

– Прочь! – кричали офицеры в передовой цепи.

– Прочь, прочь с дороги! – кричали офицеры других отрядов.

– Куда же нам деваться? – визжали отчаянные пикквикисты.

– Прочь, прочь, прочь! – был единственный ответ.

Наступили минуты страшной толкотни и суматохи; полки сдвинулись, сразились, отступили; площадь очистилась, и на площади лежал низверженный м-р Пикквик, и подошвы сапог м-ра Пикквика барахтались и колыхались в воздушном пространстве.

М-р Снодграс и м-р Винкель тоже с своей стороны не замедлили, при этом случае, представить удивительные опыты рикошетов и кувырканий, обнаруживших во всем свете их чудную ловкость, в особенности последнего. Когда, наконец, он прочно утвердился на своих ногах и начал отирать желтым шелковым платком крупные капли пота с своего чела, изумленный взор его прежде всего обратился на почтенного президента, которому суждено было в эту минуту догонять свою шляпу, сорванную ветром с его головы.

Всем и каждому известно, что человек бывает поставлен в истинно плачевное положение, когда судьба, олицетворенная в сильных порывах ветра, заставляет его догонять свою собственную шляпу, и безрассудно поступают те безжалостные эгоисты, которые позволяют себе смеяться над таким человеком. Нигде, быть может, не требуется с нашей стороны столько хладнокровия и рассудительности, как в искусстве ловить шляпу: так по крайней мере думает м-р Снодграс, и я совершенно с ним согласен. Если вас, благосклонный читатель, постигнет такое страшное несчастье, я никак не советую вам бежать слишком скоро, иначе вы обгоните свою беглянку, медленно идти тоже нехорошо, потому что в таком случае шляпа совсем исчезнет из вида, и тогда вам придется отступить от своей собственности, а известно, на что

похож человек, потерявший свою голову. Всего лучше бежать слегка, исподволь, преследовать осмотрительно, осторожно, и потом вдруг, сделав решительный прыжок, схватить ее за поля, и тут же надеть на голову как можно крепче. В продолжение всей этой операции не мешает слегка посмеиваться, улыбаться и делать увеселительные жесты, показывая, таким образом, что эта ловля чрезвычайно забавляет вас.

Ветерок подувал довольно сильно, подкатывая шляпу м-ра Пикквика. Великий муж бежал вперед и вперед, размахивая руками и отнюдь не теряя присутствия духа: но, к несчастью, ветер сделался сильнее, шляпа раскатилась с невероятной быстротой, и м-р Пикквик, вероятно, совсем потерял бы ее из вида, если б судьба сама не распорядилась за него, противопоставив естественную преграду своевольной беглянке.

Истощенный до изнеможения, м-р Пикквик уже готов был совсем прекратить свою погоню, как вдруг шляпа его наткнулась на колесо экипажа, стоявшего перед площадью с полдюжиною других, более или менее фантастических экипажей. Заметив выгоду своего положения, м-р Пикквик сделал сильный прыжок, завладел своею собственностью и, надев ее на голову, остановился перевести дух. В эту самую минуту, знакомый голос весело произнес его имя: м-р Пикквик оглянулся, и невыразимое удовольствие распространилось в его душе при том истинно поэтическом зрелище, которое открылось перед его глазами.

То была открытая коляска, без лошадей, которых поспешили выпрячь, чтоб удобнее расположиться в этом тесном месте. В коляске стояли: пожилой статный джентльмен в синем фраке с светлыми пуговицами и в огромных ботфортах, две молодые девушки в шарфах и перьях, молодой джентльмен, очевидно, влюбленный в одну из этих девушек, украшенных перьями и шарфами, одна леди сомнительного возраста, тетка или кузина, и, наконец, м-р Топман, любезный и веселый Топман, принимавший живейшее участие во всех распоряжениях и разговорах, как будто он принадлежал к этой фамилии с первых лет жизни. За коляской, назади, где прикрепляются дорожные чемоданы, виднелась огромная плетеная корзина – одна из тех благородных корзин, которых вид пробуждает в наблюдательной душе сладкие воспоминания о жареных курицах, копченых языках, бутылках вина и проч., и проч. На козлах сидел толстый красно-рыжий детина, с заспанными глазами и опухлыми щеками: не мудрено было догадаться, что обязанностью его было – раздавать почтенной публике лакомые припасы плетеной корзины, как скоро наступит для того вожделенная пора.

Лишь только м-р Пикквик окинул проницательным взглядом все эти интересные предметы, верный ученик его закричал опять веселым и беззаботным тоном:

– Пикквик, Пикквик! Идите к нам! Скорее!

– Пожалуйте к нам, сэр, прошу покорно! – сказал пожилой статный джентльмен. – Джой! Ах, чорт побери, он опять заснул. – Джой, отвори дверцы!

Толстый детина медленно спустился с козел, и, покачиваясь с боку на бок, отворил дверцы. В эту минуту подошли к коляске м-р Снодгрась и м-р Винкель.

– Всем будет место, господа, пожалуйста! – продолжал статный джентльмен. – Двое сядут в коляске, а один на козлах. Джой, приготовь место для одного из этих господ. Теперь, сэр, милости просим.

И статный джентльмен дюжею рукой втащил в коляску Пикквика и Снодграса. М-р Винкель вскарабкался на козлы, где рядом с ним поместился и толстый детина.

М-р Пикквик раскланялся со всей компанией и радушно пожал руку статному джентльмену в огромных ботфортах.

– Ну, как ваше здоровье, сэр? – сказал статный джентльмен, обращаясь к м-ру Снодграсу с отеческой заботливостью. – Рад, очень рад, все в порядке, я надеюсь. – Вы какживаете, сэр? – продолжал он, говоря м-ру Винкелю. – Все вы здоровы? прекрасно, прекрасно! – Мои дочери, господа, прошу познакомиться, и вот моя сестра, мисс Рахиль Уардль. Она еще девица и, как видите, недурна... неправда ли, сэр? А?

Он весело толкнул локтем м-ра Пикквика и залился самым радушным смехом.

– Ах, братец, как не стыдно! – проговорила мисс Уардль с девственной улыбкой.

– Чего тут стыдиться? Это всякий видит, – сказал статный джентльмен. – Прошу извинить, господа, вот еще мой приятель, м-р Трудель. Теперь мы все знакомы и, стало быть, можем с большим комфортом смотреть на эволюции.

Статный джентльмен надел очки, м-р Пикквик вооружился подзорной трубой, и вся компания принялась смотреть на военные эволюции, изредка, по временам поглядывая друг на друга.

Эволюции точно были достойны изумления. Колонны сходились, расходились, маршировали, строились в каре, палили и разбегались врассыпную. Нельзя было надивиться, с какою ловкостью солдаты перепрыгивали через глубокий ров и взбирались по веревочным лестницам на стену неприступной крепости, которую, однако ж, надлежало взять во что бы то ни стало. Приготовления к решительному приступу были настолько шумны и ужасны, что весь воздух наполнился криком женщин, и многие благородные леди попадали в обморок. Девушки Уардль перепугались до того, что м-р Трудель принужден был одну из них держать в своих объятиях, тогда как м-р Снодграс поддерживал другую. Тетушка Уардль едва могла стоять на ногах и растерялась до такой степени, что м-р Топман счел необходимым обхватить её гибкую талию и поддерживать ее обеими руками. Вся компания была в неопisanном волнении, кроме, однако ж, толстого и жирного парня, который спал на козлах беспробудным сном, как будто пушечная пальба имела для него чарующую силу колыбельной песни.

– Джой, Джой! – воскликнул статный джентльмен, когда крепость, наконец, была взята, и победители вместе с побежденными уселись обедать за общий стол. – Черт побери, этот урод опять заснул! Пожалуйста, сэръ, потрудитесь ущипнуть его за ногу, иначе его ничем не разбудишь... Вот так!.. Покорно благодарю. – Развяжи корзинку, Джой.

Жирный детина, приведенный в себя энергическими усилиями м-ра Винкеля, еще раз скатился с козел и принялся развязывать корзинку с такою расторопностью, какой, по-видимому, вовсе нельзя было ожидать от него.

– Ну, господа, теперь мы можем сесть, – сказал статный джентльмен. – Ба! это что такое? Отчего у вас измятые рукава, mesdames? Я советовал бы вам поместиться на коленях своих кавалеров – это было бы удобнее, по крайней мере для тебя, сестрица.

Тетушка Уардль раскраснелась как пион при этой неуместной шутке и бросила сердитый взгляд на м-ра Топмана, спешившего воспользоваться предложением её брата. Наконец, после других, более или менее остроумных шуток, вся компания уселась с большим комфортом, и м-р Уардль, приведенный в непосредственное соприкосновение с толстым парнем, открыл церемонию угощенья.

– Ну, Джой, ножи и вилки!

Ножи и вилки были поданы, к общему удовольствию дам и джентльменов, поспешивших вооружиться этими полезными орудиями.

– Тарелки, Джой, тарелки!

Такой же процесс последовал при раздаче фарфоровой посуды.

– Подавай цыплят. – Ах, проклятый, он опять заснул. – Джой, Джой!

Несколько легких толчков по голове тростью вывели толстого парня из его летаргического усыпления.

– Подавать кушанье!

При звуке этих слов жирный мальчик, казалось, воспрянул и душой, и телом. Он вскочил, побежал, и оловянные глаза его, едва заметные из-под опухлых щек, заблестали каким-то диким блеском, когда он принялся развязывать корзинку.

– Живей, Джой, пошевеливайся!

Предосторожность была очень кстати, потому что толстый детина с какою-то особенною любовью вертел каплуна в своих руках и, казалось, не хотел с ним расстаться. Принужденный, однако ж, к безусловному повиновению, он испустил глубокий вздох и, став на подножку, подал своему хозяину жареную птицу.

– Хорошо, хорошо. Подавай теперь копченый язык, колбасу и пирог с голубями. Не забудь ветчину и жареную телятину; вынь раковый салат из салфетки – живей!

Отдав все эти приказания на скорую руку, м-р Уардль поспешил снабдить салфетками всех членов проголодавшейся компании.

– Ведь это превосходно, не правда ли? – сказал веселый джентльмен, когда, при дружном содействии ножей и вилок, началось великое дело насыщения пустых желудков.

– Превосходно! – воскликнул м-р Винкель, покачиваясь на козлах.

– Не угодно ли рюмку вина?

– С величайшим удовольствием!

– Не хотите ли, я велю подать бутылку?

– Покорно благодарю.

– Джой!

– Что сэр?

На этот раз жирный детина, занятый рассматриванием телятины, еще не успел заснуть.

– Бутылку вина для джентльмена на козлах. Очень рад вас видеть, сэр.

– Покорно благодарю.

М-р Винкель опорожнил стакан и поставил бутылку подле себя.

– Позвольте ли просить вас об одолжении, сэр? – сказал м-р Трундель м-ру Винкелю.

– Сделайте милость! – сказал м-р Винкель, наливая стакан м-ру Трунделю.

Они чокнулись и выпили до дна, для первого знакомства. В эту же минуту м-р Топман поспешил чокнуться с почтенным хозяином, который только что перестал чокаться с глубоко-мысленным президентом. Дамы тоже приняли участие в общих тостах.

– Что это как Эмилия любезничает с посторонним мужчиной! – шепнула девствующая тетушка на ухо своему брату.

– Пусть ее, это до меня не касается! – сказал статный джентльмен с веселым и беззаботным видом. – Странного тут ничего нет, любезная сестрица – все в порядке вещей. М-р Пикквик, не угодно ли вина?

М-р Пикквик, занятый глубокомысленным исследованием внутренности пирога, обязательно выпил поданный стакан.

– Эмилия, дружок мой, не говори так громко, сделай милость! – воскликнула целомудренная тетушка, обращаясь с покровительствующим видом к одной из своих племянниц.

– Что с вами, тетушка?

– Да так: я советую тебе быть скромнее, моя милая.

– Покорно благодарю.

– Тетушка и этот старичок свели, кажется, довольно тесную дружбу, – шепнула мисс Изабелла Уардль своей сестре Эмилии.

Молодые девушки засмеялись очень весело и громко, к великой досаде девствующей тетки.

– Смотрите, как они смеются! Бестолковая радость совсем вскружила головы этим девицам, – заметила мисс Уардль, обращаясь к м-ру Топману с видом истинного соболезнования, как будто безотчетная радость была запрещенным товаром, и молодежь не смела им пользоваться без позволения тетушки.

– О, да, они очень веселы, – проговорил м-р Топман, стараясь поймать настоящую мысль степенной леди, – это приятно видеть.

– Гм! – пробормотала тетушка сомнительным тоном.

– Смею ли пить за ваше здоровье? – спросил м-р Топман, бросая умильный взгляд и слегка дотрагиваясь до нежных пальчиков мисс Рахили.

– Ах, сэръ!

Взгляды м-ра Топмана сделались еще умильнее и нежнее. Мисс Рахиль обнаружила опасение, что солдаты, быть может, еще вздумают стрелять: в таком случае, вероятно, опять понадобится ей посторонняя помощь.

– Мои племянницы очень милы: не правда ли? – шепнула она м-ру Топману.

– И были бы еще милее, если бы тут не было их тетушки, – отвечал страстный обожатель прекрасного пола.

– Какой вы насмешник, право! Нет, без шуток, если бы черты их были несколько правильнее и нежнее, они казались бы очень миловидными, особенно вечером, при свечах.

– Конечно, конечно, – подтвердил м-р Топман.

– О, – вы злой человек! Я знаю, сэръ, что у вас на уме.

– Что? – спросил м-р Топман, не думавший ни о чем положительно в эту минуту.

– Вы хотели сказать, что Изабелла несколько горбата... ну, да, не отпирайтесь, я видела, что вы это тотчас же заметили. Что-ж? вы не ошиблись: у ней точно растет горб, этого скрыть нельзя: страшное несчастье для молодой девушки! Я часто говорю ей, что года через два она будет ужасным уродом. О, вы ужасный насмешник!

Обрадованный случаю прослыть знатоком женской красоты, м-р Топман не сделал никаких возражений и только улыбнулся с таинственным видом.

– Какая саркастическая улыбка! – заметила Рахиль. – Я боюсь вас, сэръ.

– Меня боитесь?

– Я вижу вас насквозь, и от меня не укроются ваши мысли. О, я в совершенстве понимаю что значит эта улыбка.

– Что? – спросил м-р Топман, искренно желавший открыть значение того, что было для него самого таинственной загадкой.

– Вы думаете, – начала тетушка, понизив голос на несколько тонов, – вы думаете, что горб Изабеллы еще не велика беда в сравнении с нравственными недостатками её сестры. Ну, да, Эмилия чрезвычайно ветрена, вы угадали. Сколько раз я проливала тайком горькие слезы при мысли об ужасном несчастье, до которого, нет сомнения, доведет ее этот ужасный недостаток! Видите ли, она готова всем вешаться на шею, и простодушный отец – это всего убийственнее – ничего не замечает, решительно ничего! Если б он в половину был так же проникателен, как вы – сердце его надорвалось бы от отчаяния, уверяю вас. Что делать? Любовь к детям совсем ослепила его глаза. Ох, быть тут худу, быть тут худу!

Сердобольная тетушка испустила глубокий вздох, и взоры её приняли самое печальное выражение.

– Тетушка изволит, кажется, говорить о нас, – шепнула мисс Эмилия своей сестре, – я уверена в этом.

– Право?

– Непременно. Смотри, какой у неё жалкий вид. Надо ее проучить. Ах, тетушка, вы совсем не бережете своего здоровья! Долго ли простудиться в ваши лета? Накройтесь вот этим платком или закутайтесь шалью. Для такой старушки, как вы, всякий ветерок может иметь несчастные последствия.

Неизвестно каким бы ответом тетушка отблагодарила за это пылкое участие к её старческим недугам, если бы м-р Уардль, не подозревавший этой перестрелки, не вздумал вдруг сделать энергическое обращение к своему слуге.

– Джой, Джой! – Вообразите, этот пострел опять заснул!

– Странный парень! – заметил м-р Пикквик. – Неужели он всегда спит?

– Всегда, всегда! – Полусонный он ходит по улице и нередко храпит, прислуживая за столом.

– Удивительно странный малый! – повторил м-р Пикквик.

– Очень удивительный, и я горжусь им, – отвечал статный джентльмен. – Это редкое явление в природе, и вы не отыщете другого экземпляра в целом свете. Я ни за что с ним не расстанусь. Эй, Джой! – Убери эти вещи и подай другую бутылку! слышишь ли?

Жирный детина повернулся, встал, протер глаза, проглотил огромный кусок пирога и, переваливаясь с боку на бок, принялся за исполнение данных приказаний, искоса поглядывая на остаток роскошного завтрака, в котором он не мог принимать деятельного участия. Ножи, тарелки и салфетки уложены на свое место; новая бутылка лафита откупорена и выпита; опустелая корзинка отправилась на запятки; жирный парень еще раз взгромоздился на козлы: подозрительная труба и очки вновь явились на сцену – и перед глазами насыщенной публики снова открылись стратегические эволюции великобританских солдат. Ружья и пушки загремели, земля дрогнула, дамы взвизгнули, подкоп взорван, цитадель, к общему удовольствию, взлетела на воздух и чрез несколько минут все и каждый спешили отправиться по своим местам. Статный джентльмен и м-р Пикквик, исполненный поэтических наслаждений, искренно делились взаимными наблюдениями и радушно пожимали друг другу руки.

– Так не забудьте, сэръ, – сказал статный джентльмен, – завтра мы должны увидеться.

– Непременно, – отвечал м-р Пикквик.

– Вы записали адрес?

– Как же, как же: Менор-Фарм, Динглиделль, – проговорил м-р Пикквик, вперив очки в свою записную книгу.

– Очень хорошо, – сказал статный джентльмен. – Надеюсь, на моем хуторе вам не будет скучно, и вы увидите предметы, вполне достойные ваших наблюдений. Неделя мигом пролетит в удовольствиях сельской жизни. Джой – ах, проклятый, он опять заснул – Джой, помоги кучеру заложить лошадей.

Лошади заложены; кучер сел на козлы; жирный парень взгромоздился подле него, и коляска сдвинулась с места. Когда пикквикисты бросили последний взгляд на своих друзей, махавших шляпами и платками, заходящее солнце ярким заревом осветило фигуру жирного детины: он спал крепким сном, и голова его лежала на плече кучера Тома.

Глава V

Мистер Пикквик упражняется в кучерском искусстве. Мистер Винкель показывает удивительные опыты верховой езды.

Яркие лучи утреннего солнца озарили всю природу; воздух наполнился благоуханием; птицы стройным хором запели свой утренний концерт. М-р Пикквик, воспрянувший от сна вместе с восходом великолепного светила, стоял на рочестерском мосту, облокотившись о перила. Он созерцал природу, вдумывался в мирскую суету и дожидался завтрака. Окружающие предметы в самом деле представляли очаровательный вид, способный вызвать на размышление даже не такую великую душу, как у президента знаменитого клуба.

По левую сторону глубокомысленного наблюдателя лежала развалившаяся стена, пробитая во многих местах и упавшая грубыми и тяжелыми массами на тесный морской берег. Огромные наросты морской травы, трепетавшей при каждом колыхании ветра, висели на острых зазубренных камнях, и зеленый плющ печально обвивался вокруг темных и мрачных бойниц. За этой руиной возвышался древний замок со своими лишенными кровли башнями и массивными стенами, готовыми, по-видимому, рухнуть от первого прикосновения; но все это тем не менее громко говорило о силе и могуществе старинного здания, где, за семьсот лет от нашего времени, раздавался шум веселых гостей, сверкали блестящие оружия, и время сокращалось в продолжительных попойках. По обеим сторонам расстилались, на необозримое пространство, берега широкой Медуэ, покрытые нивами и пастбищами, пересекаемыми по местам ветряными мельницами. Богатый и разнообразный ландшафт становился еще прекраснее от мимолетных теней, быстро пробежавших по этому пространству, по мере того как тонкие облака исчезали перед светом утреннего солнца. Река, отражавшая небесную лазурь, струилась тихо и спокойно, изредка пересекаемая веслами рыбаков, спешивших вдаль на добычу на своих живописных лодках.

М-р Пикквик стоял и смотрел, погруженный в приятную задумчивость. Глубокий вздох и легкий удар по плечу неожиданно прервали нить его поэтических размышлений. Он обернулся: перед ним стоял горемычный джентльмен.

– Созерцаете поэтическую сцену? – спросил горемычный джентльмен.

– Да, – сказал м-р Пикквик.

– И, конечно, поздравляете себя с утреннею прогулкой?

М-р Пикквик улыбнулся в знак согласия.

– О, да! – человеку нужно вставать рано, чтоб видеть солнце во всем блеске, потому что редко, слишком редко сияние его продолжается во весь день. Увы! Утро дня и утро человеческой жизни имеют множество общих сторон.

– Истинная правда! – воскликнул м-р Пикквик.

– Как справедлива пословица: «Заря быстро всходит и быстрее исчезает!» – продолжал горемычный джентльмен. – Эфемерная жизнь человека – увы! – мелькает как заря. О, Боже! – чего бы я ни сделал, чтоб воротить дни своего промелькнувшего детства! Или уж лучше бы забыть мне их раз навсегда.

– Вы много страдали, сэр? – сказал м-р Пикквик тоном истинного соболезнования.

– Страдал, да, очень много, – отвечал скороговоркой горемычный джентльмен. – Моим знакомым теперь и в голову не приходит, что испытал я на своем веку.

Он приостановился, перевел дух, и потом, делая крутой поворот, прибавил энергическим тоном:

– Случалось ли вам думать, что утопиться в такое утро было бы истинным счастьем человека?

– О, нет, как это можно! – возразил м-р Пикквик, стремительно отступая от перил, из опасения, как бы горемычный джентльмен, в виде опыта, не вздумал вдруг подтвердить на нем свою теорию счастливого погружения в волны.

– Я так, напротив, часто об этом думал, – продолжал горемычный джентльмен, не обращая внимания на энергический прыжок президента. – В журчаньи тихой и прозрачной воды слышится мне таинственный голос, призывающий к вечному покою. Прыжок – падение – кратковременная борьба: нырнули, погрузились опять, – и тихия волны сокрыли вашу голову, – и мир исчез из ваших глаз со всеми бедствиями и тревожностями. Прекрасно, прекрасно!

И впалые глаза страдальца сверкали ярким блеском, когда он говорил. Скоро, однако ж, волнение его прошло: он бросил спокойный взгляд на м-ра Пикквика и сказал:

– Довольно об этом. Сытый голодного не понимает. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на другой предмет. Вечером третьего дня, по вашей просьбе, читал я вам свою повесть, и, кажется, вы слушали ее с большим вниманием.

– Да, повесть во всех отношениях...

– Я не спрашиваю вашего мнения и вовсе не желаю знать, что вы можете думать о ней. Вы путешествуете для собственного удовольствия – этого довольно. Предположите, что я вручил вам свою любопытную рукопись... то есть, вы понимаете, что она любопытна не в художественном смысле, а единственно в том отношении, что ею представляется очерк из действительной жизни. Согласитесь ли вы сообщить ее вашему клубу, который, сколько я мог заметить, беспрестанно вертится у вас на языке?

– С большим удовольствием, если вам угодно, – отвечал м-р Пикквик. – Рукопись ваша будет внесена в деловые бумаги нашего клуба.

– В таком случае, вы ее получите, – сказал горемычный джентльмен. – Ваш адрес?

Ученый путешественник поспешил сообщить свой вероятный маршрут, поступивший таким образом во владение горемычного джентльмена. Перед гостиницей Золотого Быка они раскланялись, и каждый пошел своей дорогой.

Товарищи м-ра Пикквика уже встали и давно дожидались своего президента. Завтрак был готов, и лакомые блюда, в стройном порядке, стояли на подносе. Вся компания уселась за стол. Чай, кофе, сухари, яйца всмятку, ветчина, масло и другие принадлежности английского завтрака начали исчезать с удивительной быстротой, приносившею особенную честь превосходным желудкам почтенных сочленов.

– Ну, теперь в Менор-Фарм, – сказал м-р Пикквик, доедая последнее яйцо. – Как мы поедем?

– Всего лучше спросить об этом буфетчика, – заметил м-р Топман.

С общего согласия буфетчик был призван на совет.

– Динглиделль, джентльмены, пятнадцать миль отсюда. Дорога проселочная. Ездят в двухколесном кабриолете. Хотите?

– Но в нем могут сидеть только двое, – возразил м-р Пикквик.

– Так точно, прошу извинить, сэ. Не угодно ли в тележке о четырех колесах? – Двое сядут сзади; один спереди будет править... О, прошу извинить, сэ, это будет только для троих.

– Что-ж нам делать? – сказал Снодграс.

– Может быть, кто-нибудь из вас любит ездить верхом, – заметил буфетчик, поглядывая на м-ра Винкеля. – Верховые лошади здесь очень хороши. Прикажете привести?

– Очень хорошо, – сказал м-р Пикквик. – Винкель, хочешь ехать верхом?

М-р Винкель питал в глубине души весьма значительные сомнения относительно своего всаднического искусства, но, не желая помрачить свою репутацию в каком бы то ни было отношении, поспешил ответить скрепя сердце:

– Пожалуй, я согласен.

– Стало быть, все затруднения уладились, – сказал м-р Пикквик. – Приготовить лошадей к одиннадцати часам!

– Будут готовы, сэ, – отвечал буфетчик.

Оставалось теперь переодеться, запастись бельем и собраться в добрый путь. Путешественники разошлись по своим комнатам.

Кончив предварительные распоряжения, м-р Пикквик вышел в кофейную комнату и смотрел в окно на проходящих. Через несколько минут буфетчик доложил, что экипаж готов, и тут же м-р Пикквик, перед самым окном, увидел колесницу, снабженную всеми необходимыми принадлежностями для веселой прогулки.

Это была весьма интересная зеленая тележка на четырех колесах, с просторным ящиком назади для двух особ и с возвышенным сиденьем наперед. Гнедой конь огромного размера величаво рисовался между длинными оглоблями. Конюх, стоявший подле тележки, держал за узду другого огромного коня, взнузданного и оседланного для верховой езды.

– Ах, Боже мой! – воскликнул м-р Пикквик, когда он и его товарищи вышли за ворота в дорожных платьях. – Кто же будет править? Об этом мы и не думали.

– Разумеется, вы, – сказал м-р Топман.

– Конечно, вы, – подтвердил м-р Снодграс.

– Я! – воскликнул м-р Пикквик.

– Не бойтесь, сэ, – перебил конюх. – Лошадь смирная – ребенок управится с нею. Не беспокойтесь.

– Она не разобьет? – спросил м-р Пикквик.

– Помилуйте, как это можно! – Она смирнее всякого теленка.

Последняя рекомендация совершенно успокоила взволнованную душу президента. Топман и Снодграс залезли в ящик; м-р Пикквик взобрался на свое возвышенное сиденье и с большим комфортом упер свои ноги в деревянную полочку, утвержденную внизу нарочно для этой цели.

– Эй Лощеный Виллиам, – закричал конюх своему товарищу, – подай возжи джентльмену.

«Лощеный Виллиам», прозванный так, вероятно, от своих лоснящихся волос и масляного лица, поспешил вложить возжи в левую руку м-ра Пикквика, тогда как главный конюх вооружил бичом его правую руку.

– Ну! – вскрикнул м-р Пикквик, когда высокий конь обнаружил решительное намерение заглянуть в окно гостиницы.

– Нууу! – заголосили м-р Топман и м-р Снодграс с высоты своего джентльменского сиденья.

– Ничего, джентльмены, лошадка вздумала поиграть, это пройдет, – сказал главный конюх ободрительным тоном. – Пришпандорь ее, Лощеный, пришпандорь; вот так.

Благодаря усилиям Лощеного, прихотливый конь отдернул морду от окна и стал в смиренную позицию. Надлежало теперь м-ру Винкелю показать свое искусство в верховой езде.

– Сюда пожалуйста, сэ, вот с этой стороны, – сказал первый конюх.

– Черт меня побери, если этот джентльмен не сломит себе шеи, – шепнул трактирный мальчишка на ухо буфетчику.

М-р Винкель, покорный своей горемычной судьбе, поспешил взобраться на седло, при деятельной помощи двух конюхов, из которых один держал за узду борзого коня, другой подсаживал самого всадника.

– Ну, кажется, все хорошо? – спросил м-р Пикквик, томимый, однако ж, сильным подозрением, что все было дурно.

– Все хорошо, – отвечал м-р Винкель отчаянным голосом.

– Прихлестните ее, сэр; вот так, – сказал конюх в виде напутственного утешения м-ру Пикквику. – Держите крепче возжи.

Всадник и зеленая тележка в одну минуту сдвинулись с места, к общей потехе мальчишек трактирного двора. М-р Пикквик заседал на козлах; м-р Винкель рисовался на седле.

– Что это, она гнется на боку? – воскликнул м-р Снодграс с высоты своего ящика, обращаясь к м-ру Винкелю, начинавшему, казалось, терять присутствие духа.

– Не знаю, – отвечал м-р Винкель. – Вероятно, так приучили ее.

Так или нет, но упрямый конь начал выделять самые таинственные прыжки, перебегая с одной стороны дороги на другую.

М-р Пикквик не имел досуга обратить внимание на всадника, поставленного в затруднительное положение. Его собственный конь в скором времени обнаружил весьма замечательные свойства, забавные для уличной толпы, но несколько не утешительные для пассажиров зеленой тележки. Чувствуя, вероятно, веселое расположение духа, бодрый конь постоянно вздергивал голову самым неучтивым образом, размахивал во все стороны хвостом и натягивал возжи до того, что м-р Пикквик с трудом удерживал их в своих руках. К тому же обнаружилась у него странная склонность беспрестанно сворачивать с дороги, останавливаться без всякой видимой причины, и потом, без достаточного основания, порываться вперед с такою поспешностью, которая вовсе не согласовалась с желанием возницы.

– Что все это значит? – спросил м-р Снодграс, когда лошадь в двадцатый раз выполнила один из этих маневров.

– Не знаю; вероятно, она испугалась чего-нибудь, – сказал м-р Топман.

М-р Снодграс был, по-видимому, не согласен с этой гипотезой и уже приготовился предложить свое собственное замечание, как вдруг раздался пронзительный крик м-ра Пикквика:

– Стой! стой! Я уронил кнут.

– Винкель! – вскричал м-р Снодграс, когда всадник, живописно перетряхиваясь на своем коне, поскакал к зеленой тележке. – Подыми кнут, сделай милость.

Затянув удила могучею рукой, м-р Винкель остановил свою лошадь, спустился на землю, подал кнут м-ру Пикквику, и, схватив поводья, приготовился опять подняться на седло.

Теперь вздумал ли высокий конь поиграть с своим искусным всадником, или, может быть, пришло ему в голову совершить путешествие одному, без всякого всадника – это, разумеется, такие пункты, относительно которых наши заключения не могут иметь определенного и решительного характера. Как бы то ни было, лишь только м-р Винкель притронулся к поводьям, лошадь перекинула их через голову, и быстро отступила назад.

– Хорошая лошадка, – сказал Винкель ласковым тоном – хорошая лошадка!

Но вероятно «хорошая лошадка» терпеть не могла незаслуженной лести. Чем ближе м-р Винкель подходил к ней, тем дальше отступала она назад. Минут десять конь и всадник кружились среди дороги и под конец были в таком же расстоянии друг от друга, как при начале этой игры: обстоятельство не совсем удобное для м-ра Винкеля, оставленного без всякой помощи в безлюдном месте.

– Что мне делать? – закричал в отчаянии м-р Винкель. – С ней сам черт не сладит.

– Проведи ее до шоссе заставы: там, авось, пособят тебе – сказал м-р Пикквик.

– Да ведь нейдет, черт бы ее побрал! – проревел м-р Винкель. – Слезьте, пожалуйста, и поддержите ее.

М-р Пикквик готов был для истинного друга на все возможные услуги. Забросив возжи на спину своей лошади, он осторожно спустился с козел, свернул экипаж с дороги, чтоб не помешать какому-нибудь проезжему, и поспешил на помощь к своему несчастному товарищу. Топман и Снодграс остались одни в зеленой тележке.

Лишь только хорошая лошадка завидела м-ра Пикквика с длинным кнутом в правой руке, как вдруг решила изменить свой круговой маневр на движение отступательное и выполнила

это решение с таким твердым и непреклонным характером, что мгновенно вырвала поводья из рук своего всадника и быстро помчалась в ту самую сторону, откуда только что выехали наши путешественники. М-р Пикквик полетел на выручку своего друга; но чем скорее бежал он вперед, тем быстрее отступал непокорный конь. Пыль из-под его копыт столбом взвивалась по дороге, залепляя рот и глаза бегущим пикквикистам. Наконец лошадь приостановилась, встряхнула ушами, обернулась, фыркнула, и спокойно, мелкой рысцой, побежала в Рочестер, оставив ученых мужей на произвол судьбы. Истощенные приятели, задыхаясь от надсады, с недоумением смотрели друг на друга, но скоро их внимание обратилось на сильный шум в недалеком расстоянии от них.

– Боже мой! что это такое! – воскликнул м-р Пикквик, пораженный страшным отчаянием. – И другая лошадь бесится!

Именно так. Благодаря распорядительности м-ра Пикквика, гнедой конь, приставленный к живому забору, получил полную свободу располагать своими поступками, потому что возжи были на его спине. Завидев товарища, бегущего в Рочестер на свою спокойную квартиру, он решил последовать его примеру. Последствия угадать не трудно. Животное рванулось изо всей силы, не думая повиноваться бедным пассажирам, которые напрасно делали ей энергические знаки своими платками. К счастью, м-р Топмам и м-р Снодграс во время уцепились за живой забор и успели повиснуть на воздухе между небом и землей. Лошадка, между тем, освобожденная от своей тяжести, наскочила на деревянный мост, разбила в дребезги зеленую тележку и, отскочив вперед с одними оглоблями, остановилась как вкопанная, любуясь произведенным опустошением и любопытствуя знать, что из всего этого выйдет.

При таком неожиданном обороте дела, первую заботой двух приятелей было – выручить своих разбитых товарищей из колючей засады: процесс довольно затруднительный, кончившийся однако ж счастливым открытием, что благородные кости Топмана и Снодграса не потеряли значительного ущерба, и вся неприятность ограничилась только тем, что платье их было разорвано во многих местах. Вторую заботой президента и его товарищей было – освободить лошадь от упряжи. Окончив эту многосложную операцию, путешественники медленно пошли вперед, ведя лошадь за узду и оставив среди дороги изломанную тележку.

Через час благополучного странствования, путешественники подошли к трактиру, уединенно стоявшему на большой дороге. Перед трактиром торчали копны сена, мильный столб, исписанный со всех четырех сторон, и колодезь с водопоем для лошадей. Сзади виднелся сарай, а за сараем – огород, где копался между грядками рыжеватый детина исполинского размера. К нему-то м-р Пикквик обратился с громким восклицанием:

– Эй, кто там!

Рыжеватый детина выпрямился во весь рост, разгладил волосы, протер глаза и обратил лениво-холодный взгляд на м-ра Пикквика и его друзей.

– Эй, добрый человек! – повторил м-р Пикквик.

– Чего надобно? – был ответ.

– Далеко ли до хутора Динглиделль?

– Миль семь или около того.

– Хороша дорога?

– Не так, чтобы очень.

Отделавшись этим лаконическим ответом, рыжеватый детина хладнокровно принялся за свою прерванную работу.

– Нельзя ли нам оставить здесь вот эту лошадь? – сказал м-р Пикквик. – Можно, я думаю, а?

– Можно ли вам оставить здесь свою лошадь: так, что ли? – сказал рыжий детина, опираясь на свой заступ.

– Так, именно так, – ласково говорил м-р Пикквик, подводя своего коня к плетню огорода.

– Эй, миссис! – заревел рыжий детина, бросая пытливый взгляд на чужую лошадь и выходя из огорода. – Миссис.

Высокая дородная женщина в голубом платье откликнулась на этот призыв.

– Нельзя ли нам поставить у вас свою лошадь, милая женщина, – спросил м-р Топман самым обворожительным тоном.

Милая женщина окинула пытливым взглядом незнакомых джентльменов; рыжий детина шепнул ей что-то на ухо.

– Нет, – сказала она наконец решительным тоном. – Я боюсь.

– Боитесь! – воскликнул м-р Пикквик. – Чегож вы боитесь?

– Было нам довольно хлопот в последний раз, – отвечала она, собираясь идти домой. – Нет, уж лучше поезжайте своей дорогой.

– Во всю жизнь мою я не встречал такой странной женщины, – сказал ошеломленный м-р Пикквик.

– Мне сдается, – шепнул м-р Винкель, – они воображают, что мы приобрели лошадь какими-нибудь бесчестными средствами.

– Как! – воскликнул м-р Пикквик в порыве сильнейшего негодования.

М-р Винкель скромным образом повторил свою гипотезу.

– Эй, вы! – закричал м-р Пикквик сердитым тоном. – Неужели вы думаете, что мы украли эту лошадь?

– Нечего тут думать, я уверен в этом, – проговорил рыжий детина, почесывая затылок и оскаливая зубы.

Затем он и его спутница отправились в трактир и заперли за собою дверь.

– Сон, просто сон, ужасный, гадкий сон! – воскликнул м-р Пикквик. – Идти восемь миль пешком, с мерзкой лошадей, от которой никак не отделаешься! – Хороша прогулка!

Делать нечего, однако ж, против судьбы не устоишь. Бросив презрительный взгляд на негостеприимный трактир, несчастные пикквикисты медленно продолжали свой путь, ведя поочередно высокого гнедого коня, которого теперь они все ненавидели от чистого сердца.

Поздно вечером, четыре путешественника, сопровождаемые своим четвероногим товарищем, повернули на тропинку, которая должна была привести их в гостеприимный хутор; но и теперь, приближаясь к цели своего путешествия, они далеко не могли испытывать большой радости при мысли о своем нелепом положении. Изорванное платье, запачканные лица, грязные сапоги, унылые физиономии и, вдобавок, неразлучный конь, – нехорошо, очень нехорошо. О, как проклинал м-р Пикквик эту гадкую лошадь! Сколько раз смотрел он на нее с выражением ненависти и мщения, сколько раз даже собирался пырнуть ее ножом – да и пырнул бы, если б кто-нибудь снабдил его этим полезным орудием!

Когда таким образом путешественники наши были заняты мыслями более или менее мрачными, внимание их вдруг остановилось на двух фигурах, появившихся из-за роши. То были м-р Уардль и верный его слуга, жирный парень.

– Здравствуйте, господа! – начал гостеприимный джентльмен. – Где вы так долго пропадали? Я ждал вас целый день. Ба, с вами что-то такое случилось! Царапина! Кровь! Изорванные платья! Вы разбиты! Что делать, что делать, дороги прескверные, и такие случаи здесь не редки. Хорошо, по крайней мере, что никто из вас не ранен. Я очень рад. Джой – ах, пострел, он опять заснул, – Джой, отведи лошадь в конюшню. – Милости просим, господа!

Жирный толстяк, перекачиваясь с боку на бок, поковылял в конюшню, а статный джентльмен повел своих гостей, разговаривая дорогой о приключениях этого дня.

– Пожалуйста наперед в кухню, господа, – сказал статный джентльмен, – мы вас как раз приведем в порядок: вымоем, вычистим, выхолим, и потом я представлю вас дамам. Эмма!

принесите вишневки джентльменам. Дженни! иголок и ниток! Мери! воды и полотенце. Живее, девочки, живее!

Три или четыре румяные девушки бросились в разные стороны, исполняя полученные приказания, в то же время запылал приятный огонь в камине, пришли лакеи с ваксой и щетками, чтобы показать свое искусство, приведя в порядок джентльменское платье и сапоги.

– Живее! – закричал еще раз статный джентльмен.

Но это увещание оказалось совершенно излишним, потому что одна девушка уже наливала вишневку, другая окачивала ключевой водой поэтическую голову м-ра Снодграса, третья возилась с изорванным сюртуком м-ра Топмана, четвертая стояла с полотенцами в руках. Один из лакеев нечаянно схватил за ногу м-ра Пикквика, так что этот джентльмен чуть не упал навзничь, между тем как другой колотил изо всей мочи байковый сюртук м-ра Винкеля, производя при этом весьма странный шипящий звук, как будто он был конюхом, который чистит скребницей своего коня.

Окончив свое омовение, м-р Снодграс выпил рюмку вишневки, прислонился спиной к камину и бросил вокруг себя наблюдательный взор. Из его путевых заметок оказалось, что кухня, где он стоял, имела кирпичный пол и огромную печь. На веревках, привязанных к потолку, висели стройными рядами окорока, луковица и сушеные грибы. Стены были украшены охотничьими хлыстиками, двумя или тремя уздами, седлом и старинной винтовкой с надписью: «Заряжено». Судя по старинному почерку, надпись эта была, вероятно, сделана лет за пятьдесят. Старинные восьмидневные стенные часы огромного размера били в отдаленном углу свой торжественный такт, между тем как серебряные карманные часы, повешенные на гвоздике перед буфетом, тиликали им в ответ почтительно и скромно.

– Готовы, господа? – спросил статный джентльмен, когда его гости были вымыты, вычищены, выхолены и угощены вишневкой.

– К вашим услугам, – отвечал м-р Пикквик.

– Так пойдемте же в гостиную.

Пошли все, кроме м-ра Топмана, оставшегося в кухне на несколько минут поиграть с черноглазой Эммой, которая, однако ж, чуть не выцарапала ему глаз, когда он хотел приступить к решительному намерению вклеить поцелуй в её розовую щечку. Бросив неприступную девушку, он побежал за своими товарищами и явился вместе с ними в общую гостиную.

– Милости просим, господа, – сказал гостеприимный хозяин, отворяя дверь, и выступая вперед для представления своих гостей. – Милости просим в Менор-Фарм.

Глава VI

Старомодная игра в карты, стихотворение сельского пастора и новая повесть.

Вся гостиная встала при входе м-ра Пикквика и его друзей. Между тем как происходила рекомендательная церемония со всеми своими подробностями, м-р Пикквик углубился в рассмотрение физиономий действующих лиц и заранее, таким образом, старался составить безошибочное понятие об их нравственных и физических свойствах. Президент Пикквикского клуба, должно заметить, подобно многим великим людям, был замечательный физиономист.

На почетном месте, по правую сторону камина, в мягких креслах на колесах, сидела старая леди в полинялом шелковом платье и высоком чепце: это была достопочтенная родительница м-ра Уардля. По стенам и на столике около неё расположены были разные драгоценные вещицы, полученные ею в различные периоды её жизни от своих домашних, во первых в доказательство того, что они помнят день её рождения, а потом, как видимые знаки, того что они еще не дожили до её кончины. Тетушка и две молодые девицы, стараясь наперерыв угодить почтенной леди, окружили её кресло со всех сторон: одна приставляла к её уху слуховой рожок, другая давала ей нюхать пузырек с духами, третья усердно взбивала подушку за её спиной. На противоположной стороне восседал лысый старичок, с добрым и веселым лицом, пастор из Динглиделль, а подле него расположилась его цветущая половина, пожилая леди с красными щеками, мастерица готовить ликер и наливки для домашнего обихода. В одном углу краснощекий мужчина средних лет разговаривал с толстым старичком, беспрестанно делая пояснительные и дополнительные жесты. Все другие члены джентльменской гостиной – несколько пар стариков и старушек – сидели неподвижно на своих стульях и внимательно осматривали приезжих гостей.

– М-р Пикквик, матушка! – закричал громким голосом м-р Уардль, рекомендуя старой леди президента.

– А! – сказала старуха, тряхнув головой. – Не слышу.

– М-р Пикквик, бабушка! – закричали в один голос обе молодые девицы.

– А! – воскликнула старая леди. – Вздор говорите вы, дети. Какая ему нужда до такой старухи, как я.

– Уверяю вас, сударыня, – возгласил м-р Пикквик с таким отчаянным напряжением, что малиновая краска выступила на его лице, – уверяю вас, мне чрезвычайно приятно видеть такую почтенную леди во главе прекрасного семейства, тем более, что вы, сударыня, несмотря на преклонные лета, еще процветаете и телом, и душой.

– А-а-а! – откликнулась старая леди после минутной паузы. – Все это, может быть, недурно, только я ничего не слышу. Что вы говорите, мой батюшка?

М-р Пикквик принужден был еще раз надсадить свою грудь для повторения комплимента.

– Ну, все вздор, я так и думала, – отвечала старая леди.

– Бабушка теперь не в духе, – сказала мисс Изабелла Уардль, – извините ее, м-р Пикквик.

– Помилуйте, это очень естественно в её положении.

Затем завязался общий разговор, в котором приняли участие все наши друзья.

– Прекрасное местоположение! – воскликнул м-р Пикквик.

– Прекрасное! – подтвердили в один голос Топман, Снодграс и Винкель.

– Да, я согласен с вами, – сказал м-р Уардль.

– По-моему мнению, джентльмены, нет красивее местоположения во всем Кентском графстве, – сказал задорный краснощекий мужчина средних лет, – я именно так рассуждаю, нет красивее Динглиделль, это даже очевидно.

И затем он бросил вокруг себя торжествующий взгляд, как будто ему удалось одержать победу над тысячами противоречащих мнений.

– Да, господа, нет красивее местности в целом графстве, я именно так рассуждаю, – повторил он с особенной энергией.

– Кроме, может быть, Муллинских лугов, – заметил толстый старичок.

– Муллинских лугов! – воскликнул задорный джентльмен с глубоким презрением.

– Ну, да, Муллинских лугов, – повторил толстый старичок.

– Местечко живописное, я с вами согласен, – сказал другой толстяк.

– Конечно, конечно, – подтвердил третий толстяк-джентльмен.

– Это всем известно, – сказал сам хозяин.

Задорный краснощекий джентльмен сомнительно покачал головой, но не решился, однако ж, предложить дальнейших возражений.

– О чем они толкуют? – спросила старая леди одну из своих внучек, так, однако ж, что громкий её голос раздался по всей гостиной. Разделяя почти общую участь глухих особ, старушка никогда не подозревала, что ее могут слышать, когда она говорит про себя.

– О хуторе, бабушка.

– Что-ж? Разве случилось что-нибудь?

– Нет, нет. М-р Миллер утверждает, что наш хутор лучше Муллинских лугов.

– А он-то как знает? – перебила старая леди тоном сильнейшего негодования. – Миллер – известный фанфарон: можешь это сказать ему от моего имени.

И высказав это суждение, старая леди, уверенная, что никто в мире не слышал её шепота, грозно повернулась на своих креслах, желая как будто наказать провинившегося хвостуна.

– Ну, господа, кажется, мы теряем драгоценное время, – сказал хлопотливый хозяин, видевший необходимость переменить разговор. – Что вы скажете насчет виста, м-р Пикквик?

– Я очень люблю вист, только из-за меня одного прошу не беспокоиться.

– О, здесь много охотников до виста, – сказал м-р Уардль. – Матушка, хотите ли играть в карты?

На этот раз старая леди ясно расслышала вопрос и отвечала утвердительно.

– Джой, Джой! – Куда он девался, пострел? – Ты здесь; ну, поставь ломберные столы.

Летаргический парень, с привычной расторопностью, выдвинул два ломберных стола; один для марьяжа, другой для виста. Вистовыми игроками были с одной стороны: м-р Пикквик и старая леди; с другой – м-р Миллер и толстый старичок. Остальные члены веселой компании предпочли марьяж.

Вист – изобретение англичан и любимая игра их – нашел на этот раз достойных представителей, посвятивших ему все силы своего рассудка. Молчание и торжественная важность яркими чертами изобразились на их лицах, когда открылся первый роббер. Напротив, игроки в марьяж за другим столом вели себя с такою буйною веселостью, что развлекли даже внимание м-ра Миллера в одну из критических минут, когда надлежало сообразить вероятность двух лишних взяток. Он сделал в этом случае непростительное преступление, обратившее на него всю ярость толстого старика, тем более досадную, что старая леди умела мастерски воспользоваться промахом слабой стороны и, совсем неожиданно, приобрела три лишних взятки. Скоро, однако ж, судьба сжалилась над несчастным игроком.

– Вот оно как! – сказал м-р Миллер торжествующим тоном, – леве все-таки за нами: сыграли мастерски. Другой взятки никто не взял бы на моем месте.

– Миллеру следовало козырять с бубен: не правда ли, сэр? – сказала старая леди.

– Да, сударыня, – подтвердил м-р Пикквик.

– Неужто? – спросил несчастный игрок, обращаясь к своему партнеру.

– Конечно, с бубен, это было очень ясно.

– Жаль, очень жаль.

- Что толку в этом? С вами всегда проиграешь.
- Сдали еще игру.
- Наши онеры! – воскликнул м-р Пикквик! – Король, дама и валет.
- А у меня туз, – сказала торжествующая старуха.
- Этакое счастье! – воскликнул м-р Миллер.
- Редкий случай! – подтвердил толстый джентльмен.
- Партия кончена, – заключил м-р Пикквик.
- Хотите еще роббер? – спросила старуха.
- С большим удовольствием, – отвечал м-р Пикквик.

Перетасовали, сдали, уселись, и опять наступило торжественное молчание, изредка прерываемое замечаниями старой леди.

Но, к несчастью, судьба опять опрокинулась всею тяжестью на злополучного м-ра Миллера. К невыразимому удовольствию старой леди, он сделал какой-то отчаянный промах, испортивший всю игру. Когда роббер кончился, толстый джентльмен, питавший справедливое негодование против своего партнера, забился в темный угол и оставался там совершенно безмолвным в продолжение одного часа и двадцати семи минут. Затем, махнув рукой он вышел из своей засады и, скрепя сердце, предложил м-ру Пикквику понюшку табаку с видом человека, который, в пользу ближнего, может забывать всякие личные оскорбления. Слух старой леди значительно улучшился, и она весьма остроумно забавлялась над несчастным м-ром Миллером, который, сознавая свои проступки и мучимый угрызением совести, готов был, казалось, провалиться сквозь землю. Один м-р Пикквик во всей этой партии вел себя истинно джентльменским образом, не обнаруживая ни в каком случае взволнованных чувств непристойной радости или неуместной печали.

Между тем игра на другом столе имела совершенно противоположный характер. Неизменными партнерами с одной стороны были: мисс Изабелла Уардль и м-р Трудель; с другой – Эмилия Уардль и м-р Снодграс; с третьей – м-р Топман и тетушка. Все остальные члены, старики и старухи, принимали также весьма деятельное участие в общем марьяже. Старик Уардль поминутно хохотал до упаду, и за ним – все старушки заливались самым единодушным смехом. Какими-то судьбами одной старой леди всегда приходилось платить за полдюжины карт, и при этом весь круглый стол надсаживался и дрожал от громкого смеха. Если старушка начинала сердиться, смех раздавался еще громче и дружнее и получал такую заразительную силу, что под конец она и сама хохотала громче всех. Как скоро целомудренная тетка выигрывала марьяж – что случалось довольно часто – молодые девицы вновь принимались хохотать, причем м-р Топман тихонько пожимал из-под стола дебетую руку старой девы, и она принимала торжественно-лучезарный вид, показывая несомненными признаками, что марьяж для неё совсем не такая дикая мечта, как воображают некоторые легкомысленные особы: вострушки ловили на лету тайные мысли девствующей тетушки и опять начинали хохотать. Степеннее других вел себя м-р Снодграс, уже пылавший поэтическим жаром к своей прекрасной подруге. беспрестанно нашептывал он ей остроумные изречения, поэтического свойства и это крайне забавляло одного кругленького старичка, сообщившего несколько дельных замечаний насчет таинственного сходства случайной партии за карточным столом и существенной партии в делах человеческой жизни: намек был ловкий и тонкий, заставивший покраснеть мисс Эмилию Уардль и хохотать от чистого сердца всех старых джентльменов и леди. Великосветские шутки и остроты м-ра Винкеля, известные всему столичному миру, встретили дружное сочувствие и в этом скромном сельском кругу, и м-р Винкель был в самом зените почестей и славы. Добродушный пастор из Динглиделль был также очень весел и любезен, потому что видел вокруг себя счастливые лица, достойные наслаждаться скромными благами семейной жизни. Словом сказать, все веселились, шумели и резвились напропалую, потому что веселость у всех вообще и каждого порознь происходила от чистейшего сердца.

Вечер быстро пролетел между приятными забавами, и когда, наконец, подали сытный ужин, приправленный радушием молодых хозяек, м-р Пикквик почувствовал в глубине души, что он был в эту минуту на вершине земного благополучия, какое только доступно человеку в этом подлунном мире, исполненном житейских тревог и волнений. После ужина все общество уселось вокруг камина, где горел веселый огонек. Гостеприимный хозяин занял место подле кресел своей матери, поспешившей подать ему свою почтенную руку.

– Люблю я, господа, этот старый камин, – сказал м-р Уардль, испустив глубокий вздох и пожимая руку старой леди, – люблю, потому что здесь, перед этой решеткой, протекли счастливейшие минуты моей жизни. Не здесь ли и вы, матушка, проводили свои давнишние годы, когда сидели маленькой девочкой на этой маленькой скамейке – не здесь ли, а?

С грустной улыбкой старушка покачала головой, и слеза покатила по её почтенному лицу, когда целый ряд воспоминаний о протекшей жизни обрисовался перед её мысленным взором.

– Извините, господа, что я с такой любовью говорю об этих вещах, – сказал хозяин после короткой паузы. – Надеюсь, м-р Пикквик, вы можете войти в чувства болтливого старика, немножко гордого многочисленными воспоминаниями о стародавних временах.

– О да, я понимаю вас и глубоко уважаю ваши чувства, – сказал м-р Пикквик.

– Признаюсь, я не могу без особенной любви смотреть на старые дома и поля, – продолжал радушный джентльмен, – и мне всегда кажется, что я связан с ними какими-то родственными отношениями. Сколько воспоминаний пробуждает во мне наша маленькая деревенская церковь с её зеленым плющем... кстати еще, почтенный наш священник сочинил песню в честь этого плюща, и, бывало, мы пели ее хором. Приятно, очень приятно. – Вы, кажется, допили ваш стакан, м-р Снодграс.

– Нет, покорно вас благодарю, – отвечал поэт, которого любопытство было теперь в высшей степени возбуждено последними замечаниями м-ра Уардля. – Прошу извинить... вы, кажется, изволили говорить насчет какой-то песни.

– Да; но уж насчет этого вы потрудитесь обратиться к нашему почтенному другу, – отвечал м-р Уардль, указывая на пастора.

– Не могу ли я, сэр, просить вас об одолжении прочесть нам эту песню? – сказал м-р Снодграс.

– Почему же нет? очень можете, – отвечал пастор, – только я должен наперед объяснить, что песня написана еще в первой молодости, когда я только-что поступил на это место. Всего два куплета, без соблюдения даже стихотворных правил: вы отнюдь не будете ею довольны, сэр.

– Совсем напротив, вы сделаете всем нам величайшее удовольствие.

– Если так, извольте, я готов повторить перед вами произведение своей юности.

Смутный говор любопытства пробежал по всей гостиной, и почтенный пастор, после предварительных совещаний с женою, начал таким образом:

– Песня моя, господа, называется:

Зеленый плющ

Люблю тебя, зеленый плющ,
Что вьешься под руиной храма!
Отборный корм готов тебе
В развалинах веков протекших.
Камням и стенам должно пасть
В угоду зелени прекрасной,
И будет там веселый пир

Тебе в их плесени и пыли!
Где все мертво, где жизни нет –
Цветет и вьется плющ зеленый.
Исчезнут люди и пройдут века,
Погибнут целые народы;
Но не увянет вечный плющ
На гробовых плитах и камнях.
И будет он, среди могил,
Свидетель памяти минувшей,
И странника приютит он
Под зеленью своей тенистой.
Где все мертво, где жизни нет –
Цветет и вьется плющ зеленый.

– Прекрасно, прекрасно! – воскликнул м-р Снодграс в порыве поэтического воодушевления. – Как хороша идея – кормить отборную зелень развалинами веков минувших! Ведь это, я полагаю, должно понимать в аллегорическом смысле?

– Разумеется, – отвечал пастор.

– Могу ли, с вашего позволения, украсить свой путевой журнал произведением вашей музыки?

– Сделайте милость!

– И вы продиктуете?

– Извольте.

После диктовки стихотворение еще раз было прочтено для исключительного наслаждения м-ра Пикквика, который, в свою очередь, нашел, что стихи были превосходны во всех возможных отношениях. Тетушка заметила, однако ж, и весьма справедливо, что отсутствие рифмы несколько уменьшает достоинство «Зеленого плюща», но м-р Снодграс объяснил весьма удовлетворительно, что рифма, собственно говоря, изобретена в продолжение средних веков, и что, следовательно, без неё легко обойтись в девятнадцатом веке.

– Позвольте спросить вас, сэр, – сказал м-р Пикквик, – мне, однако ж, очень совестно... знакомство наше началось так недавно...

– Что такое? Пожалуйста, без церемоний, – отвечал обязательный пастор, – я весь к вашим услугам.

– Я полагаю, в продолжение своей жизни, посвященной высокому служению на пользу человечества, вы должны были видеть множество сцен и событий, достойных перейти в потомство.

– Вы угадали: я был свидетелем многих приключений, но характер их вообще скромный и односторонний; потому что круг моих действий всегда был крайне ограничен.

– Мне кажется, вы хорошо помните историю Джона Эдмондса, если не ошибаюсь, – сказал м-р Уардль, желавший, по-видимому, расшевелить своего друга в назидание столичных гостей.

Пастор слегка кивнул головою в знак согласия и хотел свести разговор на другие предметы: но м-р Пикквик поспешил его прервать:

– Прошу извинить, сэр, мне бы хотелось знать: кто такой был Джон Эдмондс?

– Вот этот же вопрос хотел и я предложить вам, сэр, – торопливо сказал м-р Снодграс.

– Это значит, почтенный друг, что вам надобно удовлетворить любопытство этих джентльменов, и чем скорее, тем лучше, – сказал веселый хозяин, – собирайтесь с духом и рассказывайте.

Пастор улыбнулся, кашлянул и подвинул свой стул. Остальные члены веселой компании, со включением м-ра Топмана и девствующей тетки, неразлучных спутников во весь вечер, также придвинули свои стулья и сформировали правильный полукруг по обеим сторонам будущего рассказчика. Когда, наконец, приставили слуховой рожок к правому уху старой леди и ущипнули за ногу м-ра Миллера, успевшего заснуть в продолжение чтения стихов, почтенный пастор, без всяких предварительных объяснений, начал свою назидательную повесть, которую, с позволения читателя, мы должны будем озаглавить просто:

Возвращение на родину.

«Когда я первый раз поселился в этой деревне, – этому уже слишком двадцать пять лет, – самым замечательным лицом между моими прихожанами был некто Эдмондс, арендатор небольшой фермы. Был он человек угрюмый, сердитый, суровый, жестокий, словом сказать, злой человек, с зверскими привычками и нравами. Кроме двух-трех ленивцев и забулдыжных бродяг, с которыми он таскался по полям или бражничал в харчевнях, у него не было знакомых и друзей. Все боялись арендатора Эдмондса, все презирали его и никто не хотел иметь с ним никаких сношений.

Были у него жена и один сын, которого застал я мальчиком двенадцати лет. Трудно вообразить, не только передать словами, ужасные страдания бедной женщины, её безусловную покорность судьбе и ту мучительную заботливость, с какою воспитывала она своего сына. Прости меня Бог, если предположения мои имели оскорбительный характер; но я твердо верил и был нравственно убежден, что этот человек систематически губил свою жену и злославно рассчитывал свести ее в преждевременную могилу. Все терпела, все переносила бедная женщина ради своего детища и, что всего страннее, ради его безжалостного отца, потому что было время, когда она любила его страстно, и воспоминание о счастливых днях пробуждало в душе её чувства кроткие и сладостные, чуждые для всех созданий в этом мире, но не чуждые и вполне понятные только женскому сердцу.

Они были бедны. Иначе и не могло быть, когда глава семейства погрязал в мрачной бездне разврата; но жена трудилась изо всех своих сил, вечером, и утром, в полдень и полночь: нищета не смела закинуть скаредную ногу за порог арендаторской семьи. Неутомимые труды её вознаграждались слишком дурно. Случалось очень часто, прохожий в поздний час ночи слышал рыдания и стоны бедной женщины под ударами её мужа, и нередко бесприютный мальчик, в глубокую полночь, стучался в дверь соседнего дома, куда посылала его мать, чтоб спасти его от дикой ярости пьяного отца.

Во все это время несчастная страдалица постоянно посещала нашу маленькую церковь, где нередко прихожане замечали на её лице багровые пятна – свежие следы бесчеловечного тиранства, которых, при всем усилии, она не могла скрыть от любопытных взоров. Каждое воскресенье, поутру и ввечеру, видели ее на одном и том же месте с её маленьким сыном, одетым чисто и опрятно, хотя в бедном платье. Все и каждый спешили приветствовать ласковым словом „добрую м-с Эдмондс“, и, бывало, иной раз, страдальческие черты её озарялись чувством искренней признательности, когда она, по выходе из церкви, вступала в разговор с добрыми людьми, принимавшими участие в её положении, или когда она, с материнскою гордостью, останавливалась полюбоваться на своего малютку, который между тем резвился с товарищами под тенью тополей и лип церковной ограды. В эти минуты м-с Эдмондс бывала спокойна и счастлива.

Быстро пролетели пять или шесть лет. Малютка сделался юношей цветущим и сильным; но время, округлившее его формы, укрепившее его мускулы и члены, согнуло стан его матери, подкосило её ноги. Ничья рука не поддерживала бедной женщины, и не было подле неё лица, способного одушевлять восторгом её сердце. По-прежнему занимала она свою старую ложу

в церкви, но уже никто не сидел подле неё. Библия, как и прежде, лежала перед ней и регулярно каждую обедню открывалась на известных страницах; но никто вместе с нею не читал священных псалмов, и слезы крупными каплями падали на ветхую книгу. Соседки, как и прежде, встречали ее ласковым поклоном; но она избегала их приветствий и ни с кем не вступала в разговор. Тополя и липы церковной ограды потеряли для неё чарующую силу, и она не думала останавливаться под их тенью. Лишь только оканчивалась служба, бедная женщина закрывалась платком и поспешно выходила из церкви.

Должно ли мне объяснять вам, милостивые государи, что молодой человек, оглядываясь на пройденное поприще жизни, на первоначальные дни своих отроческих и юношеских лет, ничего не мог в них видеть, что бы теснейшим образом не соединялось с длинным рядом добровольных страданий и лишений, которым подвергала себя бедная женщина исключительно для того, чтоб взлелеять и воспитать своего единственного сына? Должно ли объяснять, что, при всем том, молодой человек забыл невероятные труды, заботы, огорчения, напасти, – забыл все, что перенесла для него любящая мать – связался с отчаянными извергами и вступил, очертя голову, на тот гибельный путь, который неизбежно должен был довести его до позорной смерти? К стыду человеческой природы, вы угадали развязку.

Пробил роковой час, когда бедной женщине суждено было испить до дна горькую чашу последних страданий. Мошеннические проделки непрерывной цепью следовали одна за другою по всем этим местам, и дерзость тайных извергов, укрывавшихся от правосудия, увеличивалась с каждым днем. Отчаянный разбой среди белого дня усилил бдительность местного начальства, и скоро приняты были решительные меры. Подозрения обратились на Эдмондса и трех его товарищей. Его схватили, заключили в тюрьму, допросили, обвинили, – осудили на смерть.

Дикий и пронзительный крик из женской груди, крик, раздавшийся по судейскому двору, когда прочтен был смертный приговор, раздается до сих пор в моих ушах. Злодей, считавшийся погибшим для всякого человеческого чувства и смотревший с бессмысленным равнодушием даже на самое приближение смерти, очнулся при этом ужасном крике. Его губы, сомкнутые до этого часа упорной немотою, задрожали и открылись сами собою; холодный пот выступил из всех пор его тела: он затрясся, зашатался и едва не грянулся о каменный пол.

При первых порывах душевной пытки страждущая мать бросилась на колени у моих ног, и я услышал из уст её пламенную молитву к Всемогущему Существу, хранившему ее до настоящей минуты среди бесчисленных напастей и скорбей. Согласная на все возможные муки в этой и даже будущей жизни, она умоляла Небесного Творца пощадить юную жизнь её единственного сына. Следовали затем ужасный взрыв тоски и отчаянная борьба, невыносимая для сил человека. Я знал, что сердце её сокрушилось с этой минуты: но ни теперь, ни после ни одной жалобы, ни одного ропота не произнесли её уста.

Грустно и жалко было видеть, как эта женщина каждый день приходила на тюремный двор, как старалась она, убеждениями и мольбами, именем неба и материнской любви, смягчить жестокое сердце своего закоснелого сына. Все было напрасно. Молодой изверг остался упрямым, непреклонным, неподвижным. Смертный приговор неожиданно был изменен на четырнадцатилетнюю ссылку, но и это обстоятельство не образумило злодея.

Дух самоотвержения и любви, поддерживавший так долго слабый организм, не мог до конца устоять против физических недугов. Мать преступника сделалась больна. Еще раз, один только раз, собралась она взглянуть на своего сына; но последние силы оставили ее на тюремном дворе, и она в изнеможении упала на сырую землю.

И теперь поколебалось, наконец, высокомерное равнодушие и холодность молодого человека, и грозно пробил для него час неумолимой кары. Природа потребовала возмездия за нарушение своих правь.

Прошел день – мать преступника не явилась на тюремный двор; еще прошел день – и она не пришла навестить своего сына; третий вечер наступил – ее нет как нет, а между тем через двадцать четыре часа ему должно будет расстаться с нею – вероятно, на всю жизнь. Как сумасшедший бегал он по тесному тюремному двору взад и вперед, как бешеный, хватался за свою голову, лишённую человеческого смысла. О, с какой быстротой нахлынули на его душу давно забытые воспоминания протекших дней!.. С каким ужасным отчаянием услышал он, наконец, роковую весть! Его мать, – единственное создание, связанное с ним узами крови и любви, – лежит на одре болезни, умирает, может быть, на расстоянии одной мили от места, где он стоит. Будь он свободен и не скован – в пять минут быстрые ноги принесли бы его в родительский дом. Он подскочил к железной двери, схватился за болт с энергией отчаяния, рванул, отскочил опять и ударился о толстую стену, в безумной надежде вышибить камни; но стена, как и дверь, издевались над усилиями сумасшедшего человека. Он всплеснул руками и заплакал горько.

Я принес материнское благословение заключенному сыну, и принес я к болезненному одру матери горькое раскаяние её сына и торжественное обещание его загладить следы прошедшей жизни. Я слышал с замиранием сердца, как раскаивающийся преступник строил планы для утешения своей матери по своему возвращении из ссылки; но я знал, что прежде, чем достигнет он до места своего назначения, его мать не будет более принадлежать к этому миру.

Его отправили ночью. Через несколько недель душа страждущей матери возлетела – я торжественно верю и свято уповаю – к месту вечного блаженства и покоя. Я отслужил панихиду над бранными останками. Она лежит на здешнем кладбище. Над её могилой нет никакого камня. Человек знал её печали; добродетели её известны Богу.

Заранее было устроено, что преступник, при первом позволении, станет писать к своей матери, и что письма его будут адресованы на мое имя. Отец положительно отказался от своего сына, лишь только отвели его в тюрьму, и для него было все равно, жив он или нет.

Прошло два-три года: о молодом Эдмондсе не было ни слуха, ни духа. В продолжение семи лет, то-есть половины срока его ссылки, я не получил от него ни одного письма. Оставалось придти к вероятному заключению, что он погиб или умер.

Нет, однако ж. По прибытии на место ссылки Эдмондс был отправлен в одну из самых отдаленных колоний, и этим обстоятельством объясняется тот факт, что ни одно из его писем не дошло до моих рук, хотя писал он довольно часто. Все четырнадцать лет пробыл он на одном и том же месте. По истечении этого срока, верный обещанию, данному матери, он отправился в Англию и, после бесчисленных затруднений, прибыл пешком на свою родину.

В прекрасный воскресный вечер, в половине августа, Джон Эдмондс подходил к той самой деревне, которую, за четырнадцать лет, он оставил с таким позором и стыдом. Ближайший его путь лежал через кладбище. Как сильно забилося сердце в его груди, когда он подошел к церковной ограде! Высокие тополя и липы, озаренные последними лучами заходящего солнца, пробудили в его душе воспоминания давно прошедших дней. Он представлял себе, как, бывало, смотрел на её бледное лицо, и как глаза её наполнялись слезами, когда она любовалась на его черты. Случалось иногда, эти слезы падали на его щеки, когда мать наклонялась целовать своего любимца; невинный малютка плакал и сам, хотя не понимал, отчего и зачем. И вспомнил Джон Эдмондс, как часто он резвился со своими сверстниками по этому зеленому дерну, оглядываясь по временам назад, чтоб уловить улыбку матери или услышать её ласковое слово. Но вот декорация переменялась, младенчество и первые лета юности прошли: наступил период нравственного омрачения, период унижения, стыда, неблагодарности, позора... все припомнил Джон Эдмондс, и замер дух в нем, и сердце облилось кровью...

Он вошел в церковь. Вечерня кончилась, народ расходился, но двери еще не были заперты. Глухо раздались его шаги по чугунному полу, и он почти оробел от этого звука. Все было тихо и спокойно. Он оглянулся вокруг. Ничего не изменилось: все те же старые

памятники, на которые тысячу раз смотрел он с детским благоговением в бывалые годы; тот же маленький нагой с полинялой пеленою, тот же алтарь, перед которым так часто повторял он символ веры и десять заповедей. Он подошел к старой ложе, где так часто в воскресные дни сживал подле матери: ложа была заброшена, и обличала продолжительное отсутствие особы, которой она могла принадлежать. Не было здесь ни Библии, ни маленькой подушки, где лежала священная книга. Быть может, мать его занимала теперь другую, беднейшую ложу, или была так слаба, что не могла дойти до церкви одна, или... но он боялся подумать о том, что могло быть вернее всего. Холодный пот пробился из всех его пор, и он страшно задрожал при выходе из церкви.

На церковной паперти он встретил старика и отступил назад при взгляде на него: то был могильщик, и Джон Эдмондс, в бывалые годы, часто видел его с заступом в руках. что-то теперь он скажет воротившемуся Джону? Старик поднял глаза на лицо незнакомца, проговорил „добрый вечер“ и медленно побрел на кладбище. Он забыл Джона Эдмондса.

Спустившись с холма, Джон Эдмондс пошел в деревню. Погода была теплая. Поселяне сидели у ворот своих домов, когда он проходил, или бродили в своих маленьких садах, наслаждаясь ясностью вечерней погоды и отдыхая от трудов. Многие взоры обращались на него, и не раз он сам бросал на обе стороны пытливые взгляды, боясь и желая удостовериться, мот ли кто-нибудь угадать его в этом месте. Почти в каждом доме попадались ему незнакомые лица; в некоторых, однако ж, угадывал он своих старых товарищей по школе, бывших мальчиками, когда он видел их последний раз; но теперь они были окружены толпою веселых детей, народившихся после его ссылки. В чертах одного старика, тщедушного и слабого, сидевшего с костылем в руках на скамейке у ворот, Джон Эдмондс угадал бывшего земледельца, здорового и сильного, каким он знал его за четырнадцать лет. Но все, решительно все, забыли воротившегося Джона, и никто не приветствовал его ни поклоном, ни ласковым словом.

Уже последние лучи заходящего солнца падали на землю, отбрасывая яркое зарево на желтые снопы сжатой пшеницы и растягивая на огромное пространство тени огородных деревьев, когда Джон Эдмондс остановился, наконец, перед старым домом, где прошли его младенческие лета, и куда стремился он с неописанной тоской в продолжение бесконечных годов своего заточения и тяжелой работы. Да, это был точно он, родительский дом Джона Эдмондса. Вот палисадник – какой низенький!.. а было время, когда он казался ему высокою стеною, – вот и старый сад. Новые растения, цветы, деревья; но здесь же, на своих местах, и старые деревья: вот величавый и пышный дуб, тот самый, под которым тысячу раз отдыхал он после резвой игры с детьми... О, сколько воспоминаний, грустных и отрадных, теснятся в его грудь! Внутри дома раздаются голоса. Он становится на цыпочки; притаивает дух, прислушивается с напряженным вниманием – нет: ни одного знакомого звука! То были веселые голоса, а он знал хорошо, что бедная мать не могла веселиться в разлуке с несчастным сыном.

Он постучался; когда отворили дверь, из комнаты повысыпала целая толпа маленьких детей, веселых и буйно резвых. Отец, с младенцем на руках, появился на пороге; дети обступили его со всех сторон, захлопали своими крошечными руками и дружно начали тащить его назад, приглашая принять участие в их шумных забавах. С замиранием сердца Джон припомнил, как часто, бывало, в старину, на этом самом месте, он отскакивал от своего буйно-пьяного отца. И припомнил он, как часто случалось ему, скрытому в подушках маленькой постели, слышать грубые слова и за ними – плач, стоны, крик и рыдания бедной женщины... Подавленный мучительной тоской, Джон опрометью бросился из дома, заплакал, застонал, зарыдал, но кулаки его были сжаты, зубы стиснуты, и палящая тоска сверлила его грудь.

Таково было первое впечатление возвращения на родину после продолжительной ссылки. Этого ли ожидал несчастный, когда там, за океаном, представлял себе родительский дом, из-за которого вытерпел невыносимые муки в продолжение своего пути? Свидание, радушная встреча, прощение, радостные слезы, спокойный приют. – Увы! – все это мечты,

мечты, дикие мечты! Нет более материнской хижины, и он одинок в своей старой деревне. Что значило его прежнее одиночество среди дремучих лесов, никогда не выдавших человеческого лица?..

Он почувствовал и понял, что там, за океаном, в стране беславия и позора, родина рисовалась в его воображении с обстановкой его младенческих лет, но не такую, какую могла она быть после его возвращения домой. Печальная действительность сразила его сердце и погубила в нем остальной запас нравственного мужества и силы. Он не смел спрашивать и был далек от надежды, что может кто-нибудь принять его здесь с чувствами сострадания и радушного участия к его судьбе.

Медленным и нерешительным шагом пошел он вперед, склонив голову на грудь и не смея питать никаких определенных желаний. Одна, только одна мысль тускло мерцала в его мозгу – бежать от общества людей куда бы то ни было. Он вспомнил про зеленый луг на конце деревни, и туда направил свои шаги. Достигнув этого места, он бросился на траву и закрыл лицо обеими руками.

Он не заметил, что на холме подле него лежал какой-то человек: его платье зашелестило, когда он обернулся и взглянул на нового пришельца. Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на том же холме, поджав ноги под себя. Его волосы были всклокочены, спина согнута, желтое лицо взрыто глубокими морщинами. Судя по платью, можно было догадаться, что он жил в богадельне. Он казался дряхлым стариком; но эта дряхлость могла быть скорее следствием разврата и болезней, чем естественным действием прожитых годов. Он принялся смотреть на незнакомца: его глаза, сначала впалые и безжизненные, засверкали диким блеском и приняли бурно тревожный вид, когда, по-видимому, он вгляделся в предмет своих наблюдений. Еще минута и, казалось, эти глаза готовы будут выпрыгнуть из своих орбит. Эдмондс мало-помалу приподнялся на свои колена, и пристально начал всматриваться в лицо старика. Они глядели друг на друга, молчали и были неподвижны.

Бледный, как смерть, и страшный, как выходец с того света, старик медленно привстал и зашатался. Эдмондс быстро вскочил с своего места. Старик отступил назад: Джон последовал за ним.

– Кто ты, старик? – сказал он глухим, прерывающимся голосом. – Дай услышать твой голос.

– Прочь! – закричал старик, сопровождая страшными проклятиями свое восклицание.

Джон ближе подошел к нему.

– Прочь! прочь!

И дряхлый старик, волнуемый неистовою злобой, поднял палку.

– Отец!..

Старик между тем испустил пронзительный крик и громкое эхо, переливаясь и перекатываясь помчалось по уединенному полю. Его лицо побагровело и посинело; кровь фонтаном хлынула из горла и носа; трава окрасилась темно-багряною краской; старик зашатался и грянулся на землю. У него лопнул кровяной сосуд, и прежде, чем сын успел приподнять его из грязной лужи, – он уже был мертв.

* * *

В одном из отдаленных углов нашего кладбища, – заключил священник после кратковременной паузы, – погребен человек, служивший три года в моем доме после этого события. Смирный и кроткий духом, он чистосердечно каялся во всех своих грехах и даже мог служить образцом терпения и строгой жизни, очищенной сердечным сокрушением. Кто был он, и откуда пришел в нашу деревню – никто не знал, кроме меня; но это был Джон Эдмондс, воротившийся из ссылки».

Глава VII

На грех мастера нет: метил в ворону, попал в корову. – Победоносная игра и некоторые другие чрезвычайно-интересные подробности назидательного свойства.

Утомительные приключения несчастного утра и счастливейшего вечера, равно как эффект пасторского рассказа, произвели самое могучее влияние на восприимчивые чувства президента Пикквикского клуба. Лишь только радушный хозяин, со свечою в руках, проводил своего гостя в комфортабельную спальню, м-р Пикквик минут через пять погрузился в сладкий и глубокий сон, от которого, впрочем, немедленно воспрянул при первых лучах палящего солнца. Иначе, конечно, и быть не может: между светилами двух миров, физического и нравственного, должна быть постоянная, прямая и непосредственная симпатия.

М-р Пикквик вскочил с постели, надел халат, открыл окно, испустил глубокий вздох и воскликнул таким образом:

– О природа, чистая, безыскусственная, очаровательная природа, – благословляю тебя! Какой безумец согласится навсегда запереть себя в душном пространстве, среди извести, кирпичей и глины, если только раз удалось ему почувствовать на себе влияние роскошной сцены, открывшейся теперь перед моими глазами? Какой сумасброд решится прозябать всю свою жизнь в таком месте, где нет ни овец, ни коров, ни всех этих щедрых даров Сильвана и Помоны, рассыпанных здесь на каждом шагу для мирных и тихих наслаждений истинных сынов обожаемой натуры? Какой, говорю я, какой?

И м-р Пикквик, от избытка душевных волнений, высунул свою голову из окна, чтоб удобнее любоваться на лазурное небо и цветущие поля. Запах свежего сена и сотни благоуханий от цветов маленького сада наполняли воздух перед окнами прекрасной дачи; зеленые луга сияли под утренней росой, блиставшей на каждом листке, и птицы стройным хором заголосили свой концерт, как будто в трепещущих каплях росы скрывался для них источник вдохновений. Сладостное и очаровательное мечтание осенило душу великого мужа.

– Джой!

Этот прозаический звук весьма неосторожно и некстати порвал нить размышлений, уже начинавших приходить в стройный, систематический порядок в голове глубокого мыслителя. М-р Пикквик взглянул направо: никого не было; взглянул налево: тоже никого; он возвел свой взор на небеса, но и там не оказалось ни одного подозрительного предмета. Затем великий муж отважился на действие, которое бы всего скорее пришло в голову обыкновенного человека: он взглянул в сад, и в саду увидел м-ра Уардля.

– С добрым утром, м-р Пикквик, – проговорил почтенный джентльмен, проникнутый, очевидно, чувствами поэтических наслаждений. – Чудесный день, не правда ли? Хорошо, что вы рано встаете. Выходите скорее к нам. Я буду вас ждать.

М-р Пикквик не заставил повторить обязательного приглашения. В десять минут туалет его был кончен, и через десять минут он был в саду подле веселого старичка.

– Вот вы как! – воскликнул м-р Пикквик, заметивший, с некоторым изумлением, что товарищ его держал ружье в руке, и что другое ружье лежало на траве подле него. – Что вы хотите с этим делать?

– Ваш друг и я собираемся перед завтраком немного пострелять, – отвечал добродушный хозяин. – Ведь он хорошо стреляет?

– Да, мой приятель говорит, что он отличный стрелок, – подтвердил м-р Пикквик, – мне, впрочем, еще не случалось видеть его искусства.

– И прекрасно: стало быть, вам предстоит удовольствие быть свидетелем нашей забавы. Что это он так долго нейдет? Джой, Джой!

Жирный детина, освеженный живительным влиянием утренней погоды, был, казалось, на этот раз усыплен не совсем, а только на три четверти с дробью. Немедленно он вышел на крыльцо.

– Ступай, Джой, позови этого джентльмена и скажи, что мы с м-ром Пикквиком станем ждать его у деревьев перед грачами. Ты покажешь дорогу.

Сонливый толстяк поворотил налево кругом, а м-р Уардль, как новый Робинзон Крузо, положил на плечо оба ружья и вышел из садовой калитки.

– Вот мы здесь и остановимся, – сказал пожилой джентльмен, когда он и м-р Пикквик подошли к деревьям, унизанным на своих верхушках гнездами грачей.

– Что ж мы станем делать? – спросил м-р Пикквик.

– А вот увидите.

Пожилой джентльмен принялся заряжать ружье.

– Сюда, господа, сюда! – воскликнул м-р Пикквик, завидев фигуры господ Снодграса, Винкеля и Топмана.

Пикквикисты только что вышли из садовой калитки и направляли свои шаги к жилищу грачей. Жирный детина, не зная наверное, какого именно джентльмена должен он позвать к своему хозяину, пригласил их всех до одного, рассчитывая весьма благоразумно, что в таком случае не будет никаких недоразумений.

– Поздненько вы встаете, м-р Винкель, – проговорил пожилой джентльмен. – Исправный охотник не станет дожидаться солнечного восхода.

М-р Винкель отвечал принужденной улыбкой и принял поданное ружье с такой при-скорбной физиономией, которая, в метафизическом смысле, могла бы скорее принадлежать невинному грачу, томимому предчувствием насильственной смерти.

Пожилой джентльмен свистнул и махнул рукой. По этому знаку двое оборванных мальчишек, выступивших на сцену под дирекцией нового Ламберта¹ в детской форме, начали карабкаться по сучьям двух ближайших деревьев.

– Зачем здесь эти ребята? – спросил м-р Пикквик взволнованным тоном.

Ему вдруг пришло в голову, что несчастные мальчишки, в надежде приобрести скудную плату за свой риск, промышляют тем, что делают из себя живые мишени для пуль неопытных стрелков. Его сердце облилось кровью.

– Им надобно вспугнуть игру, ничего больше, – отвечал, улыбаясь, м-р Уардль.

– Что?

– Вспугнуть игру, то есть, говоря на чистом английском наречии, расшевелить грачей.

– Только-то?

– Да. Вы успокоились?

– Совершенно.

– Очень хорошо. Могу я начать?

– Сделайте милость, – сказал м-р Винкель, обрадованный тем, что очередь до него дойдет не слишком скоро.

– В таком случае, посторонитесь. Ну, мальчуган!

Мальчишка свистнул, закричал и принялся раскачивать ветвь с грачиным гнездом. Встрепенулись юные птенцы, подняли встревоженный говор и, размахивая крыльями, с участием, расспрашивали друг друга, зачем зовет их беспокойный человек. Ружейный выстрел был для них громогласным ответом. Навзничь пал один птенец, и высоко взвились над ним уцелевшие птицы.

– Подыми, Джой, – сказал пожилой джентльмен.

---

¹ Daniel Lambert – известный чудака, жирный, высокий и толстый. Он жил в Лондоне и показывал себя за деньги, как редкое произведение природы. Его имя сделалось нарицательным.

Радостная улыбка засияла на щеках сонливого детины, когда он выступил вперед: смутные видения масляного пирога с начинкой из грача зашевелились в его воображении жирно и сладко. Он поднял птицу и засмеялся восторженным смехом: птица была толстая и жирная.

– Ну, м-р Винкель, – сказал хозяин, заряжая опять свое собственное ружье, – теперь ваша очередь: стреляйте.

М-р Винкель двинулся вперед и поднял ружье. М-р Пикквик и его друзья инстинктивно спешили посторониться на значительное расстояние, из опасения повредить свои шляпы убитыми грачами, которые, нет сомнения, дюжинами попадают на землю после опустошительного выстрела. Последовала торжественная пауза, и за нею – крик мальчишки – птичий говор – слабый стук.

– Эге! – воскликнул пожилой джентльмен.

– Что, друг? Ружье не годится? – спросил м-р Пикквик.

– Осечка! – проговорил м-р Винкель, бледный как снег.

– Странно, очень странно, – сказал пожилой джентльмен, – этого за ним прежде никогда не водилось. Да что это? Я вовсе не вижу пистона.

– Какая рассеянность! – воскликнул м-р Винкель. – Я ведь и забыл про пистон!

Ошибка мигом была исправлена, и м-р Винкель опять выступил вперед с видом отчаянно решительным и храбрым. М-р Топман приютился за кустом, и с трепетом смотрел на приготовительную церемонию стрельбы. Мальчишка опять поднял крик и вспугнул четырех птиц. М-р Винкель выстрелил. Стон из груди человека был жалобным и совершенно непредвиденным ответом: м-ру Топману суждено было спасти жизнь невинного грача принятием значительной части заряда в свое левое плечо.

Последовала суматоха, неизобразимая ни пером, ни языком, и мы отнюдь не беремся описывать как м-р Пикквик, проникнутый справедливым негодованием, назвал м-ра Винкеля – злодеем; как м-р Топман, низверженный и плавающий в собственной крови, лежал и стонал, произнося в забытьи какое-то имя обожаемой красавицы и проклиная своего убийцу, стоявшего перед ним на коленях; как потом он открыл свой правый глаз и прищурил его опять, опрокидываясь навзничь. Все это представляло сцену поразительную и даже раздирательную в некотором смысле. Наконец, однако ж, к общему утешению, несчастный страдалец пришел в себя и обнаружил очевидные признаки жизни. Друзья поставили его на ноги, перевязали ему рану носовым платком и медленными шагами пошли домой, поддерживая его со всех сторон.

Шествие было умилительное и трогательное. Они приближались к садовой калитке, где уже давно стояли дамы, ожидавшие к завтраку своих городских гостей. Девствующая тетюшка сияла самую радужную улыбкой и делала веселые знаки. Ясно, что она ничего не знала о случившейся беде. Невинное создание! Бывают времена, когда душевное неведение служит для нас залогом самого прочного блаженства.

Они подошли ближе.

– Что это у них сделалось с маленьким старичком? – сказала Изабелла Уардль.

Девствующая тетюшка не обратила никакого внимания на этот вопрос, относившийся, по её мнению, к президенту Пикквикского клуба. Треси Топман был еще юношей в её глазах, и она смотрела на его лета в уменьшительное стекло.

– Ничего, mesdames, будьте спокойны, – сказал пожилой джентльмен, желавший заранее предупредить суматоху в обществе женщин.

Дамы обступили м-ра Топмана.

– Не бойтесь, mesdames, – повторил хозяин.

– Что-ж такое случилось? – вскрикнули леди.

– Небольшое несчастье с м-ром Топманом – ничего больше.

Целомудренная тетюшка испустила пронзительный крик, закатилась истерическим смехом и повалилась без чувств в объятия своих племянниц.

– Окатить ее холодной водой, – сказал пожилой джентльмен.

– Нет, нет, – пробормотала целомудренная тетка, – мне теперь лучше, гораздо лучше.

Изабелла, Эмилия – доктора! Он ранен? умер? О, Боже мой. Ха, ха, ха!

Это был второй номер истерического хохота, сопровождаемый отчаянно диким визгом.

– Успокойтесь, – сказал м-р Топман, растроганный почти до слез этим умиленным выражением нежной симпатии, – успокойтесь, сударыня, сделайте милость.

– Его ли это голос? – воскликнула целомудренная тетка, дико вращая глазами.

Третий номер истерики принял опустошительно страшный характер.

– Не тревожьтесь, сударыня, умоляю вас именем неба, – проговорил м-р Топман нежным тоном. – Я немного ранен, и ничего больше.

– Так вы не умерли? – взвизгнула истерическая леди. – О, скажите, ради Бога, что вы не умерли!

– Что за глупости, Рахиль? – перебил м-р Уардль довольно грубым тоном, совершенно противоречившим поэтическому характеру всей этой сцены. – За каким чертом он должен сказать, что не умер?

– О нет, нет, я не умер! – воскликнул м-р Топман. – Мне нужна только ваша помощь, сударыня. Позвольте облокотиться на вашу ручку, – прибавил он шепотом, – о, мисс Рахиль!

Девственная тетка сделала два шага вперед и подала ему руку. Они благополучно пришли в столовую. М-р Треси Топман, уловив удобную минуту, прижал её пальчики к своим губам и опустился на софу.

– Вы слабы? – сказала сострадательная Рахиль.

– Нет это ничего. Скоро я совсем оправлюсь. Благодарю вас.

И, проговорив последнюю фразу, м-р Топман закрыл глаза.

– Он спит, – пробормотала девственная тетка. – Его органы зрения были сомкнуты только в продолжение двадцати секунд. – Милый, милый Треси!

М-р Топман встрепенулся и вскочил.

– О, произнесите еще раз эти отрадные слова! – воскликнул он с трогательным умилением и самым убедительным тоном.

Целомудренная дева испугалась.

– Вы, конечно, их не слышали? – проговорила она с девственной застенчивостью.

– О, да, я слышал их! – возразил м-р Топман. – Повторите ли вы их из сострадания к несчастливцу, который...

– Молчите! – прервала целомудренная леди. – Мой брат.

М-р Треси Топман принял свою прежнюю позу, и через минуту в комнату вошел м-р Уардль, сопровождаемый хирургом.

Плечо было освидетельствовано, рана перевязана, и доктор, к общему благополучию, объявил, что опасности не было ни малейшей. Мало-помалу веселость водворилась снова, и завтрак начался своим чередом. Джентльмены и леди, по-видимому, совсем забыли неприятное приключение, грозившее оставить по себе такие печальные последствия. Один м-р Пикквик молчал и, казалось, был погружен в глубочайшую задумчивость. Его доверие к м-ру Винкелю поколебалось, расшаталось, и едва совсем не исчезло.

– Играете ли вы в криккет? – спросил м-р Уардль, обращаясь к несчастному стрелку.

В другое время и при других обстоятельствах м-р Винкель не задумался бы дать утвердительный ответ; но теперь он понимал и чувствовал деликатность своего положения, и скромно отвечал:

– Нет.

– А вы, сэр? – спросил м-р Снодграс.

– Игрывал встарину, – отвечал хозяин, – но теперь отвык. Я член здешнего клуба крикетистов, но сам уже давно не играю².

– Сегодня, я полагаю, будет большое собрание, – сказал м-р Пикквик.

– Да, говорят, игра завязывается на славу, – отвечал хозяин. – Хотите посмотреть?

– Я люблю видеть игры всякого рода, – отвечал м-р Пикквик, – если только в них, от неопытности какого-нибудь хвастуна, не подвергается опасности человеческая жизнь.

М-р Пикквик приостановился и строго взглянул на м-ра Винкеля, который обомлел под испытующим взглядом президента. Через несколько секунд великий муж отвел от него свои глаза и прибавил.

– Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботливости ваших ледей?

– Совершенно можете, – пробормотал скороговоркой м-р Топман.

– Разумеется, – подтвердил м-р Снодграс.

Поразмыслили и решили, что м-р Топман останется дома под благодатным надзором женского комитета, а все остальные джентльмены, под предводительством м-ра Уардля, отправятся в город Моггльтон, куда поголовно выступит весь Дингли-Делль, чтоб принять участие в национальной игре, занимавшей теперь умы всех горожан и поселян.

Они пошли веселою и стройною толпой, и через несколько часов м-р Пикквик, почти сам не зная как, очутился в главной улице Моггльтона.

Всем, а может быть не всем, известно, статья может даже, что и никому неизвестно, что Моггльтон – весьма древний и почтенный город, имеющий все признаки настоящего корпоративного города: в нем есть мэр, буржуа и фримэны, он владеет с незапамятных времен неоспоримым правом представлять из своей среды одного депутата в английский парламент, где, тоже с незапамятных времен, насчитывают в деловом архиве три тысячи триста тридцать три документа относительно города Моггльтона. Этот старинный город отличается своею приверженностью к религии и консерватизмом в торговой политике. одних просьб относительно уничтожения торговли в праздничные дни поступило от него в парламент пятьсот тридцать семь, и вслед затем таковое же число прошений последовало относительно поощрения торговли неграми и введения колониальной системы в Англии; шестьдесят восемь в пользу удержания и распространения привилегий церкви. Триста семьдесят проектов относительно дистиллирования можжевелевой желудочной водки тоже в свое время были представлены бла-

---

² Многосложная и довольно запутанная игра в крикет требует для русских читателей некоторых пояснений. Она разыгрывается двумя партиями, из которых каждая состоит из одиннадцати человек. Прежде всего вколачиваются в землю два, так называемые уиккета (wickets), или городка, на расстоянии двадцати шагов друг от друга. Каждый уиккет состоит из трех вертикально поставленных палок, на которые кладется еще палка меньшей величины. Партии бросают жребий, и тогда с одной стороны выходят с палками два игрока, и становятся подле уиккетов. Каждый из них обязан оборонять свой городок. С этой целью тот и другой отмеривают от уиккета длину своей палки, и на том расстоянии выкапывают маленькое углубление, куда вколачивают толстый конец дубины. С другой стороны выходят два, так называемые, баулера (bowlers), которые должны стараться попасть своим шаром в эти городки. Другие игроки из второй же партии, приставленные для наблюдения за ходом игры, обязаны считать и подавать баулерам шар, если он отлетит слишком далеко. Когда первый баулер бросит шар в противоположный уиккет, то могут произойти три характеристических обстоятельства: или баулер попадет в уиккет, или не попадет и, вместе с тем, удар его не будет отражен защитником уиккета, либо, наконец, брошенный шар далеко отпрыгнет от удара дубиной. В первом случае неловкий защитник городка совсем оставляет игру, и на его место становится игрок из той же партии; во-втором шар поднимается другим баулером и бросается в противоположный уиккет; в третьем – баулера, приставленные для наблюдений, бегут за шаром, поднимают его и бросают в один из городков. Между тем, в этом последнем случае, защитники городков перебегают несколько раз от одного уиккета к другому, стараясь в то же время не прозевать неприятельского нападения. Число сделанных ими переходов отмечается особенными маркерами, и на них-то собственно основывается победа той или другой стороны. Как скоро сбит один из городков, защитник его немедленно должен оставить игру, и это место занимает другим из той же партии крикетистов. Когда таким образом все члены одной партии принуждены будут, один за другим, оставить игру, очередь доходит до игроков противоположной стороны. Победа окончательно решается числом переходов, сделанных крикетистами обеих партий. Должно заметить, что cricket – национальная и самая любимая игра англичан. Во многих городах учреждены для нее особенные клубы, и случается весьма нередко, что здесь один город соперничает с другим, выбирая из своей среды лучших крикетистов и противопоставляя их соперникам другого местечка. Причем, как водится, устраиваются с обеих сторон пари на огромные суммы. *Прим. перев.*

госклонному вниманию лордов, вместе с покорнейшим прошением касательно выдачи столетней привилегии новоучредившемуся обществу воздержания от крепких напитков.

Проникнутый глубоким уважением к знаменитому городу, м-р Пикквик стоял на главной его улице и смотрел с видом ученой любознательности на окружающие предметы. Перед ним во всей красоте расстилалась торговая площадь, и в центре её – огромный трактир с блестящей вывеской весьма замысловатого вида: то был на мраморной колонне сизо-бирюзовый лев с высунутым языком и тремя низенькими ножками, поднятыми на воздух, между тем как четвертая лапа неистово опиралась на колонну. Тут были также пожарный двор и страховая от огня контора, хлебные амбары, водочный завод, булочная, полпивная и башмачная лавка, принимавшая также на себя обязанность доставлять честным гражданам потребное количество шляп, фуражек, колпаков, зонтиков, чепчиков и учебных книг по всем отраслям наук. Был тут красный кирпичный домик с небольшим вымощенным двором, принадлежавший, как всем было известно, городскому адвокату, и был тут, сверх того, другой красный кирпичный домик с венецианскими ставнями и огромной вывеской над воротами, где явственно обозначалось золотыми буквами жилище городского врача. Две-три дюжины мальчишек бежали через площадь на поле криккетистов, и два-три лавочника стояли у своих дверей, увлекаемые очевидным желанием быть свидетелями национальной игры. Все это заметил м-р Пикквик отчетливо и ясно, и уже в душе его заранее обрисовался план красноречивейшей страницы путевых впечатлений. рассчитывая написать ее при первом удобном случае, он поспешил присоединиться к своим друзьям, которые уже поворотили из главной улицы и созерцали на краю города широкое поле битвы.

Уиккеты были уже совсем готовы, и не в дальнем расстоянии от них красовались две палатки обширного размера, снабженные всеми принадлежностями для отдыха и пролады состязающихся криккетистов. Но игра еще не начиналась. Два или три героя из Дингли-Делль и столько же городских богатырей забавлялись на чистом воздухе, с величественным видом перекидывая с руки на руку массивные шары. Другие криккетисты в соломенных шляпах, фланелевых куртках и белых штанах, бродили около палаток, куда и м-р Уардль повел своих гостей.

Полдюжины приветствий, громких и радушных, встретили прибытие пожилого джентльмена. Все фланелевые куртки выступили вперед, когда он начал рекомендовать своих гостей, джентльменов из Лондона, желавших с нетерпением видеть собственными глазами национальное игрище, которое, нет сомнения, доставит им одно из величайших наслаждений.

– Вам, я полагаю, будет гораздо удобнее в палатке, – сказал один весьма статный джентльмен, с туловищем, несколько похожим на резиновый шар, набитый гусиным пухом.

– В палатке, сэр, вы найдете все, что провинция может придумать для столичных гостей, – подтвердил другой джентльмен весьма величавой и мужественной наружности.

– Вы очень добры, сэр, – сказал м-р Пикквик.

– Сюда пожалуйте, – добавил джентльмен с шарообразным туловищем. – Отсюда вы можете увидеть все эволюции наших молодцов.

Президент и м-р Уардль вошли в палатку.

– Бесподобная игра... эффект сильнейший... упражнение для физики... мастерство!

Эти и некоторые другие слова стенографического свойства поразили прежде всего благородный слух м-ра Пикквика при входе его в гостеприимную палатку. Первый предмет, представившийся его глазам, был – зелено-фрачный приятель рочестерского дилижанса, расточавший свое красноречие перед избранным кружком, в клубе криккетистов. Его костюм был приведен в немного более исправное состояние, и, вместо башмаков, на нем были сапоги; но это был точно он, испанский путешественник, обожаемый друг донны Христины.

Незнакомец мигом угадал своих друзей. Выступив вперед, он схватил за руку м-ра Пикквика и с обычной торопливостью начал усаживать его на стул, продолжая говорить без умолку

во все это время, как будто все городские распоряжения состояли под его особенным покровительством и непосредственным надзором.

– Сюда... сюда... отменная потеха... бочки пива... коньяк первейшего сорта... бифтекс... ростбиф... копченые языки... телега с чесноком... горчица дребезжит... превосходный день... пулярки... рад вас видеть... будьте как дома... без церемоний... отличная штука!

М-р Пикквик уселся на указанное место; Винкель и Снодграс также безмолвно повиновались распоряжениям своего таинственного друга. М-р Уардль смотрел, удивлялся и – ничего не понимал.

– Позвольте, м-р Уардль, представить вам моего друга, – сказал м-р Пикквик.

– Вашего друга! Здравствуйте, сэр. Очень приятно познакомиться с другом моего друга.

Незнакомец быстро сделал антраша и начал пожимать руку м-ра Уардля с такою пламенною горячностью, как будто они были закадычными друзьями лет двадцать сряду. Отступив потом шага два назад и окинув собрание орлиным взглядом, он еще раз схватил руку м-ра Уардля и, по-видимому, обнаружил даже очевидное намерение вlepить поцелуй в его розовую щеку.

– Как вы здесь очутились, любезный друг? – спросил м-р Пикквик с благосклонной улыбкой.

– Так себе, – отвечал стенографический друг, – прикатил... городская гостиница... пропасть молодежи... фланелевые куртки, белые штаны... горячие почки с перцем... сэндвичи с анчоусами... отменные ребята... весельчаки... Превосходно!

М-р Пикквик, уже имевший довольно обширные сведения в стенографической системе незнакомца, быстро понял и сообразил из его лаконических речей, что он, неизвестно какими судьбами, вошел в сношения с членами Криккетского клуба, стал с ними на короткую ногу и получил от них приглашение на общий праздник. Таким образом любопытство ученого мужа было вполне удовлетворено; он надел очки и приготовился смотреть на криккет.

Игра была начата героями Моггльтона. Интерес сделался общим, когда м-р Домкинс и м-р Поддер, знаменитейшие члены славного клуба, отправились, с дубинами в руках, к своим уиккетам. М-р Лоффи слава и краса криккетистов Динглидэль, должен был бросать могучею рукой свой шар против богатыря Домкинса, а м-р Строггльс был выбран для исправления такой же приятной обязанности в отношении к непобедимому Поддеру. Другие игроки были поставлены в различных частях поля для наблюдений за общим ходом, и каждый из них, как и следовало ожидать, поспешил стать в наклонную позицию, опершись рукою, на колено, как будто собираясь подставить свою спину для первого прыжка мальчишки, который должен открыть игру в чехарду. Дознано долговременными опытами, что искусные игроки иначе и не могут делать наблюдений. Этот способ созерцания м-р Пикквик, в своих ученых записках, весьма справедливо называет «наблюдением *a posteriori*».

Позади уиккетов остановились посредствующие судьи; маркеры приготовились считать и отмечать переходы. Наступила торжественная тишина. М-р Лоффи отступил на несколько шагов за уиккет Поддера и приставил шар на несколько секунд к своему правому глазу. Доверчиво и гордо м-р Домкинс приготовился встретить враждебный шар, и глаза его быстро следили за всеми движениями Лоффи.

– Игра идет! – раздался громовый голос баулера.

И шар, пущенный могучею рукою м-ра Лоффи, быстро полетел к центру противоположного уиккета. Изворотливый Домкинс был настороже; шар, встреченный его дубиной, перескочил через головы наблюдающих игроков, успевших между тем нагнуться до самых колен.

– Раз – два – три. Лови – бросай – отражай – беги – стой – раз – нет – да – бросай – два – стой!

Весь этот гвалт поднялся за ловким ударом, и в заключение первого акта, городские криккетисты отметили два перебега. Поддер тоже с своей стороны стяжал лавры в честь и славу

Моггльтона. Он искусно каждый раз отражал от своего уиккета шары, и они разлетались по широкому полю. Наблюдающие игроки, перебежавшие с одного конца на другой, истощились до последних сил; баулеры сменялись беспрестанно и бросали шары, не щадя своих рук и плеч; но Домкинс и Поддер остались непобедимыми. Около часа их дубины были в постоянной работе, уиккеты спаслись от нападений, и публика сопровождала громкими рукоплесканиями необыкновенную ловкость своих героев. Когда, наконец, Домкинс был пойман, и Поддер выбит из своего места, городские криккетисты уже считали пятьдесят четыре перебега, между тем как герои Динглиделль остались ни при чем. Перевес на стороне горожан был слишком велик, и не было никаких средств поверстаться с ними. Напрасно пылкий Лоффи и нетерпеливый Строггльс употребляли все возможные усилия, чтоб восстановить некоторое равновесие в этом споре: все было бесполезно, и пальма первенства неоспоримо и решительно осталась за городом Моггльтоном.

Незнакомец между тем кушал, пил и говорил беспрестанно. При каждом ловком ударе он выражал свое одобрение и удовольствие снисходительным и покровительственным тоном; при каждом промахе делал гримасы и грозные жесты, сопровождаемые восклицаниями: «ах, глупо... осел... ротозей... фи... срам!» Такие решительные отзывы не преминули утвердить за ним славу совершеннейшего знатока и безошибочного судьи всех эволюций благородной игры в криккет.

– Игра на славу... экзерсиии первейшего сорта... были удары мастерские, – говорил незнакомец, когда обе партии сгруппировались в палатке, после окончания игры.

– А вы, сэр, играли когда-нибудь? – спросил Уардль, которого начинали забавлять энергичные выходки загадочного джентльмена.

– Играл ли? Фи!.. двести тысяч раз... не здесь только... в Вест-Индии.

– Как? Вы были и в Вест-Индии?

– Был... по всем краям... во всех частях света... В Австралии три года.

– Но в Вест-Индии должно быть очень жарко, – заметил м-р Пикквик, – тамошний климат неудобен для криккетистов.

– Все палит – печет – жжет – томит – нестерпимо! Раз большое пари... один уиккет... приятель мой, полковник... сэр Томас Блазо... бросать шары... я отбивать... Началось рано утром. Шести туземцам поручено делать переходы... утомились... повалились без чувств... все до одного... Блазо все кидал... держали его два туземца... устал, выбился из сил... я отражал... ни одного промаха... Блазо упал. Его сменил Кванко Самба... солнце запекло... шар в пузырях... пятьсот семьдесят перебегов... Устал и я... немного... Кванко не уступал... победить или умереть... наконец я промахнулся... покончили... искупался, освежился... ничего... пошел обедать.

– Что-ж случилось с этим джентльменом... как бишь его? – спросил Уардль.

– Блазо?

– Нет, с другим.

– Кванко Самба?

– Да.

– Погиб на повал... никогда не мог оправиться... Бедный Кванко... умер... Печальный элемент.

Здесь незнакомец приставил к своим устам пивную кружку, вероятно для того, чтоб скрыть от взоров публики взволнованные чувства, вызванные свежим воспоминанием трагического события: затем он приостановился, перевел дух и с беспокойством начал озираться вокруг, когда главнейшие криккетисты из Дингли-Делль подошли к м-ру Пикквику и сказали:

– Мы намерены, сэр, покончить нынешний день скромным обедом в трактире «Голубого Льва», смеем надеяться, что вы и ваши друзья не откажетесь почтить своим присутствием...

– Само собою разумеется, – прервал м-р Уардль, – к числу наших друзей принадлежит также м-р...

И он с вопросительным видом взглянул на незнакомца, который не замедлил дать полный и удовлетворительный ответ:

– Джингль, сэ, Алфред Джингль, эсквайр – беспоместный и бездомный эсквайр, сэ.

– С удовольствием, – сказал м-р Пикквик; – мне будет очень приятно.

– И мне, – сказал м-р Алфред Джингль, подавая одну руку м-ру Пикквику, другую – м-ру Уардлю, и говоря потом втихомолку на ухо первого джентльмена: – обед превосходный... заглядывал сегодня в кухню... куры, дичь, пироги – деликатес! Молодые люди хорошего тона... народ веселый, разбитной – отлично!

Так как предварительные распоряжения были приведены заранее к вожделенному концу, то вся компания, разделенная на маленькие группы, поворотила из палаток на главную улицу Моггльтона, и через четверть часа господа криккетисты с своими гостями уже заседали в большой зале «Голубого Льва» под председательством м-ра Домкинса, и товарища его, вице-президента Лоффи.

Дружно поднялся за огромным столом говор веселых гостей, дружно застучали ножи, вилки и тарелки, хлопотливо забегали взад и вперед расторопные официанты, и быстро стали исчезать, одно за другим, лакомые блюда. М-р Джингль кушал, пил, говорил, веселился и шумел один за четверых. Когда все и каждый насытились вдоволь, скатерть была снята и на столе явились в симметрическом порядке бутылки, рюмки и бокалы. Официанты удалились в буфет и кухню рассуждать, вместе с поваром об остатках торжественного обеда.

Наступили минуты сердечных излияний и общего восторга. Среди одушевленного говора безмолвствовал только один маленький джентльмен с длинным носом и сверкающими глазами. Скрестив руки на груди, он путешествовал по зале медленными и ровными шагами, оглядываясь по временам вокруг себя и откашливаясь с какою-то необыкновенною энергией выразительного свойства. Наконец, когда беседа приняла на минуту более ровный и спокойный характер, маленький джентльмен провозгласил громко и торжественно:

– Господин вице-президент!

Среди наступившей тишины взоры всех и каждого обратились на вице-президента. М-р Лоффи выступил вперед и произнес торжественный ответ:

– Сэр!

– Я желаю сказать вам несколько слов, сэ: пусть почтенные джентльмены благоволят наполнить свои бокалы.

М-р Джингль сделал выразительный жест и произнес энергическим тоном:

– Слушайте, слушайте!

Когда бокалы наполнились искрометной влагой, вице-президент, принимая глубокомысленный вид, сказал:

– М-р Степль.

– Сэр, – начал миниатюрный джентльмен, выступив на середину залы, – я желал бы обратиться свою речь собственно к вам, а не к нашему достойному президенту, потому что, так сказать, наш достойный президент находится в некоторой степени... можно даже сказать, в весьма значительной степени... между тем как предмет, о котором хочу я говорить, или лучше... правильнее то есть... или... или...

– Рассуждать, – подсказал м-р Джингль.

– Так точно рассуждать, – продолжал миниатюрный джентльмен. – Благодарю за такое пояснение мысли моего почтенного друга, если он позволит мне называть его таким именем (Слушайте, слушайте! – М-р Джингль суетится больше всех). Итак, сэ, объявляю, что я имею честь быть криккетистом из Дингли, то есть из Дингли-Делль (громкие рукоплескания). Само собою разумеется, что я отнюдь не могу обнаруживать притязаний на высокую честь

принадлежать к почтенному сословию могольтонских граждан, и вы позволите мне заметить откровенно, сэръ, что я не ищю, не домогаюсь и даже нисколько не желаю этой чести (Слушайте, слушайте!). Уже давно продолжается похвальное соревнование на поле национального игрища между Могольтоном и Дингли-Деллем, – это известно всему свету, сэръ, и, конечно, никто не станет оспаривать, что европейский континент имеет высокое мнение о криккетистах... Могуч и славен город Могольтон, и всюду гремит молва о великих подвигах его граждан; но тем не менее я – дингли-деллер и горжусь этим наименованием вот по какой причине (Слушайте, слушайте!). Пусть город Могольтон гордится всеми своими отличиями, – на это, конечно, он имеет полное право: достоинства его многочисленны, даже, можно сказать, бесчисленны. Однакож, сэръ, если все мы твердо помним, что Могольтон произвел на свет знаменитых героев, Домкинса и Поддера, то, конечно, никто из нас не забудет и не может забыть, что Дингли-Делль, в свою очередь, может достойно превозноситься тем, что ему одолжены своим бытием не менее знаменитые мужи: Лоффи и Строггльс (Дружные и громкие рукоплескания). Унижаю ли я через это честь и славу могольтонских граждан? Нет, тысячу раз нет. Совсем напротив: я даже завидую при этом случае роскошному излиянию их национальных чувств. Все вы, милостивые государи, вероятно хорошо знаете достопамятный ответ, раздавшийся некогда из бочки, где имел местопребывание свое великий философ древней Греции, стяжавший достойно заслуженную славу в классическом мире: «если бы я не был Диогеном,» сказал он, «то я желал бы быть Александром». – Воображаю себе, что господа, здесь предстоящие, могут в свою очередь сказать: «не будь я Домкинс, я бы желал быть Лоффи», или: «не будь я Поддер, я желал бы быть Строггльсом» (Общий восторг). К вам обращаюсь, господа, почтенные граждане Могольтона: один ли криккет упрочивает за вами громкую известность? Разве вы никогда не слышали о Домкинсе и его высоких подвигах, имеющих непосредственное отношение к вашей национальной славе? Разве вы не привыкли с именем Поддера соединять понятие о необыкновенной решительности и твердости характера в защите собственности? Кому еще так недавно пришла в голову счастливая мысль относительно увеличения наших привилегий? Кто так красноречиво ратовал в пользу нашей церкви? Домкинс. Итак, милостивые государи, приглашаю вас приветствовать с общим одушевлением почтенные имена наших национальных героев: да здравствуют многая лета Домкинс и Поддер!

От громких рукоплесканий задрожали окна, когда миниатюрный джентльмен кончил свою речь. Весь остаток вечера прошел чрезвычайно весело и дружелюбно. Тосты следовали за тостами, и одна речь сменялась другою: красноречие господ криккетистов обнаружилось во всей своей силе и славе. М-р Лоффи и м-р Строггльс, м-р Пикквик и м-р Джингль были каждый в свою очередь предметом единодушных прославлений и каждый, в свое время, должен был в отборных выражениях благодарить почтенную компанию за предложенные тосты.

Как соревнователи национальной славы, мы весьма охотно согласились бы представить нашим читателям полный отчет обо всех подробностях знаменитого празднества, достойного занять одно из первых мест в летописях великобританских торжеств; но, к несчастью, материалы наши довольно скудны, и мы должны отказаться от удовольствия украсить свои страницы великолепными образчиками британского витийства. М-р Снодграс, с обычной добросовестностью, представил значительную массу примечаний, которые, нет сомнения, были бы чрезвычайно полезны для нашей цели, если бы, с одной стороны, пламенное красноречие, с другой – живительное действие вина не сделали почерк этого джентльмена до такой степени неразборчивым, что рукопись его в этом месте оказалась почти совершенно неудобною для ученого употребления. Мы едва могли разобрать в ней имена красноречивых ораторов и весьма немного слов из песни, пропетой м-ром Джинглем. Попадаются здесь выражения в роде следующих: «изломанные кости... пощечина... бутылка... подзатыльник... забубенный»; но из всего этого нам, при всем желании, никак не удалось составить живописной картины, достойной внимания наших благосклонных читателей.

Возвращаясь теперь к раненому м-ру Топману, мы считаем своей обязанностью прибавить только, что за несколько минут до полуночи в трактире «Голубого Льва» раздавалась умиленная мелодия прекрасной и страстной национальной песни, которая начинается таким образом:

Пропируем до утра,
Пропируем до утра,
Пропируем до утра,
Гей, гой! до утра!

Глава VIII

Объясняет и доказывает известное положение, что «путь истинной любви не то, что железная дорога».

Безмятежное пребывание на хуторе Дингли-Делль, чистый и ароматический воздух, оглашаемый непрерывно пением пернатых, присутствие прелестных представительниц прекрасного пола, их великодушная заботливость и беспокойство: все это могущественным образом содействовало к благотворному развитию нежнейших чувств, глубоко насажденных самою природою в сердце м-ра Треси Топмана, несчастного свидетеля птичьей охоты. На этот раз его нежным чувствам было, по-видимому, суждено обратиться исключительно на один обожаемый предмет. Молодые девушки были очень милы, и обращение их казалось привлекательным во многих отношениях; но девственная тетка превосходила во всем как своих племянниц, так и всякую другую женщину, какую только видел м-р Топман на своем веку. Было какое-то особенное великолепие в её черных глазах, особенное достоинство в её осанке, и даже походка целомудренной девы обличала такие сановитые свойства, каких отнюдь нельзя было заметить в молодых мисс Уардль. Притом не подлежало ни малейшему сомнению, что м-р Треси Топман и девственная тетка увлеклись друг к другу с первого взгляда непреодолимою симпатиею; в их натуре было что-то родственное, что, по-видимому, должно было скрепить неразрывными узами мистический союз их душ. её имя невольно вырвалось из груди м-ра Топмана, когда он лежал на траве, плавая в своей собственной крови, и страшный истерический хохот девствующей тетки был первым звуком, поразившим слух счастливого Треси, когда друзья подвели его к садовой калитке. Чем же и как объяснить это внезапное волнение в её груди? Было ли оно естественным изливанием женской чувствительности при виде человеческой крови, или, совсем напротив, источник его заключался в пылом и страстном чувстве, которое только он один из всех живущих существ мог пробудить в этой чудной деве? Вот вопросы и сомнения, терзавшие грудь счастливого страдальца, когда он был распростерт на мягкой софе перед пылающим камином. Надлежало разрешить их во что бы ни стало.

Был вечер. Изабелла и Эмилия вышли погулять в сопровождении м-ра Труделя; глухая старая леди полулежала в забытии в своих спокойных креслах; жирный и толстый детина храпел у очага в отдаленной кухне; смазливые горничные вертелись у ворот, наслаждаясь приятностью вечерней погоды и любезностью сельских кавалеров, изливавших перед ними свои пылкие чувства. Треси Топман и Рахиль Уардль сидели друг подле друга, не обращая ни малейшего внимания на окружающие предметы. Они мечтали о взаимной симпатии душ, мечтали и молчали.

– Ах! я совсем забыла свои цветы! – вдруг сказала девствующая тетка.

– Пойдемте поливать их теперь, – промолвил м-р Топман убедительным тоном.

– Вы простудитесь на вечернем воздухе, – отвечала целомудренная дева тоном глубочайшего сострадания и симпатии.

– Нет, нет, – сказал м-р Топман, быстро вставая с места. – Позвольте мне идти вместе с вами: это будет полезно для моего здоровья.

Сострадательная леди поправила перевязку на левом плече своего прекрасного собеседника и, взяв его за правую руку, отправилась в сад.

В отдаленном и уединенном конце сада красовалась поэтическая беседка из акаций, жасминов, душистой жимолости и роскошного плюща. В этот приют спокойствия и тишины направил свои шаги счастливая чета. Девствующая тетушка взяла лейку, лежавшую в углу, и собралась идти. М-р Топман удержал ее подле себя.

– Мисс Уардль! – воскликнул он, испустив глубокий вздох.

Девствующая тетка затрепетала, зашаталась, и лейка едва не выпала из её рук.

– Мисс Уардль! – повторил м-р Топман, – вы – ангел!

– М-р Топман! – воскликнула Рахиль, краснея, как пион.

– Да, вы ангел, мисс Уардль, вы... вы... вы – сущий ангел, – повторил энергичным тоном красноречивый пикквикист.

– Мужчины всех женщин называют ангелами, – пробормотала застенчивая леди.

– Что же вы после этого? С чем могу я вас сравнить, несравненная мисс Уардль, – говорил восторженный Топман. – Где и как найти существо, подобное вам? В каком углу мира может еще скрываться такое счастливое соединение физических и моральных совершенств? Где ах! где...

М-р Топман приостановился, вздохнул и с жаром начал пожимать руку красавицы, державшую ручку лейки. Она потупила глаза, опустила голову и прошептала едва слышным голосом.

– Мужчины как мухи к нам льнут.

– О, как бы я желал быть мухой, чтоб вечно жужжать вокруг вашего прелестного чела! – воскликнул вдохновенно м-р Топман.

– Мужчины все... такие обманщики... – продолжала застенчивая леди.

– Обманщики – да; но не все, мисс Уардль. Есть по крайней мере одно существо, постоянное и неизменное в своих чувствах, существо, готовое посвятить всю свою жизнь вашему счастью, существо, которое живет только вашими глазами, дышит вашей улыбкой, которое для вас, только для одной вас переносит тяжелое бремя своей жизни.

– Гдеж скрывается оно, м-р Топман, это идеальное существо?

– Здесь, перед вами, мисс Уардль!

И прежде, чем целомудренная дева угадала его настоящую мысль, м-р Топман стоял на коленях у её ног.

– М-р Топман, встаньте! – сказала Рахиль.

– Никогда, никогда! – был рыцарский ответ. – О, Рахиль!

Он схватил её трепещущую руку и прижал к своим пламенным устам. Зеленая лейка упала на пол.

– О, Рахиль, обожаемая Рахиль! Могу ли я надеяться на вашу любовь?

– М-р Топман, – проговорила девствующая тетка, – я так взволнована... так измучена; но... но... я к вам равнодушна.

Лишь только вожаделенное признание вырвалось из уст целомудренной леди, м-р Топман приступил к решительному обнаружению своих чувств, и начал делать то, что обыкновенно в подобных случаях делается пылкими юношами, объятами пожирающей страстью: он быстро вскочил на ноги и, забросив свою руку на плечо девствующей тетки, напечатлел на её устах многочисленные поцелуи, которые все до одного, после некоторого сопротивления и борьбы, были приняты терпеливо и даже благосклонно. Неизвестно, как долго могли бы продолжаться эти пылкие обнаружения нежной страсти, если б красавица, испуганная каким то внезапным явлением, вдруг невырвалась из объятий пламенного юноши.

– За нами подсматривают, м-р Топман! – воскликнула целомудренная дева. – Нас открыли!

М-р Топман с беспокойством оглянулся вокруг себя, и взор его немедленно упал на один из самых прозаических предметов вседневной жизни. Жирный детина, неподвижный, как столб, бессмысленный, как осел, уставил свои большие глаза в самый центр беседки; но и самый опытный физиономист, изучивший до последних мелочей все возможные очертания человеческой фигуры, не открыл бы на его лице ни малейших следов изумления, любопытства или какого-нибудь другого чувства, волнующего человеческую грудь. М-р Топман смотрел на жирного детину; жирный детина смотрел на м-ра Топмана с тупым, бессмысленным выражением. Чем долее м-р Топман наблюдал бессмысленно пошлую фигуру детины, тем более

убеждался, что он или ничего не знал, не видал, или ничего не понимал. Под влиянием этого впечатления он сказал довольно твердым, решительным и несколько суровым тоном:

– Чего вам здесь надобно?

– Пожалуйте ужинать, сэр: стол накрыт.

– Давно ли вы пришли сюда? – спросил м-р Топман, окинув еще раз пытливым взором жирного детину.

– Только сейчас, сэр.

М-р Топман еще пристальнее впился глазами в пошлую фигуру; но не заметил в ней ни малейшего проявления какого-нибудь чувства. Успокоенный счастливым результатом своих исследований, м-р Топман подал руку девствующей тетке и вышел из беседки.

Они пошли домой. Детина следовал за ними.

– Он ничего не знает, – шепнул м-р Топман.

– Ничего, – подтвердила, девственная тетка.

Позади их послышался странный звук, произведенный как будто неловким усилием подавить невольный смех. М-р Топман оглянулся. Нет, быть не может: на лице жирного детины не было ни малейшей гримасы.

– Скоро он заснет, я полагаю, – шепнул м-р Топман.

– В этом нет никакого сомнения, – сказала целомудренная тетка.

Они оба засмеялись от чистого сердца.

М-р Топман жестоко ошибся. Жирный детина на этот раз бодрствовал и телом, и душой. Он все видел и слышал.

За ужином ни с чьей стороны не обнаружилось попыток завязать общий разговор. Старая леди пошла спать; Изабелла Уардль посвятила себя исключительному вниманию м-ра Трудлея; девствующая тетушка была вся сосредоточена на своем любезном Треси; мысли Эмилии Уардль были, казалось, обращены на какой-то отдаленный предмет, вероятно, на отсутствующего Снодграса.

Одиннадцать, двенадцать, час за полночь: джентльменов нет как нет. беспокойство изобразилось на всех лицах. Неужели их остановили и ограбили среди дороги? Не послать ли людей с фонарями в те места, где им следует возвращаться домой? Или, пожалуй, чего доброго... Чу! вот они. Отчего они так запоздали? Чу – какой-то странный голос! Чей бы это?

Все маленькое общество высыпало в кухню, куда воротились запоздалые гуляки. Один взгляд на них объяснил весьма удовлетворительно настоящее положение вещей.

М-р Пикквик, засунув в карманы обе руки и нахлобучив шляпу на свой левый глаз, стоял облокотившись спиной о буфет, потряхивая головой на все четыре стороны, и по лицу его быстро скользили одна за другою самые благосклонные улыбки, не направленные ни на какой определенный предмет и не вызванные никаким определенным обстоятельством или причиной. Старик Уардль, красный как жареный гусь, неистово пожимал руку незнакомого джентльмена и еще неистовее клялся ему в вечной дружбе. М-р Винкель, прислонившись спиной к стене, произносил весьма слабые заклинания на голову того, кто бы осмелился напомнить ему о позднем часе ночи. М-р Снодграс погрузился в кресла, и физиономия его, в каждой черте, выражала самые отчаянные бедствия, какие только может придумать пылкая фантазия несчастного поэта.

– Что с вами, господа? – спросили в один голос изумленные леди.

– Ни-чег-гго, – отвечал м-р Пикквик. – Мы все... благо... получны. Я говорю, Уардль, мы все благополучны: так, что ли?

– Разумеется, – отвечал веселый хозяин. – Милые мои, вот вам друг мой, м-р Джингль, друг м-ра Пикквика. Прошу его любить и жаловать: он будет у нас гостить.

– Не случилось ли чего с м-ром Снодграсом? – спросила Эмилия беспокойным тоном.

– Ничего, сударыня, ничего, – отвечал незнакомый джентльмен. – Обед и вечер после крикета... веселая молодежь... превосходные песни... старый портер... кларет... чудесное вино, сударыня... вино.

– Врешь ты, шарамыжник, – возразил прерывающимся голосом м-р Снодграс. – Какое там вино? Никакого, черт вас побери. Селедка – вот в чем штука!

– Не пора ли им спать, тетушка? – спросила Эмилия. – Люди могут отнести их в спальню: по два человека на каждого джентльмена.

– Я не хочу спать, – проговорил м-р Винкель довольно решительным тоном.

– Ни одной живой души не припущу к себе, – возгласил м-р Пикквик, и при этом лучезарная улыбка снова озарила его красное лицо.

– Ура! – воскликнул м-р Винкель.

– Ур-р-ра! – подхватил м-р Пикквик, снимая свою шляпу и бросая на пол, при чем его очки также упали на середину кухни.

При этом подвиге он окинул собрание торжествующим взором и захохотал от чистейшего сердца.

– Давайте еще бутылку вина! – вскричал м-р Винкель, постепенно понижая свой голос от самой верхней до самой низшей ноты.

Его голова опрокинулась на грудь, и он продолжал бормотать бессвязные звуки, обнаруживая между прочим зверское раскаяние, что поутру не удалось ему отправить на тот свет старикашку Топмана. Наконец он заснул, и в этом положении два дюжих парня, под личным надзором жирного детины, отнесли его наверх. Через несколько минут м-р Снодграс вверил также свою собственную особу покровительству Джоя. М-р Пикквик благоволил принять протянутую руку м-ра Топмана и спокойно выплыл из кухни, улыбаясь под конец самым любезным и обязательным образом. Наконец и сам хозяин, после немого и трогательного прощания со своими дочерьми, возложил на м-ра Труделя высокую честь проводить себя наверх: он отправился из кухни, заливаясь горячими слезами, как будто спальня была для него местом заточения и ссылки.

– Какая поразительная сцена! – воскликнула девственная тетка.

– Ужасно, ужасно! – подтвердили молодые девицы.

– Ничего ужаснее не видывал, – сказал м-р Джингль серьезным тоном. – На его долю пришлось двумя бутылками больше против каждого из его товарищей. – Зрелище страшное, сударыня, да!

– Какой любезный молодой человек! – шепнула девственная тетка на ухо Топману.

– И очень недурен собой! – заметила втихомолку Эмилия Уардль.

– О, да, очень недурен, – подтвердила девственная тетка.

М-р Топман думал в эту минуту о рочестерской вдове, и сердце его переполнилось мрачною тоской. Разговор, продолжавшийся еще минут двадцать, не мог успокоить его взволнованных чувств. Новый гость был учтив, любезен, разговорчив, и занимательные анекдоты, один за другим, быстро струились из его красноречивых уст. М-р Топман сидел как на иголках и чувствовал, с замиранием сердца, что звезда его славы постепенно меркнет и готова совсем закатиться под влиянием палящих лучей нового светила. Мало-помалу веселость его исчезла, и его смех казался принужденным. Успокоив, наконец, свою больную голову под теплым одеялом, м-р Топман воображал, с некоторым утешением и отрадой, как бы ему приятно было притиснуть своей спиной этого проклятого Джингля между матрацем и периной.

Поутру на другой день хозяин и его гости, утомленные похождениями предшествовавшей ночи, долго оставались в своих спальнях; но рано встал неутомимый незнакомец и употребил весьма счастливые усилия возбудить веселость дам, пригласивших его принять участие в их утреннем кофе. Девствующая тетка и молодые девицы хохотали до упаду, и даже старая леди пожелала однажды выслушать через слуховой рожок один из его забавных анекдотов. её удо-

вольствие выразилось одобрительной улыбкой, и она благоволила даже назвать м-ра Джингля «безстыдным повесой», – мысль, с которой мгновенно согласились все прекрасные родственницы, присутствовавшие за столом.

Уже издавна старая леди имела в летнее время похвальную привычку выходить в ту самую беседку, в которой м-р Топман накануне ознаменовал себя страстным объяснением своих чувств. Путешествие старой леди неизменно совершалось следующим порядком: во-первых, жирный детина отправлялся в её спальню, снимал с вешалки её черную атласную шляпу, теплую шаль, подбитую ватой, и брал толстый сучковатый посох с длинной рукояткой. Старая леди, надевая шляпу, закутывалась шалью и потом, опираясь одною рукою на свой посох, а другую на плечо жирного детины, шла медленным и ровным шагом в садовую беседку, где, оставаясь одна, наслаждалась около четверти часа благорастворенным воздухом летнего утра. Наконец, точно таким же порядком, она опиралась вновь на посох и плечо и шла обратно в дом свой.

Старуха любила аккуратность во всех своих делах и мыслях. Три года сряду церемония прогулки в сад исполнялась со всею точностью, без малейшего отступления от принятых форм. На этот раз, однако ж, к великому её изумлению, произошло в этой церемонии совсем неожиданное изменение: жирный детина вместо того, чтобы оставить беседку, отступил от неё на несколько шагов, осмотрелся направо и налево и потом опять подошел к старой леди с таинственным видом, принимая, по-видимому, необходимые предосторожности, чтоб его никто не заметил.

Старая леди была робка, подозрительна, пуглива, как почти все особы её лет. Первою её мыслью было: не хочет ли масляный болван нанести ей какое-нибудь физическое оскорбление с преступным умыслом овладеть её скрытым капиталом. Всего лучше было бы в таком случае позвать кого-нибудь на помощь; но старческие немощи уже давно лишили ее способности издавать пронзительные звуки. Проникнутая чувством невыразимого ужаса, старушка наблюдала молча движения рослого детины, и страх её увеличился еще больше, когда тот, прислонившись к её уху, закричал взволнованным и, как ей показалось, грозным тоном:

– Мистрисс!

Теперь должно обратить внимание на то, что в эту самую минуту м-р Джингль гулял в саду, весьма недалеко от беседки. Услышав громкое воззвание лакея, он остановился прислушаться, что будет дальше. Три существенные причины побудили его на этот поступок. во-первых, он был любопытен и празднен: во-вторых, деликатность чувства отнюдь не принадлежала к числу нравственных свойств м-ра Джингля, в третьих и в последних, он скрывался за куртиною цветов, и никто не видал его в саду. Поэтому м-р Джингль стоял, молчал и слушал.

– Мистрисс! – прокричал опять жирный детина.

– Чего вам надобно, Джой? – спросила трепещущая старушка. – Надеюсь, мой милый, я была снисходительна к вам и никогда не взыскивала строго за ваши проступки. Могло случиться что-нибудь невзначай; но этого, конечно, никто бы не избежал на моем месте. Жалованья получали вы много, дела у вас было мало, а есть позволялось вволю.

Старушка весьма искусно задела за чувствительную струну детины: он был растроган, и отвечал выразительным тоном:

– Много доволен вашей милостью, покорнейше благодарим.

– Ну, так чего ж вы хотите от меня, мой милый? – спросила ободренная старушка.

– Мне хочется поставить дыбом ваши волосы, сударыня.

Такое желание, очевидно, могло происходить из грязного источника, быть может, даже из жажды крови; и так как старая леди не совсем понимала процесс поднятия дыбом её волос, то прежний страх возвратился к ней с новою силой.

– Как вы полагаете, сударыня, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? – спросил детина, выказывая свои зубы.

– Почему ж я знаю? Что такое?

– Я видел, сударыня, собственными глазами, на этом самом месте, где вы изволите сидеть, видел, как один из ваших гостей, раненый джентльмен, сударыня, целовал и обнимал...

– Кого, Джой, кого? Мою горничную?

– Нет, сударыня, похуже, – прервал жирный детина над самым ухом старой леди.

– Неужто мою внуку?

– Хуже, гораздо хуже!

– Что с вами, Джой? Вы с ума сошли! – проговорила старушка, считавшая последнюю догадку верхом семейного несчастья. – Кого же? Говорите: я непременно хочу знать.

Жирный детина бросил вокруг себя пытливый взгляд и, уверенный в своей полной безопасности, прокричал над ухом старой леди:

– Мисс Рахиль!

– Чтоо-о? – воскликнула старая леди пронзительным голосом. – Говорите громче.

– Мисс Рахиль, – проревел еще раз детина.

– Мою дочь!!!

Толстые щеки Джоя залоснились и раздулись, когда он, вместо ответа, утвердительно кивнул своей головой.

– И она не противилась! – воскликнула старая леди.

Джой выказал снова зубы и сказал:

– Я видел, как она сама целовала и обнимала раненого джентльмена.

Если б м-р Джингль из своей засады мог видеть выражение лица старой леди, пораженной неожиданною вестью, громкий смех, нет сомнения, обличил бы его присутствие подле таинственной беседки. Он притаил дыхание и старался не проронить ни одного звука. В беседке между тем раздавались отрывочные фразы в роде следующих: «Без моего позволения!» – «В её лета!» – «Боже мой, до чего я дожила!» – Все это слышал м-р Джингль и видел потом, как жирный детина, постукивая каблуками, вышел из беседки на свежий воздух.

Обстоятельство довольно странное, но тем не менее возведенное на степень очевидного факта: м-р Джингль через пять минут после своего прибытия на Менор-Фарм решился и дал себе честное слово – овладеть, во что бы ни стало, сердцем девственной тетки. С первого взгляда он заметил, что его бесцеремонное и смелое обращение совершенно приходилось по мыслям старой деве, и он рассчитал наугад, что лучшим её достоинством, без сомнения, должно быть независимое состояние, принадлежавшее ей по праву наследства. Предстояла теперь неотложная необходимость, так или иначе, затеснить, отстранить или сокрушить своего счастливого соперника: м-р Джингль решился приступить к этой цели смело и прямо. Фильдинг говорит остроумно и справедливо: «мужчина то же, что огонь, и сердце женщины – фитиль для него: князь тьмы зажигает их по своей воле». М-р Джингль, великий практический философ, знал очень хорошо, что молодой человек, как он, для такой особы, как девственная тетка, был опаснее всякого огня. Он решился попробовать свою силу.

Исполненный глубоких размышлений насчет этого предмета, он выступил журавлиным шагом из своей засады и пошел вперед по направлению к джентльменскому дому. Фортуна, казалось, сама распорядилась помогать его планам. М-р Топман и другие джентльмены стояли у садовой калитки, и вслед за ними появились молодые девушки, которым тоже вздумалось погулять после своего завтрака. Крепость осталась без прикрытия.

Дверь гостиной была немного притворена. М-р Джингль заглянул: девствующая тетка сидела за шитьем. Он кашлянул, она подняла глаза и улыбнулась. Нерешительность и колебание были совсем незнакомы м-ру Альфреду Джинглю. Он таинственно приставил палец к своим губам, вошел и запер за собою дверь.

– Мисс Уардль, – сказал м-р Джингль, приняв на себя озабоченный вид, – извините... короткое знакомство... церемониться некогда... все открыто!

– Сэр! – воскликнула девственная тетка, изумленная неожиданным появлением незнакомца.

– Тише... умоляю... важные дела... толстый слуга... пухлое лицо... круглые глаза... мерзавец.

Здесь он выразительно кивнул своею головою; девствующую тетку пронял невольный трепет.

– Вы намекаете, если не ошибаюсь, на Джозефа? – сказала Рахиль, стараясь сообщить спокойное выражение своему лицу.

– Да, сударыня... черт его побери... проклятый Джой... изменник... собака... все сказал старой леди... вспыхнула, пришла в отчаяние... дико... беседка... Топман... обнимает и целует... не противится... что вы на это скажете, сударыня?

– М-р Джингль, если вы пришли издеваться надо мной, обижать беззащитную девушку...

– Совсем нет... помилуй Бог!.. Слышал все... сообразил... пришел предостеречь, предложить услуги... сорвать маску. Думайте, что хотите... сделал свое дело... иду.

И он поспешно повернулся к дверям.

– Что мне делать? что мне делать? – завопила бедная дева, заливаясь горькими слезами. – Брат рассердится ужасно!

– Рассвирепеет... иначе нельзя... фамильная обида.

– Что-ж мне сказать ему, м-р Джингль? – всхлипывала девствующая тетка, терзаемая страшным припадком отчаяния. – Научите, присоветуйте!

– Скажите, что ему пригрезилось, и больше ничего, – холодно отвечал м-р Джингль.

Луч надежды озарил страждущую душу горемычной девы. Заметив это, м-р Джингль смелее начал развивать нить своих соображений.

– Все вздор, сударыня... очень натурально... заснул, пригрезилась красавица... кошмар... все поверят... понимаете?

Была ли девствующая тетка обрадована рассчитанной вероятностью ускользнуть от опасных следствий сделанного открытия или, быть может, приписанный ей титул красавицы значительно умягчил жестокость её печали, утвердительно сказать мы не можем ни того, ни другого. Как бы то ни было, её щеки покрылись ярким румянцем, и она бросила благодарный взгляд на м-ра Джингля.

Понимая в совершенстве свою роль, м-р Джингль испустил глубокий вздох, вперил на пару минут свои глаза в желтое лицо старой девы, принял мелодраматическую позу и внезапно устремил свой взор на небеса.

– Вы, кажется, страдаете, м-р Джингль, – сказала сострадательная леди жалобным тоном, – вы несчастны. Могу ли я, в благодарность за ваше великодушное участие, вникнуть в настоящую причину ваших страданий? Быть может, мне удастся облегчить ваше горе?

– Облегчить? Ха, ха, ха! И это говорите вы, мисс Уардль? вы говорите, тогда как любовь ваша принадлежит человеку, неспособному понимать свое счастье, человеку, который даже теперь рассчитывает на привязанность племянницы того самого создания... который... но нет!.. нет! он мой друг: я не буду выставлять на позор его безнравственные свойства. Мисс Уардль – прощайте!

В заключение этой речи, принявшей, быть может, первый раз на его языке последовательную логическую форму, м-р Джингль приставил к своим глазам коленкоровый лоскут суррогат носового платка и сделал решительный шаг к дверям.

– Остановитесь, м-р Джингль! – возопила девствующая тетка. – Ваш намек относится к м-ру Топману: объяснитесь.

– Никогда! – воскликнул м-р Джингль театральным тоном. – Никогда!

И в доказательство своей твердой решимости он придвинул стул к девствующей тетке и уселся рядом с нею.

– М-р Джингль, – сказала целомудренная дева, – я прошу вас, умоляю, заклинаю... откройте ужасную тайну, если она имеет какую-нибудь связь с моим другом.

– Могу ли я, – начал м-р Джингль, пристально вперив глаза в лицо девствующей тетки, – могу ли я видеть, как безжалостный эгоист приносит в жертву прелестное создание... Но нет, нет! Язык отказывается объяснить...

– Именем всего, что дорого для вашего растерзанного сердца, – вопила целомудренная дева, – умоляю, объясните.

М-р Джингль, казалось, несколько секунд боролся с собственными чувствами и потом, преодолев внутреннее волнение, произнес твердым и выразительным тоном:

– Топман любит только ваши деньги!

– Злодей! – воскликнула мисс Уардль, проникнутая насквозь страшным негодованием. Сомнения м-ра Джингля решены: у девствующей тетки были деньги.

– Этого мало, – продолжал кочующий актер, – Топман любит другую.

– Другую! – возопила тетка. – Кого же?

– Смазливую девушку с черными глазами, вашу племянницу – Эмилию.

Продолжительная пауза.

С этого мгновения в груди старой девы заклокотала самая непримиримая ненависть к мисс Эмилии Уардль. Багровая краска выступила на её лице и шее; она забросила свою голову назад с выражением самого отчаянного презрения и злобы. Закусив, наконец, свои толстые губы и вздернув нос, она прервала продолжительное молчание таким образом:

– Нет, этого быть не может. Я не верю вам, м-р Джингль.

– Наблюдайте за ними, – отвечал кочующий актер.

– Буду.

– Замечайте его взоры.

– Буду.

– Его шепот.

– Буду.

– Он сядет за стол подле неё.

– Пусть его.

– Будет любезничать с нею.

– Пусть.

– Станет расточать перед нею всю свою внимательность.

– Пусть.

– И он бросит вас с пренебрежением.

– Меня бросит! – взвизгнула девственная тетка, – меня!

И в припадке бешеной злобы, она заскрежетала зубами. Глаза её налились кровью.

– Убедит ли это вас?

– Да.

– Вы будете равнодушны?

– Да.

– И вы оставите его?

– Да.

– Он не будет иметь места в вашем сердце?

– Да.

– Любовь ваша будет принадлежать другому?

– Да.

– Честное слово?

– Честное слово.

М-р Джингль бросился на колени и пять минут простоял у ног целомудренной леди: ему обещали подарить неизменно вечную любовь, как скоро будет приведена в известность гнусная измена Топмана.

В этот же самый день, за обедом, блистательным образом подтвердились слова м-ра Альфреда Джингля. Девственная тетка едва верила своим глазам. М-р Треси Топман сидел подле Эмили Уардль напротив м-ра Снодграса, улыбаясь шептал, смеялся и выдумывал поэтические комплименты. Ни одним взглядом, ни одним словом не удостоил он владычицы своего сердца, которой так недавно клялся посвятить всю свою жизнь.

– Черт побери этого болвана! – думал про себя м-р Уардль, знавший от своей матери все подробности романтической истории. – Жирный толстяк, вероятно, спал или грезил на яву. Все вздор!

– Изверг! – думала про себя девственная тетка, – о, как я ненавижу его! Да, это ясно: милый Джингль не обманывал меня.

Следующий разговор объяснит нашим читателям непостижимую перемену в поведении м-ра Треси Топмана.

Время действия – вечер; сцена – сад. Двое мужчин гуляют по уединенной тропинке: один низенький и толстый, другой сухопарый и высокий. То были: м-р Треси Топман и м-р Альфред Джингль. Беседу открыл толстый джентльмен:

– Ну, друг, хорошо я вел себя?

– Блистательно... бесподобно... лучше не сыграть и мне... завтра опять повторить роль... каждый вечер... впредь до дальнейших распоряжений.

– И Рахиль непременно этого требует?

– Непременно.

– Довольна ли она моим поведением?

– Совершенно... что делать?... неприятно... терпение... постоянство... отвратить подозрения... боится брата... надо, говорит, молчать и ждать... всего два-три дня... старики угомонятся... будете блаженствовать оба.

– Есть от неё какие-нибудь поручения?

– Любовь... неизменная привязанность... нежное влечение. Сказать ли ей что-нибудь от твоего имени?

– Любезный Альфред, – отвечал невинный м-р Топман, с жаром пожимая руку своего друга, – отнеси к ней мою беспредельную любовь и скажи, что я горю нетерпеливым желанием прижать ее к своей пламенной груди. Объяви, что я готов, скрепя сердце, безусловно подчиняться всем распоряжениям, какие ты сегодня поутру передал мне от её имени. Скажи, что я удивляюсь её благоразумию и вполне уважаю её скромность.

– Очень хорошо. Еще что?

– Ничего больше. Прибавь только, что я мечтаю каждую минуту о том счастливом времени, когда судьба соединит нас неразрывными узами, и когда не будет больше надобности скрывать настоящие чувства под этой личиной притворства.

– Будет сказано. Еще что?

– Милый друг мой, – воскликнул м-р Топман, ухватившись за руку кочующего актера, – прими пламенную благодарность за твою бескорыстную дружбу и прости великодушно, если я когда словом или мыслью осмелился оскорбить тебя черным подозрением, будто ты оставился на перепутьи к моему счастью. Чем и как, великодушный друг, могу я когда-либо достойным образом отблагодарить тебя за твою бесценную услугу?

– О, не стоит об этом распространяться! – возразил м-р Джингль, – для истинного друга, пожалуй, я готов и в воду.

Но тут он остановился, и, казалось, будто нечаянная мысль озарила его голову.

– Кстати, любезный друг, – сказал он, – не можешь ли ты ссудить мне десять фунтов? Встретились особенные обстоятельства... отдам через три дня.

– Изволь, с величайшим удовольствием, – возразил обязательный м-р Топман, – только ведь на три дня, говоришь ты?

– На три, никак не больше.

М-р Топман отсчитал десять фунтов звонкою монетою, и м-р Джингль с благодарностью опустил их в свой карман. Потом они пошли домой.

– Смотри же, будь осторожен, – сказал м-р Джингль, – ни одного взгляда.

– И ни одной улыбки, – дополнил м-р Топман.

– Ни полслова.

– Буду нем, как болван.

– Обрати, как и прежде, всю твою внимательность на мисс Эмилию.

– Постараюсь, – громко сказал м-р Топман.

– Постараюсь и я, – промолвил про себя м-р Джингль.

И они вошли в дом.

Обеденная сцена повторилась и вечером с одинаковым успехом. Три дня сряду и три вечера м-р Треси Топман отлично выдерживал свой искусственный характер. На четвертый день хозяин был в самом счастливом и веселом расположении духа, потому что, после многих доказательств, пришел к положительному заключению, что клевета, взведенная против его гостя, не имела никаких оснований. Веселился и м-р Топман, получивший новое уверение от своего друга, что дела его скоро придвинутся к вожделенному концу. М-р Пикквик, спокойный в своей совести, всегда наслаждался истинным блаженством невинной души. Но грустен, невыразимо грустен был поэт Снодграс, начавший питать в своей душе жгучую ревность к м-ру Топману. Грустила и старая леди, проигравшая в вист три роббера сряду. М-р Джингль и девственная тетка не могли с своей стороны принять деятельного участия ни в радости, ни в печали своих почтенных друзей вследствие весьма основательных причин, о которых будет сообщено благосклонному читателю в особой главе.

Глава IX

Изумительное открытие и погоня.

Ужин был накрыт и стулья стояли вокруг стола. Бутылки, кружки, рюмки и стаканы в симметрическом порядке красовались на буфете, и все обличало приближение одного из самых веселых часов на хуторе Дингли-Делль.

– Где же Рахиль? – сказал Уардль.

– Куда девался Джингль? – прибавил м-р Пикквик.

– Странно, – сказал хозяин, – я уж, кажется, часа два не слышал их голоса. Эмилия, позвони в колокольчик.

Позвонила. Явился жирный детина.

– Где мисс Рахиль?

– Не знаю-с.

– Где м-р Джингль?

– Не могу знать.

Все переглянулись с изумлением. Было уже одиннадцать часов. М-р Топман смеялся исподтишка с видом совершеннейшей самоуверенности, что Альфред и Рахиль гуляют где-нибудь в саду и, без сомнения, говорят о нем. Ха, ха, ха!

– Ничего, однако ж, – сказал м-р Уардль после короткой паузы, – придут, если проголодаются; а мы станем делать свое дело: семеро одного не ждут.

– Превосходное правило, – заметил м-р Пикквик.

– Прошу покорно садиться, господа. И сели.

Огромный окорок ветчины красовался на столе, и м-р Пикквик уже успел отделить для себя значительную часть. Он приставил вилку к своим губам, и уста его уже отверзлись для принятия лакомого куска, как вдруг в эту самую минуту в отдаленной кухне послышался смутный говор многих голосов. М-р Пикквик приостановился и положил свою вилку на стол. Хозяин тоже приостановился и незаметно для себя выпустил из рук огромный нож, уже погруженный в самый центр копченой ветчины. Он взглянул на м-ра Пикквика. М-р Пикквик взглянул на м-ра Уардля.

Раздались тяжелые шаги по галлерее, и вдруг с необыкновенным шумом отворилась дверь столовой: парень, чистивший сапоги м-ра Пикквика в первый день прибытия его на хутор, вломился в комнату, сопровождаемый жирным детиною и всею домашнею челядью.

– Зачем вас черт несет? – вскричал хозяин.

– Не пожар ли в кухне, дети? – с испугом спросила старая леди.

– Что вы, бабушка? Бог с вами! – отвечали в один голос молодые девицы.

– Что там у вас? Говорите скорее, – кричал хозяин дома.

– Они уехали, сэр, – отвечал лакей, – то есть, если позволите доложить, уж и след их простыл.

При этом известии, передовой м-р Топман неистово бросил свою вилку и побледнел, как смерть.

– Кто уехал? – спросил м-р Уардль иступленным тоном.

– Мисс Рахиль, сэр, и ваш сухопарый гость... покатили на почтовых из гостиницы «Голубого Льва». Я видел их, но не мог остановить и прибежал доложить вашей милости.

– Я заплачу за его прогоны! – заревел Топман с отчаянным бешенством, выскакивая из-за стола. – Он взял у меня десять фунтов! Держать его! Ловить! Он обморочил меня! Не стерплю, не перенесу! В суд его, Пикквик!

И несчастный джентльмен, как помешанный, неистово бегал из угла в угол, произнося самые отчаянные заклинания раздражительного свойства.

– Ах, Боже мой, – возгласил м-р Пикквик, уstraшенный необыкновенными жестами своего друга, – он с ума сошел. Что нам делать?

– Делать! – откликнулся м-р Уардль, слышавший только последние слова. – Немедленно ехать в город, взять почтовых лошадей и скакать по их следам во весь опор. Где этот скотина Джой?

– Здесь я, сэ, только я не скотина, – раздался голос жирного парня.

– Дайте мне до него добраться! – кричал м-р Уардль, порываясь на несчастного слугу. Пикквик поспешил загородить дорогу. – Мерзавец, был подкуплен этим негодяем и навел меня на фальшивые следы, сочинив нелепую историю насчет общего нашего друга и моей сестры. (Здесь м-р Топман упал в кресла).. – Дайте мне добраться до него!

– Не пускайте его, м-р Пикквик! – заголосил хором весь женский комитет, заглушаемый однако ж визжаьем жирного детины.

– Пустите, пустите, – кричал раздраженный джентльмен, – м-р Пикквик, м-р Винкель, прочь с дороги!

Прекрасно и во многих отношениях назидательно было видеть, как посреди этой общей суматохи м-р Пикквик, не утративший ни на один дюйм философского присутствия духа, стоял среди комнаты с распростертыми руками и ногами, заграждая путь вспылчивому джентльмену, добравшемуся до своего несчастного слуги, который, наконец, был вытолкан из комнаты дюжими кулаками двух горничных и одной кухарки. Лишь только угомонила эта суматоха, кучер пришел доложить, что бричка готова.

– Не пускайте его одного, – кричали испуганные леди, – он убьет кого-нибудь.

– Я поеду с ним, – сказал м-р Пикквик.

– Спасибо вам, Пикквик, – сказал хозяин, пожимая его руку, – Эмма, дайте м-ру Пикквику шаль на шею, живей! Ну, дети, смотрите хорошенько за бабушкой; ей, кажется, дурно. Готовы ли вы, Пикквик?

Рот и подбородок м-ра Пикквика уже были окутаны огромной шалью, шляпа красовалась на его голове и лакей подавал ему шинель. Поэтому, лишь м-р Пикквик дал утвердительный ответ, они впрыгнули в бричку.

– Ну, Томми, покажите-ка нам свою удаль! – закричал хозяин долговязому кучеру, сидевшему на козлах с длинным бичем в руках.

И стремглав полетела бричка по узким тропинкам, беспрестанно выпрыгивая из дорожной колеи и немилосердо ударяясь о живую изгородь как будто путешественникам непременно нужно было переломать свои кости. Через несколько минут легкий экипаж подкатил к воротам городской гостиницы, где их встретила собравшаяся толпа запоздалых гуляк.

– Давно ли они ускакали? – закричал м-р Уардль, не обращаясь ни к кому в особенности.

– Минут сорок с небольшим, – отвечал голос из толпы.

– Карету и четверку лошадей! Живей, живей! Бричку отправить после.

– Ну, ребята, пошевеливайтесь! – закричал содержатель гостиницы. – Четырех лошадей и карету для джентльменов! Не мигать!

Засуетились ямщики, забегали мальчишки и взад, и вперед, засверкали фонари и застучали лошадиные копыта по широкому двору. Явилась на сцену карета из сарая.

– Надежный экипаж? – спросил м-р Пикквик.

– Хватит на двести тысяч миль, – отвечал хозяин гостиницы.

Мигом впрягли лошадей, бойко вскочили ямщики на козлы, и путешественники поспешили сесть в карету.

– Семь миль в полчаса!.. Слышите-ли? – закричал м-р Уардль.

– Слышим.

Ямщики навязали нахлестки на свои бичи, конюх отворил ворота, толпа взвизгнула, расступилась, и карета стрелою помчалась на большую дорогу.

– Прекрасное положение! – думал про себя м-р Пикквик, когда его мыслительная машина, первый раз после всеобщей суматохи, начала работать с обычной силой. – Прекрасное положение для главного президента Пикквикского клуба: мчаться сломя голову, в глухую полночь, на бешеных лошадях по пятнадцати миль в час!

Первые три или четыре мили между двумя озабоченными путешественниками не было произнесено ни одного звука, потому что каждый из них погружен был в свои собственные думы; но когда, наконец, взмыленные и вспененные кони, пробежав определенное пространство, обуздали свою бешеную прыть м-р Пикквик начал испытывать весьма приятные чувства от быстроты движения и вдруг, обращаясь к своему товарищу, выразил свой восторг таким образом:

– Ведь мы их, я полагаю, мигом настигнем, – не так ли?

– Надеюсь, – сухо отвечал товарищ.

– Прекрасная ночь! – воскликнул м-р Пикквик, устремив свои очки на луну, сиявшую полным блеском.

– Тем хуже, – возразил Уардль, – в лунную ночь им удобнее скакать, и мы ничего не выиграем перед ними. Луна через час зайдет.

– Это будет очень неприятно, – заметил м-р Пикквик.

– Конечно.

Кратковременный прилив веселости к сердцу м-ра Пикквика начал постепенно упадать, когда он сообразил все ужасы и опасности езды среди непроницаемого мрака безлунной ночи. Громкий крик кучеров, завидевших шоссейную заставу, прервал нить его размышлений.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – заливался первый ямщик.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – заливался второй.

– Йо-йо-йо-йо-йой! – завторил сам старик Уардль, выставив из окна кареты свою голову и половину бюста.

– Йо-йо-йо-йо-йор! – заголосил сам м-р Пикквик, не имея, впрочем, ни малейшего понятия о том, какой смысл должен заключаться в этом оглушающем крике.

И вдруг карета остановилась.

– Что это значит? – спросил м-р Пикквик.

– Подъехали к шоссейной заставе, – отвечал Уардль, – надобно здесь расспросить о беглецах.

Минут через пять, употребленных на переключку, вышел из шоссейной будки почтенный старичок с седыми волосами, в белой рубашке и серых штанах. Взглянув на луну, он зевнул, почесал затылок и отворил ворота.

– Давно ли здесь проехала почтовая карета? – спросил м-р Уардль.

– Чего?

Уардль повторил свой вопрос.

– То-есть, вашей милости, если не ошибаюсь, угодно знать, как давно по этому тракту проскакал почтовый экипаж?

– Ну да.

– А я сначала никак не мог взять в толк, о чем ваша милость спрашивать изволит. Ну, вы не ошиблись, почтовый экипаж проехал... точно проехал.

– Давно ли?

– Этого заподлинно не могу растолковать. Не так чтобы давно, а, пожалуй, что и давно... так себе, я полагаю, часа два или около того, а, пожалуй, что и слишком!

– Какой же экипаж? карета?

– Да, была и карета. Кажись, так.

– Давно ли она проехала, мой друг? – перебил м-р Пикквик ласковым тоном. – С час будет?

– Пожалуй, что и будет.

– Или часа два?

– Немудрено, что и два.

– Ступайте, ребята, черт с ним! – закричал сердитый джентльмен. – От этого дурака во сто лет ничего не узнаешь?

– Дурака! – повторил старик, оскаливая зубы и продолжая стоять среди дороги, между тем как экипаж исчезал в отдаленном пространстве. – Сам ты слишком умен: потерял ни за что, ни про что целых пятнадцать минут и ускакал как осел! Если там впереди станут тебя дурачить так же, как и я, не догнать тебе другой кареты до апреля месяца. Мудрено ли бы догадаться старому хрычу, что здесь получено за молчок малую толику? Скажи себе: ни лысого беса не поймашь! Дурак!

И долго почтенный старичок самодовольно скалил зубы и почесывал затылок. Наконец, затворил он ворота и вошел в свою будку.

Карета между тем без дальнейших остановок продолжала свой путь до следующего станционного двора. Луна, как предсказал Уардль, скоро закатилась; многочисленные ряды мрачных облаков, распространяясь по небесному раздолью, образовали теперь одну густую черную массу, и крупные капли дождя, постукивая исподволь в окна кареты казалось, предсказывали путешественникам быстрое приближение бурной ночи. Противный ветер бушевал в неистовых порывах по большой дороге и печально гудел между листьями деревьев, стоявших по обеим сторонам. М-р Пикквик плотнее закутался шинелью, забился в угол кареты, и скоро погрузился в глубокий сон, от которого только могли пробудить его остановка экипажа, звон станционного колокола и громкий крик старика Уардля, нетерпеливо требовавшего новых лошадей.

Встретились неприятные затруднения. Ямщики спали на сенных сушилах богатырским сном, и станционный смотритель едва мог разбудить их через пять минут. Потом – долго не могли найти ключа от главной конюшни, и когда, наконец, ключ был найден, сонные конюхи вынесли не ту сбрую и вывели не тех лошадей. Церемония запряжки должна была начаться снова. Будь здесь м-р Пикквик один, погоня, без всякого сомнения, окончилась бы этой станцией; но старик Уардль был неугомонен и упрям: он собственными руками помогал надевать хомуты, взнуздывать лошадей, застегивать постромки, и, благодаря его хлопотливым распоряжениям, дело подвинулось вперед гораздо скорее, чем можно было ожидать.

Карета помчалась опять по большой дороге; но теперь перед нашими путешественниками открывалась перспектива, не имевшая в себе никаких привлекательных сторон. До следующей станции было слишком пятнадцать миль; ночь темнела больше и больше с каждой минутой; ветер завыл, как голодный волк, и тучи разразились проливным дождем. С такими препятствиями бороться было трудно. Был час за полночь, и прошло слишком два часа, когда карета подъехала, наконец, к станционному двору. Здесь однако ж судьба, по-видимому, сжалась над нашими путешественниками и оживила надежды в их сердцах.

– Давно ли воротилась эта карета? – закричал старик Уардль, выпрыгивая из своего собственного экипажа и указывая на другой, стоявший среди двора и облепленный свежей грязью.

– Не больше четверти часа, сэра, – отвечал станционный смотритель, к которому был обращен этот вопрос.

– Леди и джентльмен?

– Да, сэра.

– Пожилая леди, желтая, дурная?

– Да.

– Джентльмен сухопарый, высокий, тонконогий, словно вешалка?

– Да, сэра.

– Ну, Пикквик, это они, они! – воскликнул м-р Уардль.

– Они, жаловались, что немножко запоздали, – проговорил станционный смотритель.

– Они, Пикквик, ей Богу они! – кричал м-р Уардль. – Четверку лошадей – живей! Мы их настигнем, прежде чем доедут они до станции. Гинею на водку, ребята, пошевеливайтесь!

И в состоянии необыкновенного возбуждения физических сил пожилой джентльмен засуетился и запрыгал по широкому двору, так что его суетливость электрическим образом подействовала на самого Пикквика, который тоже, приподняв подол длинной шинели, перебежал от одной лошади к другой, кричал на ямщиков, махал руками, притрогивался к дышлу, хомутам, в несомненном и твердом убеждении, что от всех этих хлопот приготовления к поездке должны сократиться по крайней мере вполовину.

– Влезайте, влезайте! – кричал м-р Уардль, впрыгивая в карету и захлопывая дверцу с правой стороны. – Живей, Пикквик, живей!

И прежде, чем м-р Пикквик сообразил, о чем идет речь, дюжая рука одного из ямщиков толкнула его в карету с левой стороны, захлопнула дверцу, и экипаж стремглав помчался со двора.

– Вот мы и пошевеливаемся! – сказал пожилой джентльмен одобрительным тоном.

Они точно шевелились, и м-р Пикквик чувствовал всю силу исполинских движений, когда его начало перебрасывать с одной стороны на другую.

– Держитесь крепче! – сказал Уардль, когда м-р Пикквик толкнулся однажды своей головой об его плечо.

– В жизнь никогда я не чувствовал такой встряски, – отвечал бедный м-р Пикквик.

– Ничего, ничего, мы их нагоним! Держитесь крепче.

М-р Пикквик забился в угол. Карета помчалась еще быстрее.

Так промчались они около трех миль. Наконец, м-р Уардль, наблюдавший из окна минуты две или три, обратил на м-ра Пикквика свое лицо, обрызганное грязью и вскричал нетерпеливым тоном:

– Вот они!

М-р Пикквик высунул свою голову из окна. Так точно: карета, заложенная четверкой лошадей, мчалась во весь галоп не в дальнем расстоянии от них.

– Живей, ребята, живей! – По гинею на брата!

Быстроногие кони первой кареты мчались во весь опор; кони м-ра Уардля вихрем летели по их следам.

– Я вижу его голову! – воскликнул раздражительный джентльмен. – Вон она, чертова башка!

– И я вижу, – сказал м-р Пикквик. – Вон он, проклятый Джингль!

М-р Пикквик не ошибся. Лицо кочующего актера, совершенно залепленное грязью, явственно выставлялось из кареты, и можно было различить, как он делает неистовые жесты, ободряя ямщиков ускорить бег измученных коней.

Завязалась отчаянная борьба. Деревья, заборы и поля пролетали перед ними с быстротой вихря, и через несколько минут путешественники наши были почти подле первой кареты. Они слышали даже, как дребезжал охрипый голос Джингля, кричавшего на ямщиков. Старик Уардль бесновался и выходил из себя. Он дюжинами посылал вперед энергические проклятия всех возможных видов и родов, сжимал кулаки и грозно обращал их на предмет своих негодований; но м-р Джингль отнюдь не позволял себе выходить из пределов джентльменских приличий: он исподволь бросал на своего преследователя презрительную улыбку и отвечал на его угрозы торжественным криком, когда лошади его, повинувшись убедительным доказательствам кнута, ускоряли быстроту своего бега.

Лишь только м-р Пикквик уселся на свое место, и м-р Уардль, надсадивший свою грудь бесполезным криком, всунул свою голову в карету, как вдруг страшный толчок заставил их судорожно отпрянуть от своих относительных углов. Раздался сильный треск, крик, гвалт, – колесо покатило в канаву – карета опрокинулась на бок.

Через несколько секунд общей суматохи – барахтанья лошадей и дребезжанья стекол – м-р Пикквик почувствовал, как высвободили его из-под руин опрокинутого экипажа и как, наконец, поставили его на ноги среди грязной дороги. Высвободив свою голову из капюшона шинели и поправив очки на своих глазах, великий муж поспешил бросить орлиный взгляд на окружающие предметы.

Старик Уардль, в изорванном платье и без шляпы, стоял подле м-ра Пикквика, любясь на обломки опрокинутого экипажа. Ямщики, ошеломленные падением с козел и облепленные толстыми слоями грязи, стояли подле своих измученных коней. Впереди, не дальше как в пятидесяти шагах, виднелся другой экипаж, придержавший теперь своих лошадей. Кучера с грязными лицами, обращенными назад, ухмылялись и оскаливали зубы, между тем как м-р Джингль с видимым удовольствием смотрел из окна кареты на поражение своих преследователей. Темная ночь уже сменилась рассветом, и вся эта сцена была совершенно видима для глаз при бледном утреннем свете.

– Э-гой! – заголосоил бесстыдный Джингль. – Перекувырнулись, господа? Жаль. Как ваши кости?... Джентльмены пожилые... тяжелые... с грузом... очень опасно!

– Ты негодяй! – проревел в ответ м-р Уардль.

– Ха, ха, ха! Благодарим за комплимент... сестрица вам кланяется... благополучна и здорова... просит не беспокоиться... ехать назад... поклон олуху Топману. Ну, ребята!

Ямщики взмахнули бичами, отдохнувшие кони помчались с новой быстротой, м-р Джингль махнул на прощанье белым платком из окна своей кареты.

Ничто во всей истории, ни даже самое падение, не могло поколебать невозмутимого и плавного течения мыслей в крепкой голове президента Пикквикского клуба. Но отчаянная дерзость шарлатана, занявшего сперва деньги у его любезного ученика и потом в благодарности осмелившегося назвать его олухом... нет, это было невыносимо, нестерпимо! М-р Пикквик с трудом перевел свой дух, покраснел чуть не до самых очков и произнес весьма медленным, ровным и чрезвычайно выразительным тоном:

– Если я где-нибудь и когда-нибудь встречу этого человека, я... я... я...

– Да, да, все это очень хорошо, – возразил м-р Уардль, – но пока мы здесь стоим и говорим, они успеют выпросить позволение и обвенчаться.

М-р Пикквик приостановился и крепко закупорил мщение в своей богатырской груди.

– Далеко ли до станции? – спросил м-р Уардль одного из ямщиков.

– Шесть миль или около того: так, что ли, Томми?

– Нет, брат, врешь: слишком шесть миль. Он врет, сэр, до следующей станции будет гораздо больше шести миль.

– Делать нечего, Пикквик; пойдемте пешком.

– Пойдемте, пойдемте! – отвечал этот истинно-великий человек.

Один из ямщиков поскакал верхом за новыми лошадьми и экипажем; другой остался среди дороги караулить усталых коней и разбитую карету. М-р Пикквик и м-р Уардль бодро выступали вперед, окутав наперед свои головы и шеи огромными платками для предохранения себя от крупных капель дождя, который лил теперь обильным потоком на грязную землю.

Глава X

Чудное бескорыстие и некоторые другие весьма замечательные черты в характере м-ра Альфреда Джингля.

Есть в Лондоне несколько старинных гостиниц, служивших некогда главными квартирами для знаменитых дилижансов, – в те счастливые дни, когда дилижансы играли главную и существенную роль в истории сухопутных путешествий. В настоящее время, после всесильного владычества железных рельсов, осиротелые гостиницы превратились в скромные подворья для сельских экипажей, и столичный житель почти знать не хочет о их существовании, исключительно полезном для одних провинциалов.

В модных частях города их нет и быть не может при настоящем порядке вещей, и путешественник, отыскивая какой-нибудь из подобных приютов, должен забраться в грязные и отдаленные захолустья, оставшиеся здоровыми и невредимыми среди всеобщего бешенства к нововведениям всякого рода.

В квартале Боро за Лондонским мостом вы можете, если угодно, отыскать полдюжины старых гостиниц, в совершенстве удержавших свою физиономию давно прошедших времен. Это большие, длинные, закоптелые кирпичные здания с галлереями и фантастическими переходами, способными доставить целые сотни материалов для страстных и страшных повестей в сантиментальном роде, и мы не преминули бы обратиться к этому обильному источнику, если б нам пришлось в голову рассказать фантастическую сказку.

Полутру на другой день после событий, описанных в последней главе, на дворе гостиницы «Белого Оленя», что за Лондонским мостом, на соррейской стороне, долговязый малый, перегнутый в три погибели, ваксил и чистил щеткой сапоги. Он был в черной коленкоровой куртке с синими стеклянными пуговицами, в полосатом нанковом жилете и серых брюках из толстого сукна. Вокруг его шеи болтался красный платок самого яркого цвета, и голова его украшалась белой шляпой, надетой набекрень. Перед ним стояли два ряда сапогов, один вычищенный, другой грязный, и при каждом прибавлении к вычищенному ряду, он приостанавливался на минуту от своей работы, чтоб полюбоваться на её блестящий результат.

На дворе «Белого Оленя» не было почти никаких следов кипучей деятельности, составляющей обыкновенную характеристику больших гостиниц. Три или четыре громоздких воза, которых верхушки могли бы достать до окон второго этажа в обыкновенном доме, стояли под высоким навесом, распростертым по одну сторону двора, между тем как другой воз, готовый, по-видимому, начать свою дальнейшую поездку, был выдвинут на открытое пространство. В главном здании трактира помещались номера для приезжих, разделенные на два длинные ряда темной и неуклюжей галлерей. Из каждого номера, как водится, были проведены по два звонких колокольчика, один в буфет, другой в кофейную залу. Два или три фиакра, один шарабан, две брички и столько же телег покатывались, без всякой определенной цели, по различным частям широкого двора, и, вместе с тем, тяжелый лошадиный топот и храп давал знать кому следует о присутствии отдаленной конюшни с двумя дюжинами пустых стойл, по которым беспечно разгуливал самодовольный козел, неизменный друг и советник усталых коней. Если к этому прибавить еще с полдюжины людей, спавших на открытом воздухе под навесом сарая, то читатель получит, вероятно, довольно полную картину, какую двор «Белого оленя» представлял в настоящее достопамятное утро.

Раздался громкий и пронзительный звонок, сопровождавшийся появлением смазливой горничной на верхнем конце галлерей. Она постучалась в дверь одного из номеров, вошла, получила приказание и выбежала на противоположный конец галлерей, откуда было открыто окно во двор.

– Сам!

– Чего? – откликнулся голос человека в белой шляпе.

– Двадцать второй номер спрашивает сапоги.

– Скажите двадцать второму номеру, что сапоги его стоят смирно и ждут своей очереди.

– Не дурачьтесь, пожалуйста, Сам: джентльмен говорит, что сапоги нужны ему сейчас, сию минуту! Слышите ли?

– Как не слышать вас, соловей мой голосистый! Очень слышу, ласточка вы моя. Да только вот что, касатка: здесь, видите ли, одиннадцать пар сапогов да один башмак, который принадлежит шестому номеру с деревянной ногой. Одиннадцать сапогов, трещетка вы моя, должны быть приготовлены к половине девятого, а башмак к девяти. Что за выскочка двадцать второй номер? Скажите ему, сорока вы моя, что на все бывает свой черед, как говаривал один ученый, собираясь идти в кабак.

И, высказав эту сентенцию, долговязый малый, перегнувшись в три погибели, принялся с новым рвением за свою работу.

Еще раздался звонок, и на этот раз явилась на галлерею почтенная старушка, сама содержательница «Белого Оленя».

– Сам! – вскричала старушка. – Куда он девался, этот пучеглазый ленивец. Вы здесь, Сам. Что-ж вы не отвечаете?

– Как же мне отвечать, сударыня, когда вы сами кричите? – возразил Сам довольно грубым тоном. – «Молчи и слушай», говорил один философ, когда...

– Молчи, пустой болтун! Вычистите сейчас же вот эти башмаки для семнадцатого номера, и отнесите их в гостиную, что в первом этаже, пятый номер.

Старушка бросила на землю башмаки и ушла.

– Пятый номер, – говорил Сам, поднимая башмаки и вынимая кусок мела из своего кармана, чтоб сделать заметку на их подошвах. – Дамские башмаки в гостиной. Это, видно, не простая штучка!

– Она приехала сегодня поутру, – сказала горничная, продолжавшая стоять на галлерею, – приехала в почтовой карете вместе с джентльменом, который требует свои сапоги. И вам лучше прямо приниматься за свое дело и не болтать всякого вздора: вот все, что я вам скажу.

– Что-ж вы об этом не объявили прежде? – сказал Сам с великим негодованием, отделяя джентльменские сапоги от грязной группы их товарищей. – Я ведь прежде думал, что он так себе какой-нибудь скалдырник в три пени за чистку. Вишь ты, джентльмен и леди в почтовой карете! Это, авось, пахнет двумя шилингами за раз.

И под влиянием этого вдохновительного размышления м-р Самуэль принялся за свою работу с таким пламенным усердием, что менее чем в пять минут джентльменские сапоги и башмаки знатной леди сияли самым ярким блеском. Полюбовавшись на произведение своего искусства, он взял их в обе руки и немедленно явился перед дверью пятого номера.

– Войдите! – воскликнул мужской голос в ответ на стук Самуэля.

Он вошел и отвесил низкий поклон, увидев пред собой леди и джентльмена, сидевших за столом. Затем, поставив сапоги у ног джентльмена, а башмаки у ног знатной дамы, он поклонился еще раз и попятился назад к дверям.

– Послушайте, любезный! – сказал джентльмен.

– Чего изволите, сэр?

– Не знаете ли вы, где... где выпрашивают позволение на женитьбу?

– Есть такая контора, сэр.

– Ну, да, контора. Знаете вы, где она?

– Знаю, сэр.

– Где же?

– На Павловском подворье, сэр, подле книжной лавки с одной стороны. Мальчишки покажут, сэр.

– Как мальчишки?

– Да так, мальчишки в белых передниках, которые за тем и приставлены, чтоб показывать дорогу джентльменам, вступающим в брак. Когда какой-нибудь джентльмен подозрительной наружности проходит мимо, они начинают кричать: «Позволения, сэр, позволения! Сюда пожалуйте!» Странные ребята, провал их возьми!

– Зачем же они кричат?

– Как зачем, сэр? Они уж, видно, на том стоят. И ведь чем иной раз черт не шутит: они раззадоривают и таких джентльменов, которым вовсе не приходила в голову женитьба.

– Вы это как знаете? Разве самому пришлось испытать?

– Нет, сэр, Бог миловал, а с другими бывали такие оказии... да вот хоть и с моим отцом, примером сказать: был он вдовец, сэр, и после смерти своей супружницы растолстел так, что Боже упаси. Проживал он в кучерах у одной леди, которая – помяни Бог её душу – оставила ему в наследство четыреста фунтов чистоганом. Ну, дело известное, сэр, коли деньги завелись в кармане, надобно положить их в банк, да и получать себе законные проценты. Так и сделал... то есть оно выходит, что так, собственно говоря, хотел сделать мой покойный родитель, – хотел, да и не сделал.

– Отчего же?

– Да вот от этих именно крикунов – пострел их побери. – Идет он один раз мимо книжной лавки, а они выбежали навстречу, загородили дорогу, да и ну кричать: – «позволения, сэр, позволения!» – Чего? – говорит мой отец. – «Позволения, сэр», – говорит крючок. – Какого позволения? – говорит мой отец. – «Вступить в законный брак», – говорит крючок. – Отвяжись ты, окаянный, – говорит мой отец: – я вовсе не думал об этом. – «А почему ж бы вам не думать?» – говорит крючок. Отец мой призадумался да и стал, стал да и говорит: – Нет, говорит, я слишком стар для женитьбы, да и толст чересчур: куда мне? – «О, помилуйте, говорит крючок, это у нас, ничего ни почем: в прошлый понедельник мы женили джентльмена вдвое толще вас». – Будто бы! – говорит мой отец. – «Честное слово! – говорит крючок, – вы сущий птенец, в сравнении с ним – сюда, сэр, сюда!» Делать нечего, сэр: идет мой отец, как ручной орангутан за хозяином своим, и вот он входит на задний двор, в контору, где сидит пожилой джентльмен между огромными кипами бумаг, с зелеными очками на носу. – «Прошу присесть, – говорит пожилой джентльмен моему отцу, – я покамест наведу справки и скреплю такой-то артикул». – Покорно благодарим за ласковое слово, – говорит мой отец. Вот он и сел, сэр, сел да и задумался насчет, эдак, разных странностей в человеческой судьбе. – «А что, сэр, как вас зовут»? – говорит вдруг пожилой джентльмен. – Тонни Уэллер, – говорит мой отец. – «А сколько вам лет»? – Пятьдесят восемь, – говорит мой отец. – «Цветущий возраст, самая пора для вступления в брак, – говорит пожилой джентльмен, – а как зовут вашу невесту»? – Отец мой стал в тупик. – Не знаю, – говорит, – у меня нет невесты. – «Как не знаете? – говорит пожилой джентльмен: зачем же вы сюда пришли? да как вы смели, говорит, да я вас, говорит, да вы у меня!...» говорит. Делать нечего, отец мой струхнул. Место присутственное: шутить нечего. – Нельзя ли, говорит мой отец, после вписать невесту! – «Нет, – говорит пожилой джентльмен, – никак нельзя». Так и быть, говорит мой отец: пишите м-с Сусанну Клерк, вдову сорока трех лет, прачку ремеслом, из прихода Марии Магдалины: я еще ей ничего не говорил, ну, да, авось, она не заартачится: баба повадливая! – Пожилой джентльмен изготовил лист, приложил печать и всучил моему отцу. Так и случилось, сэр: Сусанна Клерк не заартачилась, и четыреста фунтиков лопнули для меня однажды навсегда! Кажется, я обеспокоил вашу милость, – сказал Самуэль в заключение своего печального рассказа, – прошу извинить, сэр; но уж если пойдет речь насчет этого предмета, так уж наше почтение, – язык без костей.

Простояв с минуту у дверей и видя, что его не спрашивают ни о чем, Сам поклонился и ушел.

– Половина десятого... пора... концы в воду, – проговорил джентльмен, в котором читатель, без сомнения, угадал приятеля нашего, Альфреда Джингля.

– Куда ж ты, мой милый? – спросила девственная тетка.

– За позволением, мой ангел... вписать... объявить пастору, и завтра ты моя... моя навеки! – сказал м-р Джингль, пожимая руку своей невесты.

– За позволением! – пропищала Рахиль, краснея, как пион.

– За позволением, – повторил м-р Джингль.

Лечу за облака на крыльях любви!

Тра-ла-ла... трах-трах тарарах!

– Милый мой поэт! – воскликнула Рахиль.

– Мне ли не быть поэтом, прелестная вдохновительница моей музыки! – возгласил счастливый Альфред Джингль.

– Не могут ли нас обвенчать к вечеру сегодня? – спросила Рахиль.

– Не могут, мой ангел... запись... приготовления... завтра поутру.

– Я так боюсь, мой милый: брат легко может узнать, где мы остановились! – заметила померанцовая невеста, испустив глубокий вздох.

– Узнать... вздор!.. переломил ребро... неделю отдыхать... поедет... не догадается... проищет месяц... год не заглянет в Боро... приют безопасный... захоlustье – ха, ха, ха!.. Превосходно!

– Скорей приходи, мой друг, – сказала девственная тетка, когда жених её надел свою скомканную шляпу.

– Тебе ли напоминать об этом, жестокая очаровательница? – отвечал м-р Джингль, напечатлев девственный поцелуй на толстых губах своей восторженной невесты.

И, сделав отчаянное антраша, кочующий актер перепрыгнул через порог.

– Какой душка! – воскликнула счастливая невеста, когда дверь затворилась за её женихом.

– Странная девка! – сказал м-р Джингль, проходя галлерею.

Мы не станем продолжать длинную нить размышлений, гомозившихся в разгоряченном мозгу м-ра Джингля, когда он «летел на крыльях любви» за позволением вступить в законный брак: бывают случаи, когда вероломство мужчины приводит иной раз в содрогание самое твердое сердце. Довольно сказать, что кочующий актер, миновав драконов в белых передниках, счастливо добрался до конторы и мигом выхлопотал себе драгоценный документ на пергаменте, где, как и водится, было изъяснено, что: «архиепископ кентерберийский приветствует и благословляет добродетельную чету, возлюбленного сына Альфреда Джингля и возлюбленную дочь Рахиль Уардль, да будут они в законном супружестве» и проч. Положив мистический документ в свой карман, м-р Джингль с торжеством направил свои шаги в обратный путь.

Еще не успел он воротиться к своей возлюбленной невесте, как на дворе гостиницы «Белого Оленя» появились два толстых старичка и один сухопарый джентльмен, бросавший вокруг себя пытливые взгляды, в надежде отыскать предмет, способный удовлетворить его любопытству. В эту самую минуту м-р Самуэль Уэллер ваксил огромные сапоги, личную собственность фермера, который между тем, после утренних хлопот на толкучем рынке, прохладжал себя в общей зале за легким завтраком из двух фунтов холодной говядины и трех бутылок пива. Сухопарый джентльмен, осмотревшись вокруг себя, подошел к Самуэлю и сказал вкрадчивым тоном:

– Любезнейший!

«Знаем мы вас», подумал про себя Самуэль «мягко стелете да жестко спать. Хочет, вероятно, даром выманить какой-нибудь совет». Однакож он приостановил свою работу и сказал:

– Что вам угодно?

– Любезнейший, – продолжал сухопарый джентльмен с благосклонной улыбкой, – много у вас народа нынче, а? Вы, кажется, очень заняты, мой милый, а?

Самуэль бросил на вопросителя пытливый взгляд. Это был мужчина средних лет, с продолговатым лицом и с маленькими черными глазами, беспокойно моргавшими по обеим сторонам его инквизиторского носа. Одет он был весь в черном, и сапоги его блестели, как зрачки его глаз, – обстоятельство, обратившее на себя особенное внимание Самуэля. На шее у него красовался белый галстук, из-под которого выставлялись белые, как снег, воротнички его голландской рубашки. Золотая часовая цепочка и печати картинно рисовались на его груди. Он держал в руках свои черные лайковые перчатки и, завязав разговор, забросил свои руки под фалды фрака, с видом человека, привыкшего решать головоломные задачи.

– Так вы очень заняты, мой милый, а?

– Да таки-нешто: не сидим поджавши ноги, как обыкновенно делал приятель мой портной, умерший недавно от апоплексического удара. Сидим себе за круглым столом да хлеб жуем; жуем да и подхваливаем, а хрена нам не нужно, когда говядины вдоволь.

– Да вы весельчак, сколько я вижу.

– Бывал встарину, когда с братом спал на одной постели. От него и заразился, сэр: веселость – прилипчивая болезнь.

– Какой у вас старый дом! – сказал сухопарый джентльмен, осматриваясь кругом.

– Стар да удал; новый был да сплыл, и где прежде была палата, там нынче простая хата!

– Вы рифмач, мой милый.

– Как грач, – отвечал невозмутимый Самуэль Уэллер.

Сухопарый джентльмен, озадаченный этими бойкими и совершенно неопределенными ответами, отступил на несколько шагов для таинственного совещания со своими товарищами, двумя толстенькими старичками. Сказав им несколько слов, он открыл свою серебряную табакерку, понюхал, вынул платок, и уже хотел, по-видимому, вновь начать свою беседу, как вдруг один толстый джентльмен, с весьма добрым лицом и очками на носу, бойко выступил вперед и, махнув рукою, завел свою речь довольно решительным и выразительным тоном:

– Дело вот в чем, любезнейший: приятель мой, что стоит перед вашим носом (он указал на другого толстенького джентльмена), даст вам десять шиллингов, если вы потрудитесь откровенно отвечать на один или два...

– Позвольте, почтеннейший, позвольте, – перебил сухопарый джентльмен, – первое и самое главное правило, которое необходимо соблюдается в таких случаях, состоит в следующем: как скоро вы поручаете ходатайство о своем деле постороннему лицу, то ваше собственное личное вмешательство может оказаться не только бесполезным, но и вредным, а посему – второе правило – надлежит нам иметь, при существующих обстоятельствах, полную уверенность к этому официальному лицу. Во всяком случае, м-р... (он обратился к другому толстенькому джентльмену) извините, я все забываю имя вашего друга.

– Пикквик, – сказал м-р Уардль.

Читатель давно догадался, что толстенькие старички были не кто другие, как почтенный президент Пикквикского клуба и достопочтенный владелец хутора Дингли-Делль.

– Извините, почтеннейший м-р Пикквик, во всяком другом случае мне будет очень приятно воспользоваться вашим советом в качестве *amicus curiae*; но теперь, при настоящих обстоятельствах, вмешательство ваше с аргументом *ad captandam benevolentiam*, посредством десяти шиллингов, не может, в некотором роде, принести ни малейшей пользы.

Сухопарый джентльмен открыл опять серебряную табакерку и бросил на своих собеседников глубокомысленный взгляд.

– У меня, сэр, было только одно желание, – сказал м-р Пикквик, – покончить как можно скорее эту неприятную историю.

– Такое желание, почтеннейший, делает вам честь, – заметил худощавый джентльмен.

– И с этой целью, сэр, – продолжал м-р Пикквик, – я решился в этом деле употребить финансовый аргумент, который, сколько мне известно, производит самое могущественное влияние на человека во всех его положениях и возрастах. Я долго изучал людей, сэр, и могу сказать, что знаю их натуру.

– Очень хорошо, почтеннейший, очень хорошо, но вам следовало наперед сообщить лично мне вашу счастливую идею. Почтеннейший м-р Пикквик, я совершенно убежден, вы должны иметь отчетливое понятие о той обширнейшей доверенности, какая обыкновенно оказывается официальному лицу. Если требуется на этот счет какой-нибудь авторитет, то я готов напомнить вам известнейший процесс Барнуэлля³ и...

– Как не помнить Джорджа Барнуэлля, – перебил вдруг Самуэль, бывший до сих пор безмолвным слушателем назидательной беседы, – я знаю этот процесс так же, как вы, и моим всегдашним мнением было то, что молодая женщина одна заквасила здесь всю эту историю: ее бы и под *сюркуп*. Но об этом, господа, мы потолкуем после, если будет вашей милости угодно. Речь идет теперь о том, чтоб я согласился из ваших рук принять десять шиллингов серебряною монетой: извольте, господа, я согласен. Сговорчивее меня не найти вам дурака в целом свете (м-р Пикквик улыбнулся). Теперь вопрос такого рода: за каким бесом вы хотите дарить мне ваши деньги?

– Нам нужно знать... – сказал м-р Уардль.

– Погодите, почтеннейший, сделайте милость, погодите, – перебил официальный джентльмен.

М-р Уардль пожал плечами и замолчал.

– Нам нужно знать, – сказал официальный джентльмен торжественным тоном, – и мы спрашиваем об этом вас собственно для того, чтоб не обеспокоить кого-нибудь из домашних, – нам нужно знать: кто теперь стоит в этой гостинице?

– Кто теперь стоит в этой гостинице! – повторил Самуэль, представлявший себе всех жильцов не иначе, как под формой костюма, который состоял под его непосредственным надзором. – А вот извольте видеть: в шестом номере – деревянная нога; в тридцатом – гессенские ботфорты с сафьянными отворотами; в камерке над воротами – козловые полусапожки, да еще с полдюжины лежащих сапогов в коммерческом отделении за буфетом.

– Еще кто? – спросил сухопарый джентльмен.

– Постойте... – отвечал Самуэль, пораженный внезапным воспоминанием, – ну, да, точно – веллингтоновские сапоги на высоких каблуках, с длинными кисточками и еще дамские башмаки – в пятом номере.

– Какие башмаки? – поспешно спросил Уардль, который вместе с м-ром Пикквиком уже начинал теряться в этом длинном каталоге жильцов «Белого Оленя».

– Провинциальной работу, – отвечал Самуэль.

– Кто мастер?

– Браун.

– Откуда?

– Из Могльтона.

– Они! – воскликнул м-р Уардль. – Отыскали, наконец, славу Богу! – Дома они?

– Башмаки то, кажись, дома.

– А джентльмен?

– Сапоги с кисточками отправились в Докторскую общину.

---

³ «George Barnwell» – заглавие известной трагедии Пилло (Pillloe), основанной на истинном происшествии. Главное лицо трагедии, Барнуэльль, обкрадывает своего хозяина и умерщвляет своего дядю. К этому был он побужден своей любовницей. Эту трагедию еще не так давно представляли каждый год в лондонских театрах, и не мудрено, что Самуэль Уэллер знает её содержание. *Прим. перев.*

– Зачем?

– За позволением жениться.

– Мы не опоздали! – воскликнул м-р Уардль. – Господа, не нужно терять ни одной минуты. Ну, любезнейший, покажите нам этот номер.

– Не торопитесь, почтеннейший, – сказал официальный джентльмен, – сделайте милость, не торопитесь: осторожность на первом плане.

Он вынул из кармана красный шелковый кошелек, и вынув соверен, пристально посмотрел на Самуэля. Тот выразительно оскалил зубы.

– Введите нас в этот номер без доклада и соверен будет ваш, – сказал официальный джентльмен.

Самуэль бросил в угол сапоги и повел своих спутников наверх. Пройдя половину галереи во втором этаже, он приостановился и протянул руку.

– Вот ваши деньги, – шепнул адвокат, положив соверен в руку своего спутника.

Самуэль сделал вперед еще несколько шагов и остановился перед дверью. Джентльмены следовали за ним.

– В этом номере? – пробормотал адвокат.

Самуэль утвердительно кивнул головой.

Старик Уардль отворил дверь и все три джентльмена вошли в комнату в ту самую минуту, как м-р Джингль, уже воротившийся, показывал девственной тетке вожаденный документ.

При виде брата и его спутников девственная тетка испустила пронзительный крик и, бросившись на стул, закрыла лицо обеими руками. М-р Джингль поспешно свернул пергамент и положил в свой карман. Незваные посетители выступили на середину комнаты.

– Вы бесчестный человек, сэр, вы... вы, – окликнул старик Уардль, задыхаясь от злобы.

– Почтеннейший, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, положив свою шляпу на стол, – присутствие духа и спокойствие прежде всего. Scandalum magnum, личное оскорбление, большая пеня. Успокойтесь, почтеннейший, сделайте милость.

– Как вы смели увезти мою сестру из моего дома? – продолжал Уардль.

– Вот это совсем другая статья, – заметил адвокат, – об этом вы можете спросить. Так точно, сэр, как вы осмелились увезти сестрицу м-ра Уардля? Что вы на это скажете, сэр?

– Как вы смеете меня об этом спрашивать? – закричал м-р Джингль таким дерзким и наглым тоном, что сухопарый джентльмен невольно попятился назад. – Что вы за человек?

– Что он за человек? – перебил старик Уардль. – Вам хочется знать это, бесстыдная тварь? Это м-р Перкер, мой адвокат. Послушайте, Перкер, я хочу преследовать этого негодяя, судить по всей строгости законов, послать к чорту – осудить – истребить – сокрушить! – А ты, – продолжал старик, обратившись вдруг к своей сестре, – ты, Рахиль... в твои лета связаться с бродягой, – бежать из родительского дома, покрыть позором свое имя; как не стыдно, как не стыдно! Надевай шляпку и сейчас домой. – Послушайте, поскорее наймите извозчицью карету и принесите счет этой дамы, слышите? – заключил он, обращаясь к слуге, которого, впрочем, не было в комнате.

– Слушаю, сэр, – отвечал Самуэль, появляясь точно из под земли: он, действительно, оставаясь в коридоре, слушал всю беседу, приставив свое ухо к замочной скважине пятого номера.

– Надевай шляпку, Рахиль, – повторил старик Уардль.

– Не слушайся его, не трогайся с места! – вскричал Джингль. – Господа, советую вам убираться подобру поздорову... делать вам нечего здесь: невесте больше двадцати одного года, и она свободна располагать собой.

– Больше двадцати одного! – воскликнул Уардль презрительным тоном. – Больше сорока одного!

– Неправда! – отвечала с негодованием девственная тетка, отложившая теперь свое твердое намерение подвергнуться истерическим припадкам.

– Правда, матушка, правда. Просиди еще час в этой комнате и тебе стукнет слишком пятьдесят!

Девственная тетка испустила пронзительный крик и лишилась чувств.

– Стакан воды, – сказал человеколюбивый м-р Пикквик, когда в комнату вбежала содержательница трактира, призванная неистовым звоном.

– *Стакан* воды! – кричал раздражительный Уардль. – Принесите-ка лучше ушат и окатите ее с головы до ног: это, авось, скорее образумит старую девку.

– Зверь, просто зверь! – отозвалась сострадательная старушка, изъявляя совершеннейшую готовность оказать свою помощь девственной тетке. – Бедная страдалица!.. Выпейте... вот так... повернитесь... прихлебните... привстаньте... еще немножко...

И, сопровождая свою помощь этими и подобными восклицаниями, добрая трактирщица, при содействии своей горничной, натирала уксусом лоб и щеки девственной тетки, щекотала её нос, развязывала корсет и вообще употребляла все те восстановительные средства, какие с незапамятных времен изобретены сестрами милосердия для любительниц истерики и обморока.

– Карета готова, сэр, – сказал Самуэль, появившийся у дверей.

– Ну, сестра, полно церемониться. Пойдем!

При этом предложении истерические припадки возобновились с новой силой.

Уже трактирщица готова была обнаружить все свое негодование против насильственных поступков м-ра Уардля, как вдруг кочующий актер вздумал обратиться к решительным мерам.

– Эй, малый, – сказал он, – приведите констебля.

– Позвольте, сэр, позвольте, – сказал м-р Перкер. – Не благоугодно ли вам прежде всего обратиться вни...

– Ничего не хочу знать, – перебил м-р Джингль, – она свободна располагать собою, и никто, против её собственной воли, не смеет разлучить ее с женихом.

– О, не разлучайте меня! – воскликнула девственная тетка раздирательным тоном. – Я не хочу, не могу...

Новый истерический припадок сопровождался на этот раз диким воплем.

– Почтеннейший, – проговорил вполголоса сухопарый джентльмен, отводя в сторону господ Пикквика и Уардля. – Почтеннейший, положение наше очень незавидно. Мы стоим, так сказать, между двух перекрестных огней и, право, почтеннейший, если рассудить по закону, мы не имеем никакой возможности сопротивляться поступкам леди. Я и прежде имел честь докладывать вам, почтеннейший, что здесь – *magna collisio rerum*. Надобно согласиться на пожертвования.

Продолжительная пауза. Адвокат открыл табакерку.

– В чем же собственно должны заключаться эти жертвования? – спросил м-р Пикквик.

– Да вот видите ли, почтеннейший, друг наш стоит между двух огней. Чтобы с честью выпутаться всем нам из этой перепалки, необходимо потерпеть некоторый убыток в финансовом отношении.

– Делайте, что хотите: я согласен на все, – сказал м-р Уардль. – Надобно, во что бы ни стало, спасти эту дуру, иначе она погибнет с этим негодяем.

– В этом нет ни малейшего сомнения, – отвечал адвокат. – М-р Джингль, не угодно ли вам пожаловать с нами в другую комнату на несколько минут?

Джингль согласился, и все четыре джентльмена отправились в ближайший пустой номер.

– Как же это, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, затворяя за собою дверь, – неужели никаких нет средств устроить это дело? Сюда, почтеннейший, сюда, на пару слов к этому окну: мы будем тут одни, садитесь, почтеннейший, прошу покорно. Между нами,

почтеннейший, говоря откровенно, – согласитесь, почтеннейший, вы увезли эту леди из-за денег: не так ли, почтеннейший?

М-р Джингль нахмурил брови.

– Ну, да, точно так, почтеннейший, я понимаю, что вы хотите сказать, и заранее вам верю. Мы с вами люди светские, почтеннейший, и хорошо понимаем друг друга... не то, что эти простаки. Нам ничего не стоит провести их: не так ли, почтеннейший?

М-р Джингль улыбнулся.

– Очень хорошо, – продолжал адвокат, заметив произведенное впечатление. – Теперь, почтеннейший, дело, видите ли, вот в чем: у этой леди, до смерти её матери, нет и не будет ничего, кроме разве какой-нибудь сотняги, да и то едва ли.

– Мать *старуха*, – сказал м-р Джингль многозначительным тоном.

– Истинная правда, почтеннейший, я не спорю, – сказал адвокат, откашливаясь и вынимая платок из кармана, – вы справедливо изволили заметить, что она *старенька*. М-с Уардль происходит от старинной фамилии, почтеннейший, старинной во всех возможных отношениях. Основатель этой фамилии прибыл в Англию с войском Юлия Цезаря и поселился в Кентском графстве. Всего замечательнее то, почтеннейший, что только один из членов этой фамилии не дожил до девяноста лет, да и тот погиб насильственной смертью в половине XVI века. Старушке теперь семьдесят три года, почтеннейший: старенька, я согласен с вами, и едва ли проживет она лет тридцать.

Сухопарый джентльмен приостановился и открыл табакерку.

– Что же вы хотите этим сказать? – спросил м-р Джингль.

– Да вот не угодно ли табачку, почтеннейший... не изволите нюхать? И прекрасно – лишний расход. Вижу по всему, почтеннейший, что вы прекрасный молодой человек и могли бы отлично устроить в свете свою карьеру, если б был у вас капиталец, а?

– Что-ж из этого?

– Вы не понимаете меня?

– Не совсем.

– Я объясню вам эту статью в коротких словах, потому что вы человек умный и живали в свете. Как вы думаете, почтеннейший, что лучше: пятьдесят фунтов и свобода или старая девица и долговременное ожидание?

– Пятидесяти фунтов мало, – сказал м-р Джингль, вставая с места. – Не сойдемся.

– Погодите, почтеннейший, – возразил адвокат, удерживая его за фалду. – Капиталец кругленький: человеку с вашими способностями много может сделать из пятидесяти фунтов.

– Полтора ста фунтов, так и быть, – отвечал м-р Джингль холодным тоном.

– Что вы, почтеннейший, Бог с вами! – возразил адвокат. – Ведь все это дело, говоря по совести, выеденного яйца не стоит.

– Однакож, вы сами предложили пятьдесят.

– И довольно.

– Сто пятьдесят.

– Как это можно, помилуйте! Семьдесят, если угодно.

– Не сойдемся, – сказал м-р Джингль, вставая опять со своего места.

– Куда ж вы так спешите, почтеннейший? Погодите. Восемьдесят фунтов – согласны?

– Мало.

– Довольно, почтеннейший, уверяю вас. Неужели вы не сделаете никакой уступки?

– Нельзя. рассудите сами: девять фунтов стоили мне почтовые прогоны; три – позволение, итого двенадцать; вознаграждение за хлопоты положим сто, итого сто двенадцать. Сколько же, по-вашему, должно стоить оскорбление личной чести и потеря невесты?

– Э, полноте, почтеннейший! Я уже сказал, что мы хорошо понимаем друг друга. Стоит ли нам распространяться насчет этих последних пунктов? Сто фунтов для круглоты счета: хотите?

– Сто двадцать.

– Право, почтеннейший, охота вам из такой малости... Ну, я напишу вексель.

И сухопарый джентльмен сел за стол писать вексель.

– Срок платежа я назначу послезавтра, – сказал адвокат, обращаясь к м-ру Уардлю, – а вы между тем увезите вашу сестрицу.

М-р Уардль сделал утвердительный знак.

– Ну, почтеннейший, стало быть, мы помирились на сотне фунтов?

– На ста двадцати.

– Почтеннейший...

– Пишите, м-р Перкер, и пусть он убирается к чорту, – перебил старик Уардль.

М-р Джингль взял написанный вексель и положил в карман.

– Теперь – вон отсюда, негодяй! – закричал м-р Уардль.

– Почтеннейший...

– И помни, – продолжал м-р Уардль, – ни за какие блага я не решился бы на эти переговоры с тобою, если бы не был убежден, как дважды два, что с моими деньгами ты гораздо скорее полетишь к чорту в омут, чем...

– Почтеннейший, почтеннейший...

– Погодите, Перкер. – Вон отсюда, негодяй!

– Сию минуту, – отвечал с невозмутимым спокойствием кочующий актер. – Прощай, Пикквик, прощай, любезный.

Если бы равнодушный зритель мог спокойно наблюдать физиономию великого человека в продолжение последней части этой беседы, он не мог бы надивиться, каким образом пожирающий огонь негодования не расплавил стекло его очков: так могуч и величественно свиреп был теперь гнев президента Пикквикского клуба! Кулаки его невольно сжались, щеки побаливали и ноздри вздулись, когда он услышал свое собственное имя, саркастически произнесенное презренным негодяем. Однакож он укротил свои бурные порывы, и невероятное чудо! нашел в себе твердость духа – неподвижно стоять на одном месте.

М-р Пикквик был философ, это правда; но ведь и философы – те же смертные люди, облеченные только броней высшей мудрости и силы. Стрела, роковая стрела пронзила насквозь философскую броню и просверлила самое сердце великого мужа. Раздираемый самою отчаянною яростью, он схватил чернильницу, бросил ее со всего размаха и неистово побежал вперед. Но м-р Джингль исчез в эту минуту, и великий человек, сам не зная как, очутился в объятиях Самуэля.

– Куда вы бежите, сэр? – сказал эксцентрический слуга. – Мебель, я полагаю, дешева в ваших местах, а у нас покупаются чернильницы на чистые денежки, м-р... не имею чести знать вашего имени, государь мой. Погодите малую толику: какая польза вам гнаться за человеком, который, провал его возьми, мастерски составил свое счастье? Он теперь на другом конце квартала, и уж, разумеется, его не видать вам, как своих ушей.

М-р Пикквик, как и все люди, способен был внимать голосу убеждения, кому бы он ни принадлежал. Мыслитель быстрый и могучий, он вдруг взвесил все обстоятельства этого дела и мигом сообразил, что благородный гнев его будет на этот раз совершенно бессилен и бесплоден. Он утомился в одно мгновение ока, испустил три глубоких вдоха, вынул из кармана носовой платок и благосклонно взглянул на своих друзей.

Говорить ли нам о плачевном положении мисс Уардль, оставленной таким образом своим неверным другом? М-р Пикквик мастерски изобразил эту раздирающую сцену, и его записки, обрызганные в этом месте горькими слезами сострадания, лежат пред нами: одно

слово, и типографские станки передадут их всему свету. Но нет, нет! Покоряясь голосу холодного рассудка, мы отнюдь не намерены сокрушать грудь благосклонного читателя изображением тяжких страданий женского сердца.

Медленно и грустно два почтенных друга и страждущая леди возвращались на другой день в город Моггльтон. Печально и тускло мрачные тени летней ночи ложились на окрестные поля, когда путешественники прибыли, наконец, в Дингли-Делль и остановились перед входом в Менор-Фарм.

Глава XI

Неожиданное путешествие и ученое открытие в недрах земли. – Пасторский манускрипт.

Спокойная ночь, проведенная в глубокой тишине на хуторе Дингли-Делль, и пятьдесят минут утренней прогулки на свежем воздухе, растворенном благоуханиями цветов, восстановили совершеннейшим образом физические и нравственные силы президента Пикквикского клуба. Целых два дня великий человек пребывал в томительной разлуке со своими добрыми друзьями, и сердце его стремилось теперь к вожделенному свиданию. Окончив кратковременную прогулку, м-р Пикквик возвратился домой и на дороге, с невыразимым наслаждением, встретил господ Винкеля и Снодграса, спешивших приветствовать и облобызать великого мужа. Удовольствие свиданья, как и следовало ожидать, сопровождалось превыспренным восторгом, да и какой смертный мот без такого восторга смотреть на лучезарные очи и ланиты президента? Между тем, однако ж, какое-то облако пробегало по челу обоих друзей, и какая-то тайна, тяжелая, возмутительная, облегла их беспокойные души. Что бы это значило, – великий человек, несмотря на все усилия своего гения, никак не мог постигнуть.

– Здоров ли Топман? – спросил м-р Пикквик, пожимая руки обоим друзьям, после взаимного обмена горячих приветствий. – Топман здоров ли?

М-р Винкель, к которому специальным образом относился этот вопрос, не дал никакого ответа. Печально отворотил он свою голову и погрузился в таинственную думу.

– Снодграс, – продолжал м-р Пикквик строгим тоном, – где друг наш Топман? Не болен ли он?

– Нет, – отвечал м-р Снодграс, и поэтическая слеза затрепетала на роговой оболочке его глаза, точь-в-точь как дождевая капля на хрустальном стекле. – нет, он не болен.

М-р Пикквик приостановился и с великим смущением принялся осматривать своих друзей.

– Винкель, Снодграс... что все это значит? Где друг Топман? Что случилось? Какая беда разразилась над его головой? Говорите... умоляю вас, заклинаю... Винкель, Снодграс, – я приказываю вам говорить.

Наступило глубокое молчание. Торжественная осанка м-ра Пикквика не допускала никаких противоречий и уверток.

– Он уехал, – проговорил наконец м-р Снодграс.

– Уехал! – воскликнул м-р Пикквик. – Уехал!

– Уехал, – повторил м-р Снодграс.

– Куда?

– Неизвестно. Мы можем только догадываться, на основании вот этой бумаги, – сказал м-р Снодграс, вынимая письмо из кармана и подавая его президенту. – Вчера утром, когда получено было письмо от м-ра Уардля с известием, что сестра его возвращается домой вместе с вами, печаль, тяготевшая над сердцем нашего друга весь предшествовавший день, начала вдруг возрастать с неимоверною силой. Вслед затем он исчез, и мы нигде не могли отыскать его целый день. Вечером трактирный конюх принес от него письмо из Моггльтона. Топман, видевшийся с ним поутру, поручил ему отдать нам эту бумагу не иначе, как в поздний час ночи.

С недоумением и страхом м-р Пикквик открыл загадочное послание и нашел в нем следующие строки, начертанные рукою несчастного друга:

«Любезный Пикквик!

Как любимец природы, щедро наделенный её благами, вы, мой друг, стоите на необозримой высоте перед слабыми смертными, и могучая душа ваша совершенно чужда весьма многих слабостей и недостатков, свойственных обыкновенным людям. Вы не знаете, почтенный друг

и благоприятель, и даже не должны знать, что такое – потерять однажды навсегда очаровательное создание, способное любить пламенно, нежно, и попасть в то же время в хитро сплетенные сети коварно-безчестного человека, который, под маской дружбы, скрывал в своем сердце жало ядовитой змеи. Сраженный беспощадною судьбой, я разом испытал на себе влияние этих двух ужасных ударов.

Письмо, адресованное на мое имя в трактир „Кожаной бутылки“, что в Кобгеме, вероятно, дойдет до моих рук... если только буду существовать на этом свете. Мир для меня ненавистен, почтенный мой друг и благоприятель, и я был бы рад погрязнуть где-нибудь в пустыне или дремучем лесу. О, если бы судьба, сжалившись над несчастным, совсем исторгла меня из среды... простите меня – пожалейте! Жизнь для меня невыносима. Дух, горящий в нашей груди, есть, так сказать, рукоятка жезла, на котором человек, этот бедный носильщик нравственного мира, носить тяжелое бремя тревожений и сует житейских: сломайте рукоятку – бремя упадет, и носильщик не будет более способен идти в дальнейший путь. Такова натура человека, дражайший мой друг! Скажите очаровательной Рахили, – ах, опять, опять!

Треси Топман».

– Мы должны немедленно оставить это место, – сказал м-р Пикквик, складывая письмо. – После того, что случилось, было бы вообще неприлично жить здесь; но теперь вдобавок мы обязаны отыскать своего друга.

И, сказав это, он быстро пошел домой.

Намерение президента немедленно распространилось по всему хутору. Напрасно м-р Уардль и его дочери упрашивали пикквикистов погостить еще несколько дней: м-р Пикквик был непреклонен. Важные дела, говорил он, требуют его личного присутствия в английской столице.

В эту минуту пришел на дачу старик пастор.

– Неужели вы точно едете? – сказал он, отведя в сторону м-ра Пикквика.

М-р Пикквик дал утвердительный ответ.

– В таком случае позвольте вам представить небольшой манускрипт, который я хотел было прочитать здесь в общем присутствии ваших друзей. Рукопись эта, вместе с некоторыми другими бумагами, досталась мне после смерти моего друга, доктора медицины, служившего в нашем провинциальном сумасшедшем доме. Большую часть бумаг я сжег; но эта рукопись, по многим причинам, тщательно хранилась в моем портфеле. Вероятно, вы так же, как и я, будете сомневаться, точно ли она есть подлинное произведение сумасшедшего человека; но во всяком случае мне весьма приятно рекомендовать этот интересный памятник ученому вниманию вашего клуба.

М-р Пикквик с благодарностью принял манускрипт и дружески расстался с обязательным пастором.

Гораздо труднее было расстаться с радушными и гостеприимными жителями Менор-Фарма. М-р Пикквик поцеловал молодых девушек – мы хотели сказать: с отеческою нежностью, как будто они были его родные дочери; но это выражение по некоторым причинам оказывается неуместным, и потому надобно сказать просто: – Пикквик поцеловал молодых девушек, обнял старую леди с сыновнею нежностью, потрепал, по патриархальному обычаю, розовые щеки смазливых горничных и вложил в их руки более субстанциальные доказательства своего отеческого одобрения. Размен прощальных церемоний с самим хозяином счастливой семьи был чрезвычайно трогателен и радушен; но всего трогательнее было видеть, как прощался поэт

Снодграс со всеми членами семейства и особенно с мисс Эмилией Уардль, начинавшей уже вполне понимать поэтические свойства молодого гостя.

Наконец, после многих возгласов, поцелуев, объятий, рукопожатий, друзья наши выбрались на открытый двор и медленными шагами выступили за ворота. Несколько раз оглядывались они на гостеприимный Менор-Фарм, и много воздушных поцелуев послал м-р Снодграс в ответ на взмах белого платочка, беспрестанно появлявшегося в одном из верхних окон.

В Моггльтоне путешественники добыли колесницу, доставившую их в Рочестер без дальнейших приключений. Дорогой общая печаль их несколько утратила свою сокрушительную силу, и они уже могли, по прибытии в гостиницу, воспользоваться превосходным обедом, изготовленным на кухне «Золотого быка». Отобрав, наконец, необходимые справки относительно дальнейшей езды, друзья наши через несколько часов после обеда, отправились в Кобгем.

То была превосходная прогулка, так как июньский день склонялся к вечеру и на безоблачном небе солнце продолжало еще сиять во всем своем блеске. Путь наших друзей лежал через густой и тенистый лес, прохлаждаемый слегка свежим ветерком, шелестевшим между листьями, и оживляемый разнообразным пением птиц, порхавших с кустика на кустик. Мох и плющ толстыми слоями обвивались вокруг старых деревьев, и зеленый дерн расстился шелковым ковром по мягкой земле. Путешественники подъезжали к открытому парку с древним замком, обнаружившим перед их глазами затейливые выдумки живописной архитектуры времен королевы Елисаветы. Со всех сторон виднелись тут длинные ряды столетних дубов и вязов; обширные стада оленей весело щипали свежую траву, и по временам испуганный заяц выбегал на долину с быстротой теней, бросаемых на землю облаками в солнечный ландшафт.

– О, если б все оскорбленные и страждущие от вероломства людей приходили со своей тоской на это поэтическое место, – я убежден, привязанность их к жизни возвратилась бы немедленно при одном взгляде на эти прелести природы:

Так воскликнул м-р Пикквик, упоенный философическим очарованием и озаренный вдохновением счастливых мыслей.

– Я совершенно согласен с вами, – сказал м-р Винкель.

– И нельзя не согласиться, – подтвердил м-р Пикквик. – Это место придумано, как нарочно, для оживления страдающей души закоренелых мизантропов.

М-р Снодграс и м-р Винкель изъявили еще раз свое совершеннейшее согласие на глубокомысленное замечание президента.

Через несколько минут трое путешественников были уже подле деревенского трактира «Кожаной бутылки» и заботливо расспрашивали о своем друге.

– Томми, ведите джентльменов в общую залу, – сказала трактирщица.

Коренастый малый, двадцати лет с небольшим, отворил дверь в конце коридора и ввел путешественников в длинную низенькую комнату, меблированную по всем сторонам кожаными стульями с высокими спинками, и украшенную по стенам разнообразною коллекцией портретов и фигур самого фантастического свойства. На верхнем конце этой залы находился стол, на столе – белая скатерть деревенского изделия, на белой скатерти – жареная курица, ветчина, бутылка мадеры, две бутылки шотландского пива, и прочая, и прочая. За столом сидел не кто другой, как сам м-р Топман, удивительно мало похожий на человека, проникнутого ненавистью к благам земной жизни.

При входе друзей м-р Топман положил на стол ножик и вилку и с печальным видом вышел к ним на встречу.

– Я вовсе не рассчитывал на удовольствие встретить вас в здешней глуши, – сказал м-р Топман, пожимая руку президента, – это очень любезно с вашей стороны.

– А! – воскликнул м-р Пикквик, усаживаясь за стол и отирая крупные капли пота со своего чела. – Доканчивай свой обед и выходи со мной гулять: нам нужно поговорить наедине.

М-р Топман, беспрекословно послушный повелениям президента, принялся с замечательной быстротой уничтожать одно за другим скромные блюда деревенского обеда. М-р Пикквик между тем прохлаждал себя обильными возлияниями пива и мадеры. Лишь только обед приведен был к вожделенному концу, президент и член Пикквикского клуба отправились гулять, оставив своих друзей в зале «Кожаной бутылки».

Минут тридцать ходили они за оградой деревенской церкви, и, судя по жестам президента можно было догадаться, что м-р Пикквик опровергал с особенною живостью возражения и доказательства своего упрямого противника. Мы не станем повторять подробностей этой одушевленной беседы, неизобразимой, конечно, ни пером, ни языком. Утомился ли м-р Топман продолжительной ходьбой после сытного обеда, или он почувствовал решительную неспособность противиться красноречивым доказательствам великого мужа, дело остается под сомнением; только он уступил, наконец, во всем и признал над собою совершенную победу.

– Так и быть, – сказал он, – где бы ни пришлось провести мне остаток своих печальных дней, это, конечно, все равно. Вы непременно хотите пользоваться скромным обществом несчастного друга – пусть: я согласен разделять труды и опасности ваших предприятий.

М-р Пикквик улыбнулся, пожал протянутую руку, и оба пошли назад к своим друзьям.

В эту самую минуту благодетельный случай помог м-ру Пикквику сделать то бессмертное открытие, которое доставило громкую известность его клубу и распространило его антикварскую славу по всей вселенной. Они уже миновали ворота «Кожаной бутылки» и углубились гораздо далее в деревню, прежде чем вспомнили, где стоял деревенский трактир. Обернувшись назад, м-р Пикквик вдруг увидел недалеко от дверей крестьянской хижинки небольшой растреснувшийся камень, до половины погребенный в земле. Он остановился.

– Это очень странно, – сказал м-р Пикквик.

– Что такое странно? – с беспокойством спросил м-р Топман, озираясь во все стороны и не останавливаясь ни на каком определенном предмете. – Бог с вами, Пикквик, что такое?

М-р Пикквик между тем, проникнутый энтузиазмом своего чудного открытия, стоял на коленях перед маленьким камнем и заботливо стирал с него пыль носовым платком.

– Надпись, надпись! – воскликнул м-р Пикквик.

– Возможно ли? – воскликнул м-р Топман.

– Уж я могу различить, – продолжал м-р Пикквик, вытирая камень и бросая пристальные взгляды через свои очки, – уж я могу различить крест и букву Б, и букву Т. Это очень важно, – сказал он, быстро вскочив на свои ноги. – Надпись отличается всеми признаками старины, и, быть может, она существовала за несколько веков до начала деревни. Надобно воспользоваться этим обстоятельством.

М-р Пикквик постучался в дверь избы. Явился крестьянин.

– Не знаете ли вы, мой друг, каким образом попал сюда этот камень? – спросил м-р Пикквик благосклонным тоном.

– Нет, сэръ, не знаю, – отвечал учтиво спрошенный. – Он, кажись, лежал здесь еще прежде, чем родился мой отец.

М-р Пикквик бросил на своего товарища торжествующий взгляд.

– Послушайте, любезный, – продолжал м-р Пикквик взволнованным тоном, – ведь этот камень, я полагаю, вам не слишком нужен: не можете ли вы продать его?

– Да кто-ж его купит? – спросил простодушный крестьянин.

– Я дам вам десять шиллингов, – сказал м-р Пикквик с лукавым видом, – если вы потрудитесь отрыть его для меня.

Глупый человек вытаращил глаза, взял деньги и отвесил низкий поклон щедрому джентльмену, не думая и не гадая, какую драгоценность уступал он за ничтожную сумму ученому свету. М-р Пикквик собственными руками поднял отрытый камень, очистил с него мох и, воротясь в трактир, положил его на стол.

В несколько минут драгоценный камень был вымыт, вычищен, выхолен, и восторг пикквикистов выразился самыми энергическими знаками, когда общие их усилия увенчались вожделенным успехом. Камень был неровен, растреснул, и неправильные буквы тарацились вкривь и вкось; при всем том, ученые мужи могли ясно разобрать остаток следующей надписи:

+
Б И Л С Т У
М С П Р
И Л Ж
И Л
З Д Е С В О Т А
В Р О.

М-р Пикквик сидел, потирая руки, и с невыразимым наслаждением смотрел на сокровище, отысканное им. Честолюбие его было теперь удовлетворено в одном из самых главных пунктов. В стране, изобилующей многочисленными остатками средних веков, в бедной деревушке, поселившейся на классической почве старины – он... он... президент Пикквикского клуба, открыл весьма загадочную и во всех возможных отношениях любопытную надпись, ускользавшую до сих пор от наблюдения стольких ученых мужей, предшествовавших ему на поприще археологических разысканий. Драгоценный камень должен будет объяснить какой-нибудь запутанный факт в европейской истории средних веков, и – почему знать? быть может, суждено ему изменить самый взгляд на критическую разработку исторических материалов. М-р Пикквик смотрел во все глаза и едва верил своим чувствам.

– Ну, господа, – сказал он наконец, – это дает решительное направление моим мыслям: завтра мы должны возвратиться в Лондон.

– Завтра! – воскликнули в один голос изумленные ученики.

– Завтра, – повторил м-р Пикквик. – Ученый свет должен немедленно воспользоваться отысканным сокровищем и употребить все свои усилия для определения настоящего смысла древних писем. Притом есть у меня в виду другая довольно важная цель. Через несколько дней, город Итансвилль будет выбирать из своей среды представителей в парламент, и знакомый мне джентльмен, м-р Перкер, приглашен туда, как агент одного из кандидатов. Наша обязанность, господа, явиться на место действия и вникать во все подробности дела, столь дорогого для всякого англичанина, уважающего в себе национальное чувство.

– Отлично! – воскликнули с энтузиазмом его друзья.

М-р Пикквик бросил вокруг себя испытующий взгляд. Пламенное усердие молодых людей, столь ревностных к общему благу, распалило его собственную грудь благороднейшим энтузиазмом. М-р Пикквик стоял во главе пылкого юношества, он это чувствовал и знал.

– Господа, предлагаю вам окончить этот день пирушкой в честь и славу науки! – воскликнул президент вдохновенным тоном.

И это предложение было принято с единодушным восторгом. М-р Пикквик уложил свое сокровище в деревянный ящик, купленный нарочно для этой цели у содержательницы трактира, и поспешил занять за столом президентское место. Весь вечер посвящен был заздравным тостам и веселой дружеской беседе.

Было уже одиннадцать часов, – позднее время для маленькой деревушки, – когда м-р Пикквик отправился в спальню, приготовленную для него заботливой прислугой. Он отворил окно, поставил на стол зажженную свечу и погрузился в глубокомысленные размышления о достопамятных событиях двух последних дней.

Время и место были удивительным образом приспособлены к философическому созерцанию великого человека. М-р Пикквик сидел, облокотившись на окно, сидел и думал. Бой часового колокола, прогудевшего двенадцать, впервые возвратил его к действительному

миру. Первый удар отозвался торжественным звуком в барабанчике его ушей; но когда смолкло все и наступила тишина могилы, м-р Пикквик почувствовал себя совершенно одиноким. Взволнованный этой внезапной мыслью, он разделся на скорую руку, задул свечу и лег в постель.

Всякий испытал на себе то неприятное состояние духа, когда ощущение физической усталости напрасно вступает в бессильную борьбу с неспособностью спать. В этом именно состоянии находился м-р Пикквик теперь, в глухой полночный час. Он повертывался с бока на бок, щурил и сжимал глаза; пробовал лежать спиной вниз и спиной вверх: все бесполезно! Было ли то непривычное напряжение, испытанное в этот вечер: жар, духота, водка и коньяк, странная постель, или другие какие-нибудь неразгаданные обстоятельства, только мысли м-ра Пикквика с неотразимой силой обращались на фантастические портреты в трактирной комнате, и он невольно припоминал волшебные сказки самого фантастического свойства. Провертевшись таким образом около часа, он пришел к печальному заключению, что ему суждено совсем не спать в эту тревожную ночь. Досадуя на себя и на судьбу, он встал, обулся и набросил халат на свои плечи. «Лучше какое-нибудь движение, думал он, чем бесплодные мечты, лишенные всякой разумной мысли». Он взглянул в окно – было очень темно; прошелся вокруг спальни – было очень тесно.

Переходя тревожно от дверей к окну и от окна к дверям, он вдруг припомнил в первый раз, что с ним был манускрипт пастора. Счастливая мысль! Одно из двух: или найдет он интересное чтение, или будет скучать, зевать и, наконец, уснет. Он вынул тетрадь из кармана своей бекешки, придвинул к постели круглый столик, зажег свечу, надел очки и приготовился читать. Почерк был очень странный, и бумага во многих местах почти совершенно истерлась. Фантастическое заглавие заставило м-ра Пикквика припрыгнуть на своей постели, и он бросил вокруг себя беспокойный взгляд. Скоро, однако ж, ученый муж успокоился совершеннейшим образом, кашлянул два-три раза, снял со свечки, поправил очки и внимательно начал читать: «Записки сумасшедшего».

«Сумасшедший – да! Каким неистово ужасным звуком это слово раздалось в моих ушах в давно-бывалые годы! Помню смертельный страх, насильственно вторгшийся в мою молодую грудь, помню бурливое kloкотание горячей крови, готовой застыть и оледениться в моих жилах при одном этом слове, и помню я, как замирал во мне дух, и колена мои тряслись и подгибались при одной мысли о возможности сойти с ума!

Как часто в глухой полночный час, проникнутый судорожным трепетом, я вставал со своей постели, становился на колени и молился долго, пламенно молился, чтоб всемогущая сила избавила меня от проклятия, тяготевшего над родом моим! Как часто, отуманенный инстинктивной тоской среди веселых игр и забав, я вдруг удалялся в уединенные места и проводил сам с собою унылые часы, наблюдая за ходом горячки, начинавшей пожирать мой слабый, постепенно размягчавшийся мозг. Я знал, что зародыш бешенства был в моей крови, что оно глубоко таилось в мозгу моих костей, что одно поколение нашего рода окончило свой век, не быв зараженным этою фамильною чумой, и что я первый должен был начать свой особый, новый ряд бешеных людей. Так было прежде, и, следовательно, – я знал, – так будет впереди. Забываясь по временам в уединенный угол шумной залы, я видел, как вдруг умолкали веселые толпы, перемигивались, перешептывались, и я знал, что речь их идет о несчастном человеке, близком к потере умственных сил своей духовно-нравственной природы. Заранее отчужденный от общества людей, я молчал, скучал и думал.

Так прошли годы, длинные-предлинные годы. Ночи в здешнем месте тоже иной раз бывают очень длинны; но ровно ничего не значат они в сравнении с тогдашними ночами и страшными грезами печальных лет тревожной юности моей. Больно вспоминать про те годы, и грудь моя надрывается от страха даже теперь, когда я воображаю мрачные формы чудовищ, выставивших свои гнусные рожи из всех углов моей одинокой спальни. Склоняясь над моим

изголовьем и передразнивая меня своими длинными языками, они гомозились вокруг моих ушей и нашептывали с диким, затаенным смехом, что пол того старого дома, где умер отец моего отца, обогрен был его собственной кровью, которую исторг он сам из своих жил в припадке бешеного пароксизма. Напрасно затыкал я уши и забивал свою голову в подушки: чудовища визжали неистово и дико, что поколение, предшествовавшее деду, оставалось свободным от фамильной мании, но что его собственный дед прожил целые десятки лет, прикованный к стене железной цепью и связанный по рукам и ногам. Чудовища называли правду – это я знал, хорошо знал, Я отыскал все подробности в фамильных бумагах, хотя их тщательно старались от меня скрывать. Ха, ха, ха! Я был слишком хитер, нет нужды, что сумасшедший.

Мания, наконец, обрушилась надо мной всею своею силой, и я удивился, отчего мне прежде было так страшно сойти с ума. Теперь вступил я в большой свет, пришел в соприкосновение с умными людьми, говорил, острил, делал предположения, проекты, и привел в исполнение множество нелепых планов, озадачивших своею оригинальностью дальновидных мудрецов. Я смеялся до упада в тиши своего кабинета, и никто в целом мире не подозревал, что голова моя страдала размягчением мозга. С каким восторгом поздравил я себя, что умел так искусно провести, надуть и одурачить всех своих любезнейших друзей, видевших во мне остряка и прожектера, готового работать вместе с ними на общую пользу! О, если бы знали они, с кем вели свои дела! Случалось, иной друг обедал со мною за одним столом с глазу-на-глаз и беззаботно веселился, выпивая тост за тостом за мое „драгоценное“ здоровье; как бы побледнел он и с какою быстротой ринулся бы вон из дверей, если б мог вообразить на одну минуту, что любезнейший друг, сидевший подле него с острым и блестящим ножом в руках, есть никто другой, как сумасшедший человек.

Сокровища перешли в мои руки, богатство полилось через край, и я утопал в океане удовольствий, которых ценность стократ увеличилась в моих глазах от сознания, что я с таким искусством умел скрывать свою заветную тайну. Я получил в наследство огромное имение. Закон, даже сам стоглазый закон, приведенный в заблуждение, поручил сумасшедшему управление землей и капиталом, отстранив целые десятки разумных претендентов. Куда смотрели проницательные люди, гордые своим здравым рассудком? Куда девалась опытность законовевдов, способных открывать проблеск истины во мраке заблуждений?

У меня были деньги: – за мной ухаживал весь свет. Я мотал свое золото безумно, – каждый прославлял мою щедрость. О, как унижались передо мной эти три гордые брата! Да и сам отец, седовласый старец, – какое уважение, почтение, снисходительность, благоговение ко мне с его стороны! У старика была дочь, у молодых людей – сестра; все пятеро не имели иной раз чем накормить голодную собаку. Я был богат, и когда меня женили на молодой девице, улыбка торжества озарила веселые лица убогих родственников, воображавших в простоте сердечной, что замысловатые их планы увенчались вожделенным успехом. Дошел черед и до моей улыбки. Улыбки? Нет, я смеялся, хохотал, рвал свои волосы и катался по ковру перед брачной постелью, упоенный своим блистательным успехом. Как мало думали они, на какую жертву была обречена молодая девица!

Думали? – Зачем им думать? Какая нужда всем этим господам, что сестра их связала свою судьбу с сумасшедшим мужем? Что значило для них счастье сестры, противопоставленное золоту её супруга? Что могло значить легкое перо, бросаемое на воздух моей рукой, в сравнении с золотой цепью, которая украшает мое тело?

В одном только я ошибся жестоко, несмотря на всю свою хитрость. Бывают иногда минуты умственного омрачения даже с теми, которые, как я, лишены своего природного рассудка. Голова моя была в чаду, и я стремглав низринулся в расставленные сети. Не будь я сумасшедший, я бы, вероятно, понял и догадался в свое время, что молодая девушка – будь это в её власти – согласилась бы скорее закупорить себя в свинцовом гробе, чем перешагнуть за порог моих мраморных палат с титулом невесты богача. Поздно узнал я, что сердце её уже издавна

посвящено было пленительным формам розового юноши с черными глазами: – раз она произнесла его имя в тревожном сне, убаюканная зловещей мечтой. Узнал я, что ее с намерением принесли в жертву, чтобы доставить кусок хлеба гордым братьям и старому отцу.

Теперь я не могу помнить лиц, очертаний и фигур; но я знаю, молодая девушка слыла красавицей и вполне заслуживала эту славу. Она прелестна, я это знаю. В светлые лунные ночи, когда все покойно вокруг и я пробуждаюсь от своего сна, я вижу, как в углу этой самой кельи стоит, без слов и без движения, легкая прозрачная фигура с длинными черными волосами, волнующимися на её спине от колыханий неземного ветра, и с блестящими глазами, которые пристально смотрят на меня, не мигая и не смыкаясь ни на одно мгновение. Уф! кровь стынет в моем сердце, когда я пишу эти строки, – её это форма, её вид и осанка. Лицо её бледно, глаза блестят каким-то светом, но я помню и знаю, что все эти черты принадлежали ей. Фигура не двигается никогда, не морщит своего чела, не хмурит бровей и не делает гримас, как другие призраки, наполняющие эту келью; но она страшнее для моих глаз, чем все эти духи, терзавшие меня в давно-истекшие годы. Из могилы вышла она, и свежее дыхание смерти на её челе.

Целый год почти наблюдал я, как лицо её бледнело со дня на день; целый год почти я видал, как слезы текли по её печальным щекам без всякой видимой причины. Наконец, я все узнал. Она не любила меня никогда – этого я отнюдь не подозревал: она презирала мое богатство, ненавидела блеск и пышность, среди которой жила – этого я никак не ожидал. Она любила другого. Об этом я никогда и не думал. Странные чувства забились в моей груди, и мысли, одна другой мрачнее и страшнее, вихрем закружились в моем размягченном мозгу. Я далек был от того, чтобы ненавидеть ее, хотя ненависть к предмету её любви с диким буйством закаталась в моем сердце. Я жалел о злосчастной жизни, на которую обрек ее холодный эгоизм бесчувственной родни. Я знал, что бедственные часы её жизни сочтены неумолимой судьбой, но меня мучила мысль, что ранее своей смерти она, быть может, произведет на свет злосчастное существо, осужденное, подобно мне, выносить страдания наследственного умопомешательства... и я решился убить ее.

Несколько недель я раздумывал, какому роду смерти отдать предпочтение. – Сперва я подумал об отраве; потом мне пришла мысль утопить мою жертву; наконец, я остановился на огне. Наш громадный дом объят пламенем, а жена сумасшедшего превратилась в уголь и золу, – какая поразительная картина! Я долго лелеял эту мысль и хохотал до упаду, представляя себе, как разумные люди станут относиться к этой штуке, ничего в ней не понимая, и как ловко они будут проведены хитростью сумасшедшего! Однаж, по зрелом размышлении, я нашел, что огонь непригоден для моей цели. Бритва заняла все мое внимание. О! какое наслаждение испытывал я день за днем, натачивая ее и представляя в своем воображении тот рубец, какой будет сделан ею на шее моей жены.

Наконец, явились ко мне старые чудовища, которые и прежде руководили моими действиями, и на разные голоса прошептали, что пришла пора действовать, и положили мне в руку открытую бритву. Я крепко сжал ее, быстро вскочил с постели и наклонился над своей спящей женой. её лицо было прикрыто рукой; я осторожно отодвинул руку, и она упала на грудь несчастной женщины. Видимо, жена моя плакала недавно, потому что на щеках её еще оставались незасохшие капли слез. её бледное лицо было кротко и спокойно и в то время, как я смотрел на него, оно озарялось нежной улыбкой. Я осторожно положил руку на плечо. Она вздрогнула, но еще во сне. Я наклонился ниже... Она вскрикнула и пробудилась.

Одно движение моей руки – и звук навсегда бы замер в её груди. Но я испугался и отступил шаг назад. её глаза пристально смотрели на меня, и не знаю, отчего это случилось, но только её взгляд производил во мне чувство трепета и смятения. Она поднялась с кровати. Я задрожал, бритва была у меня в руке, но я не мог пошевелиться. Она стала медленно отступать к двери, продолжая смотреть на меня своим спокойным, пристальным взглядом. При-

близившись к двери, она обернулась. Очарование исчезло. Я подскочил вперед и схватил её за руку. Она вскрикнула раз и другой и упала на пол.

Теперь я мог убить ее без всякого сопротивления, но в доме уже была произведена тревога. Я услышал стук шагов на ступенях лестницы. Я вложил бритву в футляр, отпер дверь на лестницу и громко позвал на помощь.

Пришли люди, подняли ее и положили на кровать. Целые часы не приходила она в себя, а когда пришла и к ней воротилась способность говорить, она потеряла рассудок, стала дика и даже свирепа.

Призвали докторов. Великие люди подкатили к моему подъезду на прекрасных лошадях, и жирные лакеи стояли на запятках их карет. Несколько недель сряду бодрствовали они при постели моей больной жены. Открылся, наконец, между ними великий консилиум, и они совещались в другой комнате с торжественною важностью, обращаясь друг к другу на таинственном наречии врачебного искусства. После консультации, один из самых знаменитых эскулапов предстал передо мной с глубокомысленным лицом, отвел меня в сторону, сделал ученое вступление, сказал в утешение и назидание несколько красноречивых слов, и объявил мне, сумасшедшему, – что жена моя сошла с ума. Он стоял со мною у открытого окна, и его рука лежала на моем плече. Стоило употребить весьма легкое усилие, и премудрый эскулап полетел бы вверх ногами на кирпичный тротуар. Это была бы превосходнейшая штука! Но я глубоко таил в своей груди заветную тайну, и эскулап остался невредим. Через несколько дней мне было объявлено, что больную должно запереть в каком-нибудь чулане, под строгим надзором опытной сиделки: сумасшедший должен был озаботиться насчет ареста своей жены. Я удалился за город в открытое поле, где никто не мог меня слышать, и громко хохотал я, и дикий крик мой долго разносился по широкому раздолью.

Она умерла на другой день. Почтенный старец с седыми волосами сопровождал на кладбище свою возлюбленную дочь, и нежные братцы оросили горькими слезами бесчувственное тело своей сестрицы.

Дух мой волновался, чувства били постоянную тревогу, и я предугадывал инстинктивно, что секрет мой, рано или поздно, делается известным всему свету, что меня назовут её убийцей. Я не мог постоянно скрывать своей дикой радости и буйного разгула, клокотавшего в моей груди. Оставаясь один в своей комнате, я прыгал, скакал, бил в ладоши, кувыркался, плясал, и дикий восторг мой раздавался иной раз по всему дому. Когда я выходил со двора и видел на улицах шумные толпы, когда сидел в театре, слышал звуки оркестра и смотрел на танцующих актеров, неистовая радость до того начинала бушевать в моей груди, что я томился непреодолимым желанием выпрыгнуть на сцену и разорвать на мелкие куски весь этот народ. Но, удерживая порывы своего восторга, я скрежетал зубами, топал ногой и крепко прижимал острые ногти к ладоням своих собственных рук. Все шло хорошо, и никто еще не думал, не гадал, что я был сумасшедший.

Помню... это, однако ж, последняя вещь, которую я еще могу хранить в своей памяти: действительность в моем мозгу перемешивается теперь на половину с фантастическими грезами, да и нет у меня времени отделять перепутанные идеи одну от другой. – Помню, как, наконец, меня вывели на свежую воду. Ха, ха, ха! Еще я вижу, как теперь, их испуганные взоры, еще чувствую, как сжатый кулак мой бороздил их бледные щеки и как потом, с быстротой вихря, я бросился вперед, оставив их оглашать бесполезным визгом и гвалтом пустое пространство. Сила гиганта объемлет меня, когда я думаю теперь об этом последнем подвиге в своей жизни между разумными людьми. Вот... вот как дребезжит, хрустит, ломается и гнется эта железная решетка под моей могучей рукой. Я мог бы искромсать ее, как гибкий сучок, если бы мог видеть определенную цель для такого маневра; но здесь пропасть длинных галлереи, запоров, дверей: трудно было пробить себе дорогу через все эти преграды. Да если б и про-

бил, на дворе, я знаю, пришлось бы наткнуться на железные ворота, всегда запертые и задвинутые огромным железным болтом. Всем здесь известно, что я был за человек.

Ну да... так точно: я выезжал на какой-то спектакль. Было уже поздно, когда я воротился домой. Мне сказали, что в гостиной дожидается меня один из трех братьев, желавший, сказал он, переговорить со мною о каком-то важном деле: я помню это хорошо. Этот человек, должно заметить, служил для меня предметом самой остервенелой ненависти, к какой только способен сумасшедший. Уже давно я собирался вонзить свои когти в его надменную морду. Теперь мне доложили, что он сидит и ждет меня для переговоров. Я быстро побежал наверх. Ему нужно было сказать мне пару слов. По данному знаку слуги удалились. Было поздно, и мы остались наедине, с глазу на глаз – первый раз в жизни.

Я тщательно отворотил от него свои глаза, так как мне было известно, – и я гордился этим сознанием, – что огонь бешенства изливался из них ярким потоком. Мы сидели молча несколько минут. Он первый начал разговор. Странные выходки с моей стороны, говорил он, последовавшие немедленно за смертью моей сестры, были некоторым образом оскорблением священной её памяти. Соображая различные обстоятельства, ускользавшие прежде от его внимания, он был теперь почти убежден, что я дурно обращался с его сестрой. Поэтому он желал знать, справедливо ли он думал, что я злонамеренно оскорбляю память несчастной покойницы и оказываю явное неуважение к её осиротелому семейству. Звание, которое он носит, уполномочивает его требовать от меня таких объяснений.

Этот человек имел должность, красивую должность, купленную на мои деньги. В его голове прежде всего родился и созрел остроумный план – заманить меня в западню и овладеть моим богатством. Больше всех и настойчивее всех других членов семейства принуждал он свою сестру выйти за меня, хотя знал, что сердце её принадлежало молодому человеку, любившему ее до страсти. Звание уполномочивает его! Но это звание было позорной ливреей его стыда! Против воли я обратил на него свой взор, но не проговорил ни слова.

Под влиянием этого взора, физиономия его быстро начала изменяться. Был он не трус, но краска мгновенно сбежала с его лица, и он отодвинул свой стул. Я подсел к нему ближе и когда я засмеялся – мне было очень весело, – он вздрогнул. Бешенство сильнее заклокотало в моей крови. Он испугался.

– А вы очень любили свою сестрицу, когда она была жива? – спросил я. – Очень?

Он с беспокойством оглянулся вокруг, и я увидел, как рука его ухватилась за спинку стула. Однакож, он не сказал ничего.

– Вы негодай, сэра, – продолжал я веселым тоном, – я открыл ваши адские замыслы против меня и узнал, что сердце вашей сестры принадлежало другому, прежде чем вы принудили ее вступить в ненавистный брак. Я знаю все и повторяю – вы негодай, сэра.

Он вскочил, как ужаленный вепрь, высоко поднял стул над своею головою и закричал, чтоб я посторонился, тогда как мы стояли друг перед другом лицом к лицу.

Голос мой походил на дикий визг, потому что я чувствовал бурный прилив неукротимой злобы в своей груди. Старые чудовища выступали на сцену перед моими глазами и вдохновляли меня мыслью – растерзать его на части.

– Будь ты проклят, изверг! – взвизгнул я во всю мочь. – Я сумасшедший! Провались ты в тартарары!

Богатырским взмахом я отбил деревянный стул, брошенный мне в лицо, схватил его за грудь, и оба мы грянулись на пол.

То была не шуточная борьба. Высокий и дюжий мужчина, он сражался за свою жизнь. Я знал, ничто в мире не сравняется с моей силой, и притом – правда была на моей стороне... Да, на моей, хоть я был сумасшедший. Скоро он утомился в неравной борьбе. Я наступил коленом на его грудь и обхватил обеими руками его мясистое горло. Его лицо покрылось багро-

вой краской, глаза укатились под лоб, он высунул язык и, казалось, принялся меня дразнить. Я стиснул крепче его шею.

Вдруг дверь отворилась, с шумом и гвалтом ворвалась толпа народа и дружно устремилась на сумасшедшего силача.

Секрет мой был открыт, и теперь надлежало мне бороться за свою свободу. Быстро вскочил я на ноги, бросился в самый центр своих врагов и мгновенно прочистил себе путь, как будто моя могучая рука была вооружена секирой. Выоркнув из двери, я одним прыжком перескочил через перила и в одно мгновение очутился среди улицы.

Прямо и быстро побежал я, и никто не смел меня остановить. Я слышал шум позади и удвоил свое бегство. Шум становился слабее и слабее и, наконец, совсем заглох в отдаленном пространстве; но я стремительно бежал вперед, перепрыгивая через болота, через рвы, перескакивая через стены, с диким воем, криком и визгом, которому дружным хором вторили воздушные чудовища, толпившиеся вокруг меня спереди и сзади, справа и слева. Демоны и чертенята подхватили меня на свои воздушные руки, понесли на крыльях ветра, заголосили, зажужжали, застонали, засвистали, перекинули меня через высокий забор, закружили мою голову, и я грянулся без чувств на сырую землю. Пробужденный и приведенный в себя, я очутился здесь, в этой веселой келье, куда редко заходит солнечный свет и куда прокрадываются лучи бледного месяца единственно для того, чтобы резче оттенять мрачные призраки и эту безмолвную фигуру, которая вечно жмется в своем темном углу. Бодрствуя почти всегда, днем и ночью, я слышу иногда странные визги и крики из различных частей этой обширной палаты. Кто и чего добивается этим гвалтом, я не знаю; но в том нет сомнения, что бледная фигура не принимает в нем ни малейшего участия. Лишь только первые тени ночного мрака набегут в эту келью, она, тихая и скромная, робко забивается в свой темный уголок и стоит неподвижно на одном и том же месте, прислушиваясь к веселой музыке моей железной цепи и наблюдая с напряженным вниманием мои прыжки по соломенной постели».

В конце манускрипта было приписано другою рукою следующее замечание:

«Случай довольно редкий и не совсем обыкновенный. Сумасбродство несчастливца, начертавшего эти строки, могло быть естественным следствием дурного направления, сообщенного его способностям в раннюю эпоху молодости. Буйная жизнь, необузданные прихоти и всевозможные крайности должны были постепенно произвести размягчение в мозгу, лихорадочное брожение крови и, следовательно, извращение нормального состояния интеллектуальных сил. Первым действием помешательства была странная идея, будто наследственное бешенство переходило в его фамилии из рода в род: думать надобно, что он случайно познакомился с известною медицинскою теорией, допускающей такое несчастье в человеческой природе. Мысль эта сообщила мрачный колорит деятельности его духа, произвела болезненное безумие, которое под конец естественным образом превратилось в неистовое бешенство. Весьма вероятно, и даже нет никакого сомнения, что все описанные подробности, быть может, несколько изуродованные больным его воображением, случились на самом деле. Должно только удивляться и вместе благодарить судьбу, что он, оставаясь так долго незамеченным в кругу знакомых и близких особ, не произвел между ними более опустошительных бед: чего не в состоянии сделать человек с пылкими страстями, не подчиненными управлению здравого рассудка?»

Лишь только м-р Пикквик окончил чтение пасторской рукописи, свеча его совсем догорела, и свет угас внезапно без всяких предварительных мерцаний, шипений и хрустений в знак последнего издыхания, что естественным образом сообщило судорожное настроение организму великого мужа. Бросив на стул ночные статьи своего туалета и кинув вокруг себя боязливый взгляд, он поспешил опять запрягаться под одеяло и на этот раз весьма скоро погрузился в глубокий сон.

Солнце сияло великолепно на безоблачном небе, и был уже поздний час утра, когда великий человек пробудился от своего богатырского сна. Печальный мрак, угнетавший его

в продолжение бессонной ночи, исчез вместе с мрачными тенями, покрывавшими ландшафт, и мысли его были так же свежи, легки и веселы, как блистательное летнее утро. После скромного завтрака в деревенском трактире четыре джентльмена выступили дружной группой по дороге в Гревсенд, в сопровождении крестьянина, который нес на своей спине деревянный ящик с драгоценным камнем. Они прибыли в этот город в час пополудни, сделав предварительное распоряжение, чтоб вещи их были отправлены из Рочестера в Сити. Дилижанс только что отправился в Лондон, путешественники взяли места на империале и через несколько часов приехали благополучно в столицу Великобритании.

Следующие три или четыре дня были употреблены на приготовление к путешествию в город Итансвилль. Так как всякое отношение к этому важному предприятию требует особенной главы, то мы, пользуясь здесь немногими оставшимися строками, расскажем коротко историю знаменитого открытия в области антикварской науки.

Из деловых отчетов клуба, бывших в наших руках, явствует, что м-р Пикквик читал записку об этом открытии в общем собрании господ членов, созванных ввечеру на другой день после возвращения президента в английскую столицу. При этом, как и следовало ожидать, м-р Пикквик вошел в разнообразные и чрезвычайно остроумные ученые соображения о значении древней надписи. Впоследствии она была скопирована искусным художником и представлена королевскому обществу антиквариетов и другим ученым сословиям во всех частях света. Зависть и невежество, как обыкновенно бывает, восстали соединенными силами против знаменитого открытия. М-р Пикквик принужден был напечатать брошюру в девяносто шесть страниц мелкого шрифта, где предлагал двадцать семь разных способов чтения древней надписи. Брошюра, тотчас же переведенная на множество языков, произвела сильное впечатление в ученом мире, и все истинные любители науки объявили себя на стороне глубокомысленных мнений президента. Три почтенных старца лишили своих старших сыновей наследства именно за то, что они осмелились сомневаться в древности знаменитого памятника, и вдобавок нашелся один эксцентрический энтузиаст, который, в припадке отчаяния постигнуть смысл мистических начертаний, сам добровольно отказался от прав майоратства. Семьдесят европейских и американских ученых обществ сделали м-ра Пикквика своим почетным членом: эти общества, при всех усилиях, никак не могли постигнуть настоящего смысла древней надписи; но все без исключения утверждали, что она имеет необыкновенно важный характер.

Один только нахал, – и мы спешим передать имя его вечному презрению всех истинных любителей науки, – один только нахал дерзновенно хвастался тем, будто ему удалось в совершенстве постигнуть настоящий смысл древнего памятника, смысл мелочный и даже ничтожный. Имя этого нахала – м-р Блоттон. Раздираемый завистью и снедаемый низким желанием помрачить славу великого человека, м-р Блоттон нарочно для этой цели предпринял путешествие в Кобгем и по приезде саркастически объявил в своей гнусной речи, произнесенной в полном собрании господ членов, будто он, Блоттон, видел самого крестьянина, продавшего знаменитый камень, принадлежавший его семейству. Крестьянин соглашался в древности камня, но решительно отвергал древность надписи, говоря, будто она есть произведение его собственных рук и будто ее должно читать таким образом: «Билль Стумпс приложил здесь свое тавро». Все недоразумения ученых, доказывал Блоттон, произошли единственно от безграмотности крестьянина, совершенно незнакомого с правилами английской орфографии. Билль Стумпс – имя и фамилия крестьянина; тавром называл он клеймо, которое употреблял для своих лошадей. Вся эта надпись, подтверждал Блоттон, нацарапана крестьянином без всякой определенной цели.

Само собою разумеется, что Пикквикский клуб, проникнутый достоподобным презрением к этому бесстыдному и наглому шарлатанству, не обратил никакого внимания на предложенное объяснение. М-р Блоттон, как злонамеренный клеветник и невежда, был немедленно отстранен от всякого участия в делах клуба, куда строжайшим образом запретили ему

самый вход. С общего согласия господ членов решено было, в знак совершеннейшей доверенности и благодарности, предложить в подарок м-ру Пикквику пару золотых очков, которые он и принял с искреннею признательностью. Свидетельствуя в свою очередь глубокое уважение к почтенным товарищам и сочленам, м-р Пикквик предложил снять с себя портрет, который и был для общего назидания повешен в парадной зале клуба.

К стыду науки, мы должны здесь с прискорбием объявить, что низверженный м-р Блоттом отнюдь не признал себя побежденным. Он также написал брошюру в тридцать страниц и адресовал ее семидесяти ученым обществам Америки и Европы. Брошюра дерзновенно подтверждала свое прежнее показание и намекала вместе с тем на близорукость знаменитых антиквариюв. Имя м-ра Блоттона сделалось предметом общего негодования, и его опровергли, осмеяли, уничтожили в двух стах памфлетах, появившихся почти одновременно во всех европейских столицах на живых и мертвых языках. Все эти памфлеты с примечаниями, дополнениями и объяснениями Пикквикский клуб перевел и напечатал на свой собственный счет в назидание и урок бесстыдным шарлатанам, осмеливающимся оскорблять достоинство науки. Таким образом поднялся сильнейший спор, умы закипели, перья закрипели, и это чудное смятение в учебном мире известно до сих пор под названием «Пикквикской битвы»

Таким образом, нечестивое покушение повредить бессмертной славе м-ра Пикквика обрушилось всею своею тяжестью на главу его клеветника. Семьдесят ученых обществ единодушно и единогласно одобрили все мнения президента и вписали его имя в историю антикварской науки. Но знаменитый камень остается до сих пор неистолкуемым и вместе безмолвным свидетелем поражения всех дерзновенных врагов президента Пикквикского клуба.

Глава XII

Весьма важная, образующая, так сказать, эпоху как в жизни м-ра Пикквика, так и во всей этой истории.

Уже известно, что лондонская квартира м-ра Пикквика находилась в Гозуэлльской улице. Комнаты его, при всей скромности и простоте, были очень чисты, комфортабельны, опрятны, а, главное, приспособлены как нельзя лучше к пребыванию в них человека с его гением и обширными способностями к наблюдательности всякого рода. Кабинет его (он же и гостиная) помещался в первом этаже окнами на улицу, спальня – во втором. Таким образом, сидел ли он за своей конторкой с пером или книгою в руках, или стоял в своей опочивальне пред туалетным зеркалом с бритвой, щеткой и гребенкой – в том и другом случае великий человек имел полную возможность созерцать человеческую натуру во всех категориях и формах, в каких только она могла проявляться на многолюдном и шумном переулке. Хозяйка его, м-с Бардль, – вдова и единственная наследница покойного чиновника лондонской таможни, – была женщина довольно статная и ловкая, с приятной физиономией и живейшими манерами, мастерица разливать чай и стряпать плом-пудинги – кухмистерский талант, полученный ею от природы и развитый продолжительным упражнением до значительной степени гениальности. Не было в доме ни детей, ни слуг, ни кур; ни петухов; кроме самой хозяйки единственными жильцами были здесь: большой человек и маленький мальчишка: большой человек никто другой, как сам м-р Пикквик, а мальчишка составлял единственное произведение самой м-с Бардль. Большой человек, постоянно занятый философическими упражнениями вне домашнего очага, приходил в свою квартиру в десять часов ночи, когда рукою заботливой хозяйки изготавлялась для него мягкая постель на складной кровати; маленький человек вертелся постоянно около своей матери, и гимнастические его упражнения не переходили за порог родительского дома. Чистота и спокойствие владычествовали во всех углах и закоулках, и воля м-ра Пикквика была здесь непреложным законом.

Всякому, кто знаком был с этими подробностями в домашней экономии великого человека и с его необыкновенною аккуратностью во всех мыслях, чувствах и делах, показались бы, вероятно, весьма таинственными и загадочными – физиономия, осанка и поведение м-ра Пикквика ранним утром, накануне того достопамятного дня, когда вновь должна была начаться его ученая экспедиция для исторических, географических и археологических наблюдений. Он ходил по комнате взад и вперед с замечательною скоростью, выглядывал довольно часто из окна, посматривал на часы и обнаруживал другие очевидные знаки нетерпения, весьма необыкновенного в его философической натуре. Было ясно, что предмет великой важности наполняет его созерцательную душу, но какой именно – неизвестно. Этого не могла даже отгадать сама м-с Бардль, чистившая теперь его комод, стулья и диваны.

– М-с Бардль! – сказал, наконец, м-р Пикквик, когда его хозяйка, после своей утомительной экзерсии, остановилась среди комнаты с пологою щеткой в руках.

– К вашим услугам, сэ, – сказала м-с Бардль.

– Мальчик, мне кажется, ходит слишком долго.

– Не мудрено, сэ, дорога дальняя, – отвечала м-с Бардль, – до Боро не вдруг дойдешь.

– Правда ваша, правда! – заметил м-р Пикквик.

И он опять впал в глубокое раздумье, между тем как м-с Бардль принялась мести пол.

– М-с Бардль, – сказал м-р Пикквик через несколько минут.

– К вашим услугам, сэ.

– Как вы думаете, м-с Бардль, расходы на двух человек значительно больше, чем на одного?

М-с Бардль покраснела до самых кружев своего чепца, так как ей показалось, что глаза её жильца заморгали искрами супружеской любви.

– Что за вопрос, м-р Пикквик! Боже мой что за вопрос!

– Как же вы думаете, м-с Бардль?

Хозяйка подошла к самому носу ученого мужа, который сидел в эту минуту на диване, облокотившись на стол.

– Это зависит, добрый мой м-р Пикквик, – сказала она, улыбаясь и краснея как роза, – это зависит от особы, на которую падет ваш выбор. Если, примером сказать, будет она бережлива и осторожна, тогда, конечно... вы сами знаете м-р Пикквик.

– Справедливо, сударыня, совершенно справедливо; но человек, которого я имею в виду... (Здесь м-р Пикквик пристально взглянул на м-с Бардль), человек этот владеет всеми свойствами, необходимыми в домашнем быту, и притом, если не ошибаюсь, он хорошо знает свет, м-с Бардль: его проницательность и опытность могут принести мне существенную пользу.

– Вы так думаете?

– Да, я почти уверен в этом, – продолжал м-р Пикквик, принимая важную осанку, отличавшую его во всех случаях, когда речь шла о каком-нибудь интересном предмете, – и если сказать вам правду, я решился, м-с Бардль.

– Так скоро? Боже мой, Боже мой!

– Вам, может быть, покажется весьма странным, что я никогда не просил вашего совета об этом предмете и даже не упоминал о нем до нынешнего утра, когда я отправил вашего мальчика... не так ли, м-с Бардль.

Но м-с Бардль, вместо слов, могла отвечать только выразительным и нежным взором. Она поклонилась м-ру Пикквику, глядя на него издали, как на предмет недоступный, и вот теперь вдруг, совершенно неожиданным образом, он возводит ее на такую высоту, которая никогда не грезилась ей в самых бурных и слепых мечтах её пламенной фантазии, развитой продолжительным вдовством. Итак – м-р Пикквик делал предложение... какой остроумный план! – отослать её малютку в Боро, спровадить его с глаз долой... устранить всякое препятствие... как это умно, деликатно!

– Что вы на это скажете, м-с Бардль.

– Ах, м-р Пикквик!.. вы такой добрый!

– По-моему, м-с Бардль, это будет очень хорошо, во-первых, вы избавитесь от многих хозяйственных хлопот... не так ли?

– Об этом, сэръ, не извольте беспокоиться, – возразила вдова, упоенная сладкою мечтой о близком счастье. – Пусть эти хлопоты увеличатся во сто раз, только бы вы были счастливы, мой добрый, несравненный м-р Пикквик! Ваше внимание к моему одиночеству...

– Ну, да и это, конечно, пункт важный, – перебил м-р Пикквик, – хотя я о нем и не думал. Вам не будет скучно, м-с Бардль, потому что с вами будет человек разговорчивый и веселый.

– Вы меня осчастливите, я не сомневаюсь в этом, – сказала м-с Бардль.

– Да и вашему малютке...

– Господи, спаси его и помилуй! – перебила м-с Бардль с материнским вздохом.

– Вашему малютке, говорю, тоже будет очень весело. У него будет опытный товарищ, который станет его учить, наблюдать за его нравственностью. Под его руководством, я уверен, он в одну неделю сделает больше, чем теперь в целый год.

И м-р Пикквик бросил на свою собеседницу самую благосклонную улыбку.

– Милый! милый!

М-р Пикквик, совсем не ожидавший такого нежного эпитета, обнаружил изумленный вид.

– Милый, добрый мой толстунчик!..

И, не прибавляя больше никаких объяснений, м-с Бардль бросилась в объятия м-ра Пикквика и обвила его шею своими дебелыми руками, испуская при этом катаракты слез и хоры глубоких вздохов.

– Что с вами, м-с Бардль? – вскричал ошеломленный м-р Пикквик. – Образумьтесь... м-с Бардль... если кто-нибудь придет... оставьте... я ожидаю приятелей...

– О, пусть их идут!.. Пусть придет весь свет! – кричала иступленная вдова. – Я никогда вас не оставлю, мой добрый, милый, несравненный друг души моей!

С этими словами мисс Бардль прижалась еще плотнее к могучей груди президента.

– Отстанете ли вы наконец? – говорил м-р Пикквик, вырываясь из насильственных объятий. – Чу, кто-то идет... шаги на лестнице. М-с Бардль, ради Бога, подумайте, в какое положение вы ставите меня... бесполезные мольбы! М-с Бардль без чувств повисла на шее отчаянного старика, и прежде, чем он успел положить ее на диван, в комнату вошел малютка Бардль, ведя за собою господ Снодграса, Топмана и Винкеля.

М-р Пикквик остался прикованным к своему месту, без движения и языка. Он стоял среди комнаты с прелестным бременем на своих руках и бессмысленно смотрел на лица своих друзей, не обнаруживая ни малейшего покушения объяснить им этот загадочный случай. Друзья в свою очередь глазели на него; малютка Бардль таращил свои глаза на всех вообще и на каждого порознь.

Оглушительное изумление пикквикистов и столбняк почтенного президента могли бы, нет сомнения, продолжиться в одинаковом положении до той поры, пока сама собою восстановилась бы прерванная жизненность интересной, леди, если б через несколько минут возлюбленный сынок, осененный наитием внезапной мысли, не вздумал представить весьма чувствительное и трогательное доказательство своей детской любви. Пораженный тоже, в свою очередь, превеликим изумлением при виде неожиданной сцены, он сначала как вкопанный стоял у дверей без всякого определенного выражения на своем лице; но вдруг пришло ему в голову, что матушка его, по всей вероятности, потерпела какой-нибудь вред, быть может, побои от своего жильца, – и вот, не говоря дурного слова, он прямо вскочил на спину м-ра Пикквика, дал ему тумака по голове и, в довершение эффекта, вцепился зубами в его плечо.

– Чего вы смотрите, господа? – вопиял м-р Пикквик. – Оттащите этого сорванца: он с ума сошел.

– Что все это значит? – спросили в один голос ошеломленные пикквикисты.

– Право, я сам не знаю, – отвечал застенчиво м-р Пикквик. – Оттащите прежде всего мальчишку...

Здесь м-р Винкель схватил за вихор нежного сынка интересной леди и, сопровождаемый пронзительным визгом, потащил его на противоположный конец кабинета.

– Теперь, господа, – сказал м-р Пикквик, – Помогите мне снести вниз эту женщину.

– Ох! ох! – простонала м-с Бардль. – Что это со мною?

– Позвольте, сударыня, снести вас в вашу спальню, – сказал обязательный м-р Топман.

– Покорно благодарю вас, сэръ, благодарю.

И вслед затем интересная вдова, сопровождаемая своим любезным сыном, была отведена в свои покои.

– Не могу понять, господа, – начал м-р Пикквик, когда приятели сгруппировались вокруг него, – право не могу понять, что сделалось с моей хозяйкой. Лишь только я сообщил ей о своем намерении нанять слугу, она вдруг, ни с того ни с сего, бросилась мне на шею и принялась визжать, как иступленная ведьма. Странный случай, господа!

– Странный, – повторили друзья.

– Поставить меня в такое неприятное положение!

– Очень странно!

Прятели покачали головами, перекашлинулись и перемигнулись весьма многозначительными взорами друг на друга.

Эти жесты и эти взгляды отнюдь не ускользнули от внимания пронизательного президента. Он заметил недоверчивость своих друзей и понял, что они подозревали его в любовных шашнях.

– В коридоре стоит какой-то человек, – сказал м-р Топман.

– Это, вероятно, тот самый слуга, о котором я говорил вам, – сказал м-р Пикквик. – Сегодня утром я посылал за ним хозяйского сына. Позовите его, Снодграс.

М-р Снодграс вышел в коридор, и через минуту вместе с ним, явился в комнату м-р Самуэль Уэллер.

– Здравствуйте... Надеюсь вы не забыли меня? спросил м-р Пикквик.

– Как можно забыть вас! – отвечал Сам, плутовски прищуривая левым глазом. – Я пособил вам изловить этого каналью... распробестия, сэр, провал его возьми! В одно ухо влезет, в другое вылезет, как говаривала моя тетка, когда сверчок забился в её ухо.

– Очень хорошо, только теперь не в этом дело, – скороговоркой сказал м-р Пикквик. – Мне надобно кой о чем переговорить с вами. Садитесь.

– Покорнейше благодарю.

И м-р Самуэль Уэллер сел, озаботившись предварительно положить за дверями перед лестницей свою старую белую шляпу.

– Шляпенка не мудрящая, сэр, – сказал он, вынимая платок из кармана, – но для носки, я вам скажу, материал чудодейственный, лучше всякой черепицы, что идет на дырявую крышу. Поля, правда, в ней исчезли, то есть сгнули, сэр; но это ничего, или даже, это очень хорошо, потому, во-первых, что без полей она гораздо лучше, и потому, во вторых, что ветерок свободнее продувает через дырья. Я прозвал ее летучим вентилятором, сэр.

Высказав эту сентенцию, м-р Уэллер улыбнулся приятнейшим образом, взглянув на всех пикквикистов.

– Стало быть, можно теперь повести речь насчет того дела, для которого я пригласил вас, – сказал м-р Пикквик веселым тоном.

– Ведите, сэр, готов слушать вас, сэр, как говорил один ученик своему учителю, когда тот съездил его линейкой по голове.

– Надобно прежде всего узнать, мой милый, довольны ли вы настоящим местом?

– Задача мудреная, сэр. Я буду отвечать вам откровенно, если вы потрудитесь наперед доложить, имеется ли у вас для меня в виду примером будучи сказать, какое-нибудь лучшее место?

Луч краткого благоволения заиграл на умильной физиономии м-ра Пикквика, когда он произнес свой ответ:

– Я почти решился взять вас к себе.

– Право?

– Да.

– Жалованье?

– Двенадцать фунтов в год.

– Платье?

– Две фрачных пары.

– Работа?

– Ходить за мною дома и путешествовать вместе со мною и этими джентльменами.

– Идет!

– Стало быть, вы соглашаетесь?

– Идти в услужение к старому холостяку? Соглашаюсь, сэр, если только платье придется под стать к моему летучему вентилятору.

- Я вам подарю новую шляпу.
- В таком случае вентилятор пригодится на растопку камина.
- Можете вы представить рекомендацию?
- Спросите обо мне содержательницу гостиницы «Белого оленя».
- Можете придти сегодня вечером?
- Я готов надеть ваше платье сию же минуту, если угодно вашей милости, – проговорил

Самуэль решительным тоном.

– Приходите в восемь часов. Если рекомендация окажется удовлетворительной, платье будет готово.

За исключением одной весьма простительной шалости, в которой принимала некоторое участие смазливая горничная «Белого оленя», поведение м-ра Уэллера оказалось чистым, как хрусталь, и м-р Пикквик в тот же день взял его к себе. Привыкнув к обыкновенной быстроте и решительности во всех делах общественной и частной жизни, великий человек повел своего нового слугу на одно из тех благотельных торжищ, которые принимают на себя обязанность снабжать джентльменов готовыми платьями всех возможных цветов и фасонов, и прежде, чем кончился этот вечер, м-р Самуэль Уэллер облачился в серый фрак со светлыми пуговицами, надел черную шляпу с кокардой, пестрый жилет, синие брюки, легкие штиблеты, и запасся прочими необходимыми статьями туалета. Само собою разумеется, что на пуговицах были вырезаны эмблематические буквы: П. К.

Понутру на другой день пикквикисты с новым слугою катились в дилижансе по большой дороге в Итансвилль.

– Черт меня возьми, если я понимаю, в чем моя новая должность, – бормотал Самуэль, сидя на козлах вместе с кучером дилижанса, – камердинер я, конюх, лакей, дворецкий, доезжачий, или, быть может, все это вместе, то, что называется, картофельный кисель, приправленный чесноком, медом и сметаной. Какая мне нужда? Спи, голубчик, ешь, веселись, смотри в оба, и... и многая лета тебе, м-р Пикквик!

Глава XIII

Брожение умов и волнение сердец в славном городе Итансвилле.

Мы должны, однако ж, признаться откровенно, что, вплоть до погружения наших мыслей в деловые бумаги Пикквикского клуба, нам никогда не приходилось встречать имя Итансвилля, и даже после, несмотря ни на какие исследования, мы никак не могли подтвердить очевидными доказательствами действительное существование этого города на земном шаре. Благоговей перед каждым замечанием м-ра Пикквика, историческим или статистическим, и вместе нисколько не надеясь на свою память, мы справлялись со всеми возможными авторитетами насчет этого предмета, перелистывали все древние и новые географии, рылись в географических словарях, пересмотрели все европейские карты, изданные учеными обществами и, к несчастью, нигде не встретили ничего похожего на Итансвилль. Остается, стало быть, допустить единственное предположение, что м-р Пикквик, руководимый свойственным ему чувством деликатности, отстраняющей всякую личную обиду или колкий намек на кого бы то ни было, с намерением выставил в своих записках вымышленное название вместо действительного имени того места, которое было театром его наблюдений. К этому предположению, между прочим, привело нас одно маленькое обстоятельство, по-видимому ничтожное с первого взгляда, но чрезвычайно важное с историческо-критической точки зрения. Описав контору дилижансов, откуда выехали наши путешественники, м-р Пикквик сделал вступление к подробной характеристике трактиров и гостиниц, где они переменили лошадей; но самая характеристика тщательно зачеркнута у него толстым слоем чернил, так что при всех усилиях мы не могли разобрать ни одного слова: ясно, стало быть, что ученый муж с намерением озаботился скрыть от читателя самое направление своего путешествия, и критика никакими судьбами не может определить с точностью, в какую сторону и по какой дороге пикквикисты отправились из Лондона. Таким образом, отказываясь, к удовольствию читателя, от всяких бесполезных догадок, мы прямо перейдем к последовательному изложению фактов, описанных ученых мужем в хронологическом порядке.

Открывается прежде всего, что жители города Итансвилля, точь-в-точь как и во всех других небольших английских городках, считали себя народом чрезвычайно важным в экономическом и гражданском смысле. Они резко разделялись между собою на две половины, или партии – на «Синих» и «Желтых». Каждый горожанин, сознавая свою собственную силу и важность своей индивидуальной личности, считал неперменным долгом принадлежать сердцем и душою, к которой-нибудь из этих двух партий. При таком порядке вещей, у них, в некотором роде, все шло вверх дном, и, несмотря на кипучую деятельность, никто ни в чем не успевал. «Синие» не пропускали благоприятного случая поперечить «Желтым»; «Желтые» пользовались всяким удобным случаем поперечить «Синим», и отсюда выходило естественное следствие: где бы «Синие» и «Желтые» ни встретились между собой – на публичном митинге или в ратуше – между ними поднимались бесконечные споры, сопровождаемые иной раз крупной бранью. Нет надобности распространяться, что при таком отношении партий всякий вопрос в городе Итансвилле становился предметом самых противоположных рассуждений. Если «Желтые» предлагали, например, перенести на другое место торговый рынок, «Синие» собирали митинг, на котором постановляли, что затея «Желтых» – бесполезная прихоть сумасбродов в ущерб городской казны; если «Синие» предлагали украсить фонтаном городскую площадь, «Желтые» восставали против них с отчаянным упорством, доказывая вредоносное влияние фонтанов на нервы животных и людей. Были в Итансвилле магазины «Синие» и магазины «Желтые», трактиры «Желтые» и трактиры «Синие», и даже самые места в театре украшались названием «Желтых» и «Синих».

Само собою разумеется, что каждая из этих двух могущественных партий имела своего представителя и коновода, В городе издавались две газеты: «Итансвилльская Синица» и «Итансвилльский Журавль». «Синица» защищала «Синие» принципы: «Журавль», напротив, пропитан был насквозь мнениями «Желтых». Редакторы этих двух газет были, как и водится, заклятыми врагами, и весело было слушать, как они величали друг друга: «эта легкомысленная и непростительно-ветренная Синица». «Журавль, необузданно-дерзкий и наглый.» «Эта пустоголовая трещотка, внушающая, к стыду человечества...». «Сорванец, забывающий, по обыкновению, всякое чувство приличия и чести». Эти и подобные эпитеты, за которыми постоянно следовали кипучие возгласы и жаркие фразы, украшали всякий раз столбцы обеих газет и доставляли итансвилльской публике неистощимые материалы для вседневного негодования и восторга.

М-р Пикквик, с своей обычной проницательностью, выбрал самое интересное время для посещения этого города. Жители Итансвилля выбирали из своей среды представителя в Нижнюю Палату, и по этому случаю в городе происходила страшная давка. Мнения сталкивались и расталкивались беспрестанно, и каждый кричал вдоволь, сколько его душе было угодно. Кандидатом «Синих» был достопочтенный Самуэль Сломки, знаменитый делами своего деда, между тем как «Желтые» приготовились стоять всею грудью за Горация Фицкина, владельца обширного поместья в окрестностях Итансвилля. «Синица» считала своею обязанностью предупредить итансвилльских граждан, что взоры не только Англии, но и всего образованного мира были исключительно обращены на них в эту достопамятную эпоху, между тем как «Журавль» повелительно приказывал своим читателям явить себя достойными потомками древних британцев. Словом сказать, было очень весело.

Было довольно поздно, когда м-р Пикквик и его друзья спустились, при содействии Сама, с кровли итансвилльского дилижанса. Огромные синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы «Сизого медведя», и перед каждым стеклом красовались объявления, напечатанные гигантскими буквами, что «Комитет достопочтенного Самуэля Сломки» заседал здесь постоянно. Толпа праздного народа, собравшегося среди дороги, смотрела на рослого и краснощекого джентльмена, который говорил с балкона убедительную речь в пользу м-ра Сломки, – речь, совершенно заглушаемую боем четырех огромных барабанов, расставленных перед этой гостиницей приверженцами м-ра Фицкина. Подле оратора стоял низенький человек с весьма заботливой физиономией и энергическими ужимками: он снимал по временам свою шляпу и делал выразительные жесты, сопровождаемые в толпе громкими восклицаниями и страшным энтузиазмом. Кончив свою речь и насадив горло, оратор сошел со сцены, уверенный, что вполне достиг своей цели, хотя никто не мог слышать его доказательств.

Лишь только пикквикисты вышли из дилижанса, воздух огласился троекратными залпами самых дружных восклицаний.

– Ура! Ур-ра! Ур-р-ра! – кричала толпа.

– Еще один раз! – сказал с балкона маленький человек.

Залп восклицаний снова огласил воздух.

– Да здравствует Самуэль Сломки! – кричала толпа.

– Да здравствует Самуэль Сломки! – закричал м-р Пикквик, снимая шляпу.

– Не надо Фицкина! – проревела толпа.

– Не надо Фицкина! – пробасил м-р Пикквик.

– Урра! Ур-р-р-ра-а-а!

– Кто этот Сломки? – втихомолку спросил м-р Топман.

– Почему мне знать? – отвечал м-р Пикквик.

Пикквикисты вдруг измерили всю глубину этого ответа и, хотя никто из них не знал достопочтенного Самуэля Сломки, однако ж все принялись дружным хором кричать его имя.

Сопровождаемые между тем огромной толпой, путешественники подошли к воротам гостиницы, продолжая надрывать свою грудь и горло торжественными восклицаниями. Первым предметом их заботливости было – приискать квартиру для ночлега. М-р Пикквик подзвал трактирного слугу.

– Есть ли у вас свободные номера? – спросил он.

– Не знаю, сэ; кажется, все битком набито. Впрочем я справлюсь.

Слуга побежал в буфет и чрез несколько минут воротился с вопросом:

– Позвольте узнать, сэ: вы «Синий» или «Желтый»?

Задача довольно трудная, потому что ни м-р Пикквик, ни его друзья не принимали, собственно говоря, ни малейшего участия в делах города Итансвилля. К счастью, м-р Пикквик вспомнил в эту минуту о своем новом приятеле, м-ре Перкере.

– Не знаете ли вы, любезный, одного джентльмена, по имени Перкера? – спросил м-р Пикквик.

– Как не знать, сэ: м-р Перкер – агент м-ра Самуэля Сломки.

– Ведь он «Синий», я полагаю?

– Разумеется.

– Ну, так и мы «Синие», – проговорил м-р Пикквик.

Заметив, однако ж, нерешительность и колебание слуги, м-р Пикквик вручил ему свою визитную карточку, с поручением отдать ее немедленно м-ру Перкеру, если он дома. Слуга побежал в гостиницу и через минуту воротился опять.

– М-р Перкер приказал вас просить к себе, – сказал он торопливым тоном.

Следуя по указанному направлению, м-р Пикквик вошел в огромную комнату первого этажа, где за большим письменным столом, заваленным бумагами и книгами, сидел не кто другой, как сам м-р Перкер.

– Здравствуйте, почтеннейший, здравствуйте, – сказал сухопарый джентльмен, вставая со своего места, – очень рад вас видеть. Садитесь, почтеннейший. Вот и вы привели в исполнение вашу мысль. Пожаловали к нам на выборы – а?

М-р Пикквик дал утвердительный ответ.

– Жаркое дело, почтеннейший, – сказал сухопарый джентльмен, – спор идет на славу.

– Очень рад это слышать, – сказал м-р Пикквик, потирая руки, – усердие в делах, каких бы то ни было, доставляет истинное удовольствие наблюдателю человеческой природы. Так спор, вы говорите, идет здесь на славу.

– Да, почтеннейший, чрезвычайно жаркий спор. Мы заняли все гостиницы, трактиры, и оставили своим противникам только полпивные лавочки! – Дипломатическая стратагема, почтеннейший, и я рад, что мы успели пустить ее в ход.

– Какой же должен быть результат этого спора? – спросил м-р Пикквик.

– Этого покамест еще нельзя сказать, – отвечал сухопарый джентльмен. – Фицкин тоже не дремлет со своей стороны: у него запрятано тридцать три голоса в сарае «Белого оленя».

– Запрятано? В сарае? – воскликнул м-р Пикквик, изумленный как нельзя больше этою дипломатической стратагемой противной стороны.

– Да, почтеннейший, Фицкин держит их взаперти, под замком, для того, видите ли, чтоб нам нельзя было до них добраться. А впрочем, предосторожность почти лишняя: они пьянствуют напропалую с утра до ночи. Агент Фицкина, как видите, чрезвычайно искусный джентльмен, и я вполне уважаю его, как достойного собрата по ремеслу.

М-р Пикквик смотрел во все глаза, но не говорил ничего.

– Хитрость за хитрость, дело известное, – продолжал м-р Перкер, понизив свой голос до шепота. – Вчера был у нас небольшой вечер, *soirée intime*, что называется... сорок пять дам, почтеннейший: при разъезде каждой из этих дам мы вручили, в виде небольшого подарка, по зеленому зонтику.

– По зеленому зонтику! – воскликнул м-р Пикквик.

– Так точно. Сорок пять зеленых зонтиков, по семи шиллингов за штуку. Расход небольшой, почтеннейший; но дело в том, что теперь мужья этих дам, братья и любовники будут на нашей стороне.

– Недурно придумано, – заметил м-р Пикквик. – Моя мысль, почтеннейший. Теперь в какую погоду ни отправляйтесь гулять, вы почти на каждом шагу встретите даму с зеленым зонтиком.

Здесь м-р Перкер самодовольно улыбнулся и потрепал по плечу президента Пикквикского клуба. С появлением третьего лица прекратилось это изливание душевного восторга.

Это был высокий, худощавый джентльмен с рыжеватыми бакенбардами и лысиной на макушке. Его походка и озабоченный вид обличали человека, погруженного умом и сердцем в глубокие соображения утонченного свойства. Он был в длинном сером сюртуке и черном суконном жилете, на котором красовался лорнет в золотой оправе, прицепленный за одну из верхних пуговиц. Пуховая шляпа с низенькой тульей и широкими полями довершала его туалет. При входе его м-р Перкер встал со своего места.

– Имею честь рекомендовать, – сказал он, обращаясь к президенту Пикквикского клуба, – м-р Потт, издатель и редактор «Итансвилльской Синицы».

– Очень приятно, – сказал м-р Пикквик, подавая руку вновь пришедшему джентльмену.

– Из Лондона, сэр?

– Так точно.

– Что поговаривают там о наших делах?

– Толкуют очень много, – сказал м-р Пикквик, принимая большой грех на свою душу, так как в Лондоне никому и не грезилось об итансвилльских делах.

– Здешний спор, конечно, делает сильное впечатление на лондонскую публику? – спросил м-р Потт.

– Весьма сильное, – сказал м-р Пикквик.

– Иначе и быть не может, – заметил редактор «Синицы», бросив многозначительный взгляд на м-ра Перкера. – Моя субботняя статья, вы знаете, должна была возбудить сильные толки.

– Непременно, – сказал м-р Перкер.

– Моя газета, надеюсь, имеет некоторую известность.

– Громкую, сэр, громкую, – сказал м-р Пикквик, слышавший первый раз от роду о существовании «Синицы».

– Печать – могущественное оружие, сэр.

М-р Пикквик выразил свое полнейшее согласие, глубокомысленно кивнув головой.

– Я могу с гордостью сказать, что никогда не злоупотреблял ею. Я никогда не направлял этого благородного оружия, находящегося в моих руках, против частной жизни моих сограждан и я надеюсь, сэр, что все усилия моего таланта... конечно скромного... быть может, даже ничтожного... были постоянно посвящены распространению всех принципов, которые... так сказать... с точки зрения... относительно влияния...

Редактор «Синицы» пришел, по-видимому, в некоторое затруднение. М-р Пикквик вынул его своим положительным ответом:

– Я совершенно согласен с вами, сэр.

– Очень рад, очень рад: это делает честь вашему уму и благородству вашей души. – А позвольте спросить вас, сэр, как настроено общественное мнение в Лондоне относительно моих споров с «Итансвилльским Журавлем»?

– Оно чрезвычайно заинтересовано этим спором, – сказал м-р Перкер с лукавым видом.

– И этот спор, – подхватил Потт, – будет продолжаться до моего последнего издыхания... до последней капли моего таланта. От этого спора, сэр, не отступлю я никогда, хотя бы над-

менный «Журавль» поджал свои крылья. Пусть узнает весь свет, что правда для «Синицы» всего дороже, что за правду, если понадобится... сэр, сэр: *amicus Plato, sed magis arnica veritas*. Кто против правды и «Синицы»? Один «Журавль»; я убежден, что на всем пространстве Великобритании общественное мнение за меня.

– Вы поступаете благородно, сэр, – сказал м-р Пикквик, с жаром пожимая руку великодушного Потта.

– Благодарю вас, сэр; вы, сколько я замечаю, человек с тактом и большим талантом, – сказал м-р Потт, задыхаясь от скопления в его груди патриотических чувств, принявших самый восторженный характер. – Чувствую себя совершенно счастливым от удовольствия познакомиться с человеком вашего образа мыслей.

– И я с своей стороны, – сказал м-р Пикквик; – весьма рад, что удостоился, некоторым образом, внимания такого человека, как вы, милостивый государь. Позвольте, сэр, представить вам моих друзей, членов-корреспондентов клуба, основанного мною в английской столице.

– Сделайте одолжение, – сказал м-р Потт.

М-р Пикквик удалился и через минуту привел трех своих друзей, которые должным порядком и были представлены издателю «Итансвилльской Синицы».

– Вопрос теперь в том, почтеннейший, – сказал адвокат, обращаясь к м-ру Потту, – куда мы поместим наших друзей?

– А разве нам нельзя остановиться в этой гостинице? – спросил м-р Пикквик.

– Нет, почтеннейший, никак нельзя.

– Отчего же?

– Ни одной лишней постели в целом доме.

– Неприятно, – сказал м-р Пикквик.

– Очень неприятно, – подтвердили его ученики.

– Ничего, господа, я придумал, как распорядиться, – сказал м-р Потт, – в гостинице «Павлин», если не ошибаюсь, у нас еще есть две лишние постели, и двое, стало быть, могут отправиться туда; что же касается до вас, м-р Пикквик, я бы очень рад был вам и одному из ваших друзей предложить помещение в своем доме: м-с Потт, надеюсь, с удовольствием воспользуется обществом столичных гостей.

– Помилуйте, мне очень совестно вас беспокоить! – возразил м-р Пикквик. – Мы еще так недавно знакомы...

– Таких людей, как вы, узнать не мудрено, – перебил обязательный редактор «Синицы». – С одного взгляда я, можно сказать, вполне постиг все благородство вашей души.

– Вашей супруге, конечно, будет неприятно...

– Напротив, очень приятно, – прибавил м-р Потт энергическим тоном, отстранявшим уже всякую возможность дальнейших возражений.

Подумали, потолковали и решили, что поэт Снодграс и м-р Топман должны воспользоваться порожними койками в «Павлине», между тем как сам президент и м-р Винкель отправятся гостить в дом редактора «Синицы». Обед в гостинице «Сизого медведя», заказанный м-ром Поттом, окончательно скрепил дружеские связи новых знакомцев. Было решено, что поутру на другой день все общество соберется опять в общей зале «Сизого медведя» и будет сопровождать достопочтенного Самуэля Сломки к избирательным урнам.

Домашний круг м-ра Потта ограничивался им самим и его почтенной супругой. Уже доказано продолжительным рядом наблюдений, что все истинно великие люди подвержены какой-нибудь маленькой слабости, которая становится в них тем поразительнее, чем выше и блистательнее их необыкновенные таланты. Была слабость и у м-ра Потта, имевшая, впрочем, весьма умильный и трогательный характер: он немножко трусил своей хорошенькой жены и любил подчиняться её маленьким капризам. Это замечание, однако ж, в настоящем случае

не имеет никакой важности и силы: м-с Потт была теперь до крайности любезна и радушно спешила принять дорогих гостей.

– Послушай, душенька, – сказал м-р Потт, обращаясь к своей супруге, – рекомендую тебе м-ра Пикквика, джентльмена из Лондона.

М-с Потт с очаровательной улыбкой протянула свою пухленькую ручку президенту знаменитого клуба, и тот пожал ее с отеческою нежностью. М-р Винкель между тем семенил около дверей, поклонился и не говорил ни слова, так как хозяин, по-видимому, совсем забыл о нем.

– Милый... – сказала м-с Потт.

– Жизнь моя, – сказал м-р Потт.

– Что-ж ты не представляешь другого джентльмена?

– Ах, прошу извинить! – воскликнул м-р Потт. – Позвольте рекомендовать м-ра...

– Винкеля, – подсказал м-р Пикквик.

– М-ра Винкеля, – повторил м-р Потт.

И рекомендательная церемония окончилась вполне.

– Мы должны, сударыня, извиниться перед вами, – начал м-р Пикквик.

– В чем?

– В том, сударыня, что расстраиваем своим присутствием домашний порядок, не имея на то никакого права.

– О, будьте на этот счет совершенно спокойны, – с живостью возразила м-с Потт. – Для меня, уверяю вас, большой праздник – видеть новые лица: я живу почти взаперти в этом скучном городе, и случается, иной раз не вижу никого по целым неделям.

– Никого! – воскликнул м-р Потт с некоторым изумлением.

– Никого, мой друг, кроме тебя, – возразила м-с Потт с некоторою жесткостью.

– Дело, видите ли, вот в чем, м-р Пикквик, – сказал хозяин в объяснение на жалобу своей жены, – образ жизни заставляет нас некоторым образом отказаться от многих удовольствий и наслаждений, доступных для жителей этого города. Мое общественное положение, как издателя «Итансвилльской Синицы», и влияние этой газеты на всю провинцию заставляют меня всецело отдаться политике...

– Милый... – перебила м-с Потт.

– Жизнь моя... – проговорил редактор «Синицы».

– Неужели ты ни на минуту не можешь расстаться со своей политикой, мой друг? Постарайся приискать предмет для разговора, интересный сколько-нибудь для этих джентльменов.

– Но политика, мой друг, интересует м-ра Пикквика, – отвечал смиренный супруг.

– Тем хуже для него и для тебя, – сказала м-с Потт выразительным тоном, – у меня, напротив, голова идет кругом от здешней политики. Вечные ссоры с «Журавлем», глупые толки, брань, пересуды! Удивляюсь, мой друг, как у тебя достаёт охоты навязываться всем и каждому с этим вздором!

– Послушай, душенька...

– Вздор, вздор, нечего тут слушать. – Сэр, вы не играете в экарте? – спросила м-с Потт, обращаясь к молодому спутнику президента.

– Мне будет, сударыня, очень приятно изучить под вашим руководством эту игру, – отвечал м-р Винкель.

– В таком случае потрудитесь поставить к окну этот маленький столик: толки о здешней политике авось не достигнут до моих ушей, и я буду вам очень благодарна.

– Дженни, – сказал м-р Потт служанке, вошедшей со свечами, – сходите в контору и принесите связку «Синицы» за тысяча восемьсот двадцать восьмой год. Я прочту вам, сэр, – прибавил редактор, обращаясь к м-ру Пикквику, – я прочту вам свои передовые статьи, написанные в опровержение «Желтых» проныр, хотевших учредить здесь новую шоссеиную заставу: надеюсь, вы позабавитесь.

– Я не сомневаюсь в этом, – сказал м-р Пикквик.

Связка трехсот номеров явилась на сцену; президент столичного клуба и редактор провинциальной газеты уселись за стол.

Долго мы рылись в бумагах м-ра Пикквика и даже перечитывали по несколько раз каждую страницу, надеясь отыскать, по крайней мере, краткое извлечение из этих статей, пропитанных глубокими соображениями политико-экономического свойства; но усилия наши не увенчались вожаделанным успехом: великий человек повсюду хранил глубочайшее молчание относительно статей, принадлежащих редактору «Итансвилльской синицы». Не подлежит, однако ж, ни малейшему сомнению, что почтенный президент был проникнут поэтическим восторгом от необыкновенной свежести и живости слога прослушанных им статей, и м-р Винкель приводит положительный факт, что глаза м-ра Пикквика, пропитанные и увлажненные избытком удовольствия, были сомкнуты почти во весь этот вечер.

Доклад служанки о приготовленном ужине прекратил игру в экарте и положил конец вторичному чтению лучших мест «Итансвилльской Синицы». М-с Потт была, по-видимому, в самом игривом и веселом расположении духа. М-р Винкель сделал уже весьма значительные успехи в её добром мнении, и она объявила ему по секрету, что м-р Пикквик – «презабавный старикашка»: выражение фамильярное, которое могли позволить себе весьма немногие особы, коротко знакомые с этим колоссально-гениальным мужем, исчерпавшим всю глубину человеческой премудрости. Отзыв м-с Потт служит, конечно, самым трогательным и убедительным доказательством того уважения, каким м-р Пикквик пользовался на всех ступенях общественной жизни, мгновенно располагая к себе умы и сердца всех особ, приходивших в непосредственное соприкосновение с ним.

М-р Топман и м-р Снодграс уже давно покоились богатырским сном в гостинице «Павлин», между тем как приятели их продолжали вести одушевленную беседу в гостеприимном доме редактора «Синицы». Был уже час за полночь, когда они отправились в свои спальни. Сон мгновенно овладел усталым организмом м-ра Винкеля; но восторженные его чувства не прекращали своей деятельности даже во сне: оставаясь нечувствительным ко всем земным предметам, он долго видел перед собою образ прелестной м-с Потт, и воображение его рисовало самые очаровательные картины.

Шум и толкотня, ознаменовавшие начало следующего дня, в состоянии были расшевелить душу самого романтического мечтателя, возвращая его из области воздушных умозрений к предметам действительной жизни. Лишь только рассвет заглянул в окна усыпленных домов, по улицам раздались звуки труб и барабанов, топот коней и крик людей, «Синих» и «Желтых», возвещавших об окончательных приготовлениях к великой борьбе между обеими враждующими партиями в славном городе Итансвилле. Пикквикисты пробудились и телом, и душой. М-р Самуэль Уэллер, ночевавший в гостинице «Павлина», пришел ранним утром будить великого мужа.

– Ну, Сам, каково идут дела? – спросил м-р Пикквик, когда исправный слуга переступил через порог его спальни. – Суматоха, я полагаю, страшная, а?

– Да, сэр, все, что называется, кипит, горит и юрлит, как, бывало, говаривала моя бабушка, когда переваривалась в печи её похлебка с крапивой и петрушкой. – В гостинице «Сизого медведя» уже давно кричат во все горло.

– Это показывает, любезный, их усердную привязанность к общему делу – не так ли?

– Да как же иначе, сэр?

– Горячо работают, Сам?

– Кипятком, сэр. В жизнь не видывал такого пьянства и обжорства: дивиться надо, как никто из них не лопнет.

– Здешнее джентри, стало быть, очень щедро?

– И сказать нельзя.

– Какой свежий и бодрый народ! – воскликнул м-р Пикквик, выглядывая из окна.

– Правда ваша, сэр, народ удивительно свежий, – отвечал Сам, – я и два буфетчика из гостиницы «Павлин» только-что откачали сегодня десятка три «Желтых» молодцов, что перепились вчера после ужина.

– Как откачали! – вскричал м-р Пикквик.

– Да так, сэр, очень просто: они повалились, где кто попал, и, по-видимому, никакую пушкой нельзя было расшевелить их. Вот мы с буфетчиками и вытащили их всех, одного за другим, на вольный воздух, вытащили да и поставили под насос, поставили да и ну откачивать. Откачали, сэр: на каждую голову, я полагаю, пришлось ушата по четыре. За то теперь все – молодец к молодцу: свежи, сэр, здоровы и готовы лезть на стену за м-ра Фицкина, который уж целую неделю кормит их и поит на свой счет.

– Может ли это быть?

– Очень может. Да где же вы изволили родиться, сэр, если не понимаете этих вещей? Бывают здесь проделки почище этой.

– Почище?

– Именно так. Вот хоть, примером сказать, вечером третьего дня, накануне последних выборов «Желтые» смастерили отличную штуку: они подкупили буфетчицу «Сизого медведя» запустить, что называется, *коку с соком* в пуншевые стаканы четырнадцати избирателей, которым следовало подавать голоса в пользу м-ра Сломки.

– Что это значит – кока с соком?

– Попросту сказать: сонный порошок, подсыпанный в коньяк. Напились они, голубчики, напились да и проспали больше суток, а выбор кончился без них. Одного, правда, привезли для опыта в городскую ратушу, да толка не вышло никакого: спал мертвецки, хотя и колотили его в спину. Делать нечего: отвезли его назад и положили в постель. Четырнадцать голосов как не бывало! Это все делает, говорят, агент м-ра Фицкина: продувная бестия!

– Странно, очень странно, – проговорил вполголоса м-р Пикквик, обращаясь отчасти к себе, отчасти к Саму.

– Конечно, сэр, странность тут имеется в некотором роде; да все же это, с вашего позволения, совсем не то, что случилось однажды с моим отцом во время выборов в этом же самом городе. Вот, сэр, штука, так штука!

– Что такое? – спросил м-р Пикквик.

– Кажется, я уже имел честь докладывать вашей милости, что он служил в кучерах, да и был он слишком толст, чтобы заниматься каким-нибудь другим ремеслом. Случилось однажды, привез он свою бричку в этот самый город. Были выборы так же, как теперь, и одна из партий предложила ему привезти из Лондона джентльменов, обещавшихся подать свои голоса в пользу избираемого кандидата, И вот, сэр, накануне отъезда его вдруг покорнейше просят в комитет кандидата противной стороны для-ради, так сказать, некоторых объяснений по кучерской части. Приходит мой родитель, зеркала – уму помраченье; письменный стол, разноцветные огни, перья, чернила, груды бумаг, дюжины две джентльменов – присутствие, сэр, во всем разгаре, – «Здравствуйте, м-р Уэллер, здравствуйте!» говорит один джентльмен сановитой физиономии, – «очень рад вас видеть, сэр; как поживаете, м-р Уэллер?» – Слава Богу, – говорит мой отец, – покорно вас благодарю, сэр; вы тоже, надеюсь, совсем здоровы, покорно благодарю. – «Садитесь, м-р Уэллер, покорнейше прошу вас, сэр, садитесь». Сел мой отец рядом с этим джентльменом, и минуты две они пристально смотрели друг на друга. – «Вы не помните меня, м-р Уэллер?» – говорит джентльмен. – Нет, говорит, не могу припомнить вашей милости, – говорит мой отец. – «А я так вас хорошо знаю, – говорит джентльмен, – я знавал вас еще мальчиком: как это могло статься, что вы меня не помните, м-р Уэллер?» – Нет, – говорит мой отец, – не помню, да и только. – «Это очень странно», – говорит джентльмен. – Странно, – говорит мой отец. – «У вас, должно быть, предурная память, м-р

Уэллер», – говорит джентльмен. – Предурная, – говорит мой отец. – «Я так и думал, – говорит джентльмен: – не угодно ли стаканчик пунша, м-р Уэллер?» – Покорно благодарю, – говорит мой отец. – Вот они, сэр, сидят да пьют, пьют да говорят насчет этих житейских дел и обстоятельств по кучерской части. После третьего стакана пунша память у моего родителя как будто просветлела, и ему показалось, что он точно припоминает черты незнакомого джентльмена. Сделали стакан гоголь-моголя, для возобновления знакомства, и тут же добрый джентльмен вручил ему банковый билет в двадцать фунтов. – «Между этим городом и Лондоном прескверная дорога, м-р Уэллер: как вы думаете, сэр?» – говорит джентльмен. – Тяжеленько, сэр, нечего сказать, – говорит мой отец. – «Подле канала особенно дорога никуда не годится», – говорит джентльмен. – Езда плохая, – говорит мой отец. – «Послушайте, м-р Уэллер, – говорит джентльмен, – вы превосходный ездок, и мы знаем, что вы можете делать с вашими лошадьми все, что вам угодно. Так вот оно, видите ли, в чем штука, м-р Уэллер: мы вас очень любим и весьма уважаем ваши кучерские таланты. Завтра вам надобно будет привезти сюда некоторых джентльменов. Очень хорошо, м-р Уэллер: если случится как-нибудь, что лошадки ваши заартачатся, как скоро вы поедете мимо канала, бричка перевалится на бок, и джентльмены полетят в канал, – разумеется, без всякого вреда для их костей, – то мы... вы понимаете, м-р Уэллер, мы будем вам очень благодарны за такую ласку». – Господа, – говорит мой отец, вставая со стула и обращаясь ко всем джентльменам, – вы народ очень добрый, и я вас полюбил от всего сердца. Еще стаканчик пунша за ваше здоровье, и все у нас покатится, как по маслу. – Допив стакан, родитель мой раскланялся, положил деньги в карман и вышел из дверей. Так вот оно, сэр, поверите ли, – продолжал Самуэль, бросая невыразимо бесстыдный взгляд на своего господина, – поверите ли, что в тот самый день, как родитель мой ехал с лондонскими джентльменами, его лошади вдруг заартачились, понеслись, забушевали, бричка опрокинулась, и джентльмены все до единого попадали в канал.

– Как же их вытащили оттуда? – торопливо спросил м-р Пикквик.

– Дело темное, сэр, – отвечал Самуэль, значительно понизив голос. – Один пожилой джентльмен, кажется, совсем пропал без вести... то есть шляпу-то его нашли, это я знаю; но была ли в шляпе голова, это осталось под спудом. Но всего удивительнее здесь то, что бричка моего родителя опрокинулась в тот самый день и на том самом месте, где и когда ей следовало опрокинуться по предсказанию ласкового джентльмена. Странная оказия!

– Очень странная, – повторил м-р Пикквик. – Однакож, вычистите поскорее мою шляпу: кажется, зовут меня завтракать.

С этими словами м-р Пикквик сошел в гостиную, где уже вся почтенная компания сидела за накрытым столом. После завтрака каждый из джентльменов поспешил украсить свою шляпу огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками самой м-с Потт, и как м-р Винкель вызвался сопровождать эту леди на кровлю домов, ближайших к месту будущего торжества, то м-р Пикквик и м-р Потт должны были отправиться одни в гостиницу «Сизого медведя», где уже давно заседал комитет м-ра Сломки. Один почтенный член, с лысиной на голове, говорил у одного из задних окон речь перед шестью зевавшими мальчишками и одной девчонкой, величая их при каждой новой сентенции титулом «итансвилльских сограждан»; мальчишки хлопали руками и кричали «ура» изо всех сил.

Площадь перед «Сизым медведем» представляла положительные признаки славы и могущества «Синих» граждан Итансвилля. Были тут стройные полчища синих флагов, расписанных золотыми буквами в четыре фута вышиной. Трубачи, барабанщики и фаготчики стояли на своих определенных местах, дожидаясь известных знаков для начатия торжественного марша. Отряд констэблей и двадцать членов комитета с голубыми шарфами приветствовали «Синих» граждан-избирателей, украшенных синими кокардами. Были тут избиратели верхом на борзых конях и другие многочисленные избиратели пешком. Была тут великолепная каретка, запряженная в четверню для самого достопочтенного Самуэля Сломки, и были еще

четыре кареты, запряженные парой, для его ближайших друзей. На всем и на всех отражалось всеобщее одушевление, жизнь и волнение: флаги колыхались, толпа ликовала, двадцать членов комитета и констэбли бранились, лошади пятились, пешие гонцы потели, и все, здесь собравшееся, соединилось на пользу, честь и славу достопочтенного Самуэля Сломки, заявившего желание быть выбранным депутатом от бурга Итансвилля в Нижнюю Палату парламента Великобритании.

Громко закричали в народе, и сильно заколыхался один из синих флагов с девизом: «Свобода прессы», когда выставилась в окне голова редактора «Итансвилльской Синицы», и оглушительные залпы громовых восклицаний раздалась по всему пространству, когда сам достопочтенный Самуэль Сломки, в огромных ботфортах и синем галстуке, выступил на сцену, раскланялся толпе и мелодраматически пожал руку м-ру Потту, свидетельствуя ему искреннюю благодарность за поддержку, которой удостоился он, м-р Сломки, от его газеты.

– Все ли готово? – спросил достопочтенный Самуэль Сломки, обращаясь к м-ру Перкеру.

– Все, почтеннейший, все! – был ответ сухопарого джентльмена.

– Ничего не забыли, надеюсь?

– Ничего, почтеннейший, ничего. У ворот гостиницы стоят двадцать человек, которым вы должны пожать руки: они умылись и причесались для этого торжества; тут же шестеро маленьких детей, которых вы должны погладить по головке и спросить у каждого – сколько ему лет. На детей советую вам обратить особенное внимание; это всегда производит сильный эффект.

– Постараюсь.

– Да не худо бы, почтеннейший, – продолжал сухопарый джентльмен, – то есть, я не говорю, чтоб это было совершенно необходимо, однако ж, очень недурно, если б вы поцеловали кого-нибудь из этих малюток; такой маневр произвел бы сильное впечатление на толпу.

– Не могу ли я поручить эту обязанность кому-нибудь из членов комитета?

– Нет, уж если целовать, так целуйте сами: эффект будет вернее, ручаюсь, что это подвигнет вас на пути к популярности.

– Ну, если это необходимо, – сказал решительным тоном достопочтенный Самуэль-Сломки, – надо поцеловать. Теперь, кажется, все.

– По местам! – закричали двадцать членов комитета.

И среди дружных восклицаний собравшейся толпы, музыканты, констэбли, избиратели, всадники и кареты поспешили занять свои места. Каждый экипаж, запряженный парой, был набит битком, как сельдями в бочке. Карета, назначенная для м-ра Перкера, вместила в себя господ Пикквика, Топмана, Снодграса и с полдюжины других джентльменов из комитета Сломки.

Наступила минута страшной тишины перед тем, как надлежало выступить самому достопочтенному Самуэлю Сломки, вдруг толпа раздвинулась и закричала во весь голос.

– Идет, идет! – воскликнул м-р Перкер, предваряя многочисленных зевак, которым нельзя было видеть, что делалось впереди.

Раздались дружные восклицания со всех сторон.

– Вот он пожимает руки гражданам Итансвилля!

– Ура, ур-ра!

– Вот гладит он какого-то малютку по голове! – говорил м-р Перкер восторженным тоном.

– Ур-ра! Ур-р-р-р-а-а!

– Он поцеловал ребенка.

Толпа заревела неистово и дико.

– Другого поцеловал!

Новый оглушительный рев и гвалт.

– Всех перецеловал! – взвизгнул сухопарый джентльмен.

И, сопровождаемая оглушительным ревом, процессия двинулась вперед.

Как, вследствие чего и по какому поводу случилось, что на дороге она столкнулась, смешалась и перепуталась с другою такой же процессией, и каким образом окончилась суматоха, возникшая по этому поводу, описать мы не в состоянии, потому, между прочим, что уши, глаза, нос и рот м-ра Пикквика нахлобучились его шляпой при самом начале этих столкновений. О себе самом говорит он положительно, что в ту самую минуту, как он хотел бросить быстрый взгляд на эту сцену, его вдруг окружили со всех сторон зверские лица, облака пыли и густая толпа сражающихся граждан Итансвилля. Какая-то невидимая сила, говорит он, вынесла его вдруг из кареты и втокнула в самый центр кулачных бойцов, причем два довольно сильных тумака восприял он на свою собственную шею. Та же невидимая сила пособила ему взобраться наверх по деревянным ступеням, и когда наконец он снял свою шляпу, перед ним были его друзья, стоявшие в первом ряду с левой стороны. Правая сторона была занята «Желтыми» гражданами Итансвилля; в центре заседали городской мэр и его чиновники, из которых один, – жирный глашатай Итансвилля, – беспрестанно звонил в огромный колокол, приглашая почтеннейшую публику угомониться от страшной суматохи. Между тем м-р Горацио Фицкин и достопочтенный Самуэль Сломки, с руками, приложенными к своим сердцам, беспрестанно склоняли свои головы перед волнуемым морем голов, наводнявшим все это пространство, откуда подымалась буря стонов, ликований, криков и насмешек, – исходил гул и шум, подобный землетрясению.

– Смотрите-ка, куда забрался Винкель, – сказал м-р Топман, дернув президента за рукав.

– Куда? – спросил м-р Пикквик, надевая очки, которые он, к счастью, имел предосторожность держать в кармане до этой поры.

– Вот он, на крыше этого дома, – сказал м-р Топман.

И точно, на черепичной кровле, за железными перилами, заседали в спокойных креслах друг подле друга м-р Винкель и м-с Потт, делая своим приятелям приветственные знаки белыми платками, на что м-р Пикквик поспешил отвечать воздушным поцелуем, посланным его рукою прелестной леди.

Этот невинный поступок ученого мужа возбудил необыкновенную веселость в праздной толпе, еще не развлеченной церемониею выбора.

– Продувной старикашка! – закричал один голос. – Волочится за хорошенькими девушками!

– Ах, ты, старый грешник! – закричал другой.

– Пялит свои очки на замужную женщину! – добавил третий голос.

– Я видел, как он моргал своим старым глазом, – вскрикнул четвертый.

– Верзила Потт и не думает смотреть за своей женой, – прогорланил пятый, и залпы громкого смеха раздались со всех сторон.

Так как за этим следовали ненавистные сравнения между м-ром Пикквиком и негодным старым козлом и многие другие остроумные шуточки весьма колкого свойства и так как все это могло очевиднейшим образом компрометировать честь благородной леди, то негодование в груди м-ра Пикквика забушевало самым стремительным потоком, и Бог ведает, чем бы оно прорвалось на бессовестную толпу, если б в эту самую минуту не раздался звонок, возвещавший о начале церемонии.

– Тише, тише! – ревели помощники мэра.

– Уифин, действуйте для водворения тишины! – сказал мэр торжественным тоном, приличным его высокому общественному положению.

Исполняя полученное приказание, глашатай дал новый концерт на своем неблагозвучном музыкальном инструменте, что вызвало в толпе дружный смех и остроты.

– Джентльмены, – начал мэр, когда народный гвалт немного поутих. – Джентльмены! Братья избиратели города Итансвилля! Мы собрались здесь сегодня с единственной целью избирать нашего представителя в палату, вместо...

Здесь мэр был прерван громким голосом, раздавшимся в толпе.

– Исполать нашему мэру! – прогремел этот голос. – Да процветает его славная торговля гвоздями и тесьмой, и пусть наполняются его тяжелые сундуки звонкой монетой!

За этим пожеланием, напомнившем о страсти почтенного мэра копить деньги, последовал веселый смех толпы, полились остроты и поднялся такой шум, что даже звонкий колокол глашатая оказался не в силах успокоить его. Мэр продолжал свою речь, но говорил ее собственно для себя, так как из всей его речи только и можно было кое-как расслышать лишь самый конец её, в котором почтенный сановник приглашал собрание высказаться за того кандидата, который знает действительные потребности города и потому может принести ему пользу.

Едва окончилась речь мэра, на эстраде появился худенький джентльмен с тугоз-авязанным белым галстуком. При смехе и остротах толпы он заявил, что намерен просить избирателей подать их голоса за человека, действительно принимающего близко к сердцу интересы города Итансвилля и настолько талантливый, что он с успехом станет защищать их в парламенте. Этого доблестного гражданина зовут Горацио Фицкин; он эсквайр и имеет поместье близ Итансвилля. При этих словах «Желтые» выразили свой восторг громкими рукоплесканиями, а «Синие» сопровождали их свистом, шиканьем и так шумно и продолжительно выражали свои чувства, что худенький джентльмен и почтенный друг, поддерживавший его предложение, произнесли свои длинные речи для назидания мэра, единственного слушателя, до которого долетали их слова.

Когда друзья Фицкина сказали все, что могли сказать, их место занял джентльмен, обладавший здоровым, розовым цветом лица. Он начал, конечно, с предложения подать голоса за другого кандидата (м-ра Сломки), который и пр. Розовый джентльмен был вспыльчивого нрава, и хотя его приняли несколько лучше, чем друзей м-ра Фицкина, однако ж, он не удовольствовался таким ничтожным предпочтением и потому, сделав небольшое ораторское фигуральное вступление, внезапно перешел к обличению тех джентльменов в толпе, которые прерывают его своими криками; затронутые джентльмены отвечали энергическими ругательствами, и обе стороны обменялись внушительными пантомимными угрозами. Чтобы положить конец неурядице, розовый джентльмен уступил свое место почтенному другу. Почтенный друг, сообразив, что не следует утомлять избирателей обильным словоизвержением, пробарабанил свою речь одним махом, не останавливаясь на знаках препинания; он мало заботился о том, что его никто не понял, зная хорошо, что, если кто пожелает ознакомиться с красотами его речи, тот всегда может прочесть ее в «Итансвилльской Синице», где она напечатана от слова до слова, снабженная всеми надлежащими знаками препинания.

После этого выступил сам Горацио Фицкин, эсквайр; но лишь только произнес он: «Милостивые государи», как «Синие» загудели с неистовою силой, загремели барабаны достопочтенного м-ра Сломки, оркестр грянул, и воздух наполнился смешанным гулом, и начался такой шум, каким не сопровождалась даже речь самого мэра. Выведенный из терпения, Горацио Фицкин подошел к своему оппоненту, достопочтенному Самуэлю Сломки, и грозно потребовал объяснения: точно ли оркестр заиграл по его предварительному приказу; и когда достопочтенный Самуэль Сломки дал весьма уклончивый и неопределенный ответ, Горацио Фицкин грозно поднял кулаки и, становясь в наступательную позицию, приглашал своего противника на смертный бой. При этом совершенно непредвиденном нарушении всех известных приличий и правил, городской мэр скомандовал оглушительную фантазию на огромном колоколе и объявил, что он требует перед свои очи достопочтенных господ Горацио Фицкина, эсквайра, и м-ра Самуэля Сломки. Минут через двадцать, при сильном содействии «Желтых» и «Синих»

членов, противники помирились, пожали друг другу руки, и Горацио Фицкин, эксвайр, получил позволение договорить свою речь.

Речи обоих кандидатов, различные по изложению и красоте слога, совершенно, однако ж, были сходны в громких похвалах, воздаваемых избирателям Итансвилля. Горацио Фицкин, так же как Самуэль Сломки, объявили, каждый с приличною торжественностью, что не было и не могло быть во всей вселенной людей благороднее и бескорыстнее тех великодушных граждан, которые вызвались подать голоса в их пользу; но вместе с тем оба оратора весьма искусно намекнули, что избиратели противной стороны отличаются, к несчастью, такими свинскими качествами, при которых они, судя по совести, совершенно неспособны к принятию разумного участия в этом национальном деле. Фицкин выразил готовность делать все, что потребуют от него; Сломки, напротив, заранее отказался наотрез действовать под влиянием чужих мыслей и чувств. Оба оратора объявили, что благосостояние итансвилльских граждан делается исключительным предметом их заботливости и что они всеми силами будут стараться об усовершенствовании мануфактур, промышленности и торговли во всех её видах и родах.

Когда, наконец, приступлено было к окончательному отбору голосов и поднятию рук, огромное большинство, как и следовало ожидать, осталось на стороне достопочтенного Самуэля Сломки, который и был торжественно провозглашен представителем итансвилльских граждан. Сыграли еще раз фантазию на огромном колоколе, городской мэр надел шляпу, и народные толпы хлынули во все стороны, оглашая воздух залпами дружных восклицаний.

Во все время отбирания голосов город находился в сильно возбужденном состоянии. Все, что дышало итансвилльским воздухом, старалось вести себя в самом либеральном и просвещенном смысле. Подлежащие акцизу продукты, продавались по замечательно дешевой цене во всех публичных местах. Для удобства вотирующих прохлаждающие и горячительные напитки были выставлены на самых улицах; но, несмотря на такую предусмотрительную меру, многие изобретатели, почувствовав от утомления кружение головы, повалились на тротуаре и не могли заявить свое мнение, которого из кандидатов они предпочитают. М-р Перкер в этот день выказал во всем блеске свои удивительные способности. Для успеха своего доверителя он пустил в ход всевозможные средства. В числе избирателей, стоявших на стороне м-ра Фицкина, было несколько решительных патриотов, которых, казалось, нельзя привлечь никакой приманкой. Но м-р Перкер сумел залучить к себе этих рассудительных почтенных джентльменов и, после часовой с ними беседы, убедил их в талантливости своего клиента, и они подали голос за м-ра Сломки. Злые языки утверждали, что м-р Сломки обязан своим избранием единственно ловкости своего пронырливого агента, а никак не своей популярностью; но, конечно, это говорилось из зависти.

Глава XIV

Веселая компания в «Павлине» и повесть кочующего торговца.

Мы очень рады, что имеем теперь полную возможность вынырнуть из бурного омута политического бытия на правильный свет обыкновенной домашней жизни. Муж совета и разума, м-р Пикквик, в тесном и строгом смысле слова, отнюдь не мот быть ни синим, ни желтым человеком среди итансвилльских граждан; однако ж, зараженный в значительной степени энтузиазмом редактора «Синицы», он посвящал почти все свое время философическому исследованию шумных прений, описанных нами в предыдущей главе этих «Записок». И в то время, как он был погружен в эти прения, м-р Винкель посвящал все свои досуги приятнейшим прогулкам и загородным выездам с м-с Потт, пользовавшейся всяким удобным случаем для развлечения от однообразной и скучной жизни, на которую она постоянно жаловалась в присутствии своего супруга.

Треси Топман и м-р Снодграс, разлученные со своими друзьями, вели совершенно противоположный образ жизни. Не принимая почти ни малейшего участия в общественных делах, они должны были изворачиваться собственными средствами в гостинице «Павлин», предоставлявшей к их услугам китайский бильярд в первом этаже и отлично устроенные кегли на заднем дворе. В глубокие тайны этих увеселительных упражнений посвятил их мало-помалу м-р Самуэль Уэллер, знакомый в совершенстве со всеми эволюциями трактирной гимнастики. Таким образом время проходило для них довольно быстро, и они совсем не знали скуки, несмотря на постоянное отсутствие глубокомысленного мужа, погруженного в политические соображения в доме редактора «Синицы».

В особенности вечером «Павлин» развертывался во всей своей славе и представлял такие наслаждения, при которых друзья наши постоянно отказывались от обязательных приглашений многоученого м-ра Потта. Вечером «коммерческая зала» этой гостиницы вмещала в себе разнообразные характеры и нравы, представлявшие м-ру Топману огромное поприще для наблюдений, м-ру Снодграсу обширнейшее поле для поэтических наслаждений вдохновительного свойства.

Коммерческая зала в гостинице «Павлин» отличалась в своем устройстве необыкновенной простотой. Это была чрезвычайно просторная комната, с огромным дубовым столом посередине и маленькими дубовыми столами по углам; дюжины три разнокалиберных стульев и старый турецкий ковер на полу довершали её мебель, имевшую, вероятно, изящный вид в былые времена. Стены были украшены двумя географическими картами с подробным изображением столбовых и проселочных дорог; в углу, направо от дверей, висели на деревянных крючках шинели, сюртуки, шляпы и дорожные шапки. На каминной полке красовалась деревянная чернильница с двумя иссохшими перьями, облаткой и закоптелым куском сургуча, и тут же, для симметрии, расположены были смертные останки форели на разогнутом листе счетной книги. Атмосфера благоухала табачным дымом, сообщавшим довольно тусклый свет всей комнате и особенно красным занавесам, предназначенным для украшения окон. На буфете картинно рисовались в общей группе две-три соусницы, пара кучерских седел, два-три кнута, столько же дорожных шалей, поднос с вилками и ножами и одна горчица.

Вечером, после окончания выборов, м-р Топман и м-р Снодграс заседали в этой зале за дубовым столом вместе с другими временными жильцами «Павлина», собравшимися отдохнуть от своих дневных занятий. Все курило и пило.

– Господа, – сказал здоровенный и плотный мужчина лет сорока с одним только чрезвычайно ярким черным глазом, из под которого моргало плутовское выражение остроумия и шутки, – господа, все мы народ добрый, честный и умный. Предлагаю выпить по бокалу за общее здоровье, а сам пью, с вашего позволения, за здоровье Мери. Так ли, моя голубка, а?

– Отвяжитесь от меня с вашим здоровьем, – сказала трактирная девушка с притворно сердитым видом.

– Не уходите, Мери, – продолжал одноокий джентльмен, удерживая ее за передник.

– Отстаньте, говорю вам, – сказала служанка, ударив его по руке, – туда же вздумал волокаться, прыткий кавалер: знал бы сверчок свой шесток.

– Ну, так и быть, уходите, сердитая девушка, – сказал одноокий джентльмен, посматривая вслед за уходившей служанкой. – Я скоро выйду, Мери, держите ухо востро.

Здесь он принялся моргать на всю честную компанию, к восторженному наслаждению своего соседа, пожилого джентльмена с грязным лицом и глиняной трубкой.

– Подумаешь, право, как странны эти женщины, – сказал грязнолицый сосед после короткой паузы.

– Что правда, то правда, – подтвердил краснощекий джентльмен, выпуская облако дыма. Последовала затем продолжительная пауза.

– Есть на этом свете вещицы постраннее женщин, – сказал одноглазый джентльмен, медленно набивая свою пенковую трубку.

– Женаты ли вы? – спросил грязнолицый сосед.

– Не могу сказать, что женат.

– Я так и думал.

Здесь грязнолицый джентльмен принялся выделять веселые гримасы, к невероятной радости другого джентльмена с вкрадчивым голосом и сладенькой физиономией, который считал своим неременным долгом соглашаться со всеми вообще и с каждым порознь.

– Я утверждаю, господа, – сказал восторженный м-р Снодграс, – что женщины составляют великую подпору и утешение нашей жизни.

– Совершенная правда, – заметил вкрадчивый джентльмен.

– Оно, может быть, и так, – прибавил грязнолицый сосед, – да только в таком случае, когда женщины бывают в хорошем расположении духа. Это ограничение необходимо иметь в виду.

– Совершенная истина, – заметил опять вкрадчивый джентльмен, сделав чрезвычайно сладкую гримасу.

– Я, однако ж, отвергаю это ограничение, милостивые государи, – сказал м-р Снодграс, думавший всегда о м-с Эмилии Уардль, когда речь заходила о достоинствах прекрасного пола, – и притом, господа, я отвергаю его с чувством искреннего презрения. Покажите мне мужчину, который бы взводил что-нибудь на женщин, как женщин, и я смело объявляю, что такой мужчина – не мужчина.

И м-р Снодграс, выбросив сигару, сильно ударил кулаком по дубовому столу.

– Звучный аргумент, – заметил вкрадчивый джентльмен.

– Звучный, но не убедительный, потому что в основании его скрывается софизм, – возразил грязнолицый джентльмен.

– Ваше здоровье, сэр, – вскричал кочующий торговец с одиноким глазом, бросая одобрительный взгляд на м-ра Снодграса.

М-р Снодграс поклонился.

– Хорошие аргументы, как ваш, мне всегда приятно слышать, – продолжал кочующий торговец, – вы, можно сказать, прекрасно доказали свою мысль; но этот маленький аргумент относительно женщин напоминает мне одну довольно странную историю, которую рассказывал мне мой старый дядя. По этому поводу я готов повторить еще раз, что есть на белом свете вещицы постраннее женщин. История удивительная, господа.

– Расскажите ее нам, – сказал краснолицый джентльмен с сигарой во рту.

– Угодно вам слушать?

– Очень.

– И мне тоже, – сказал м-р Топман, вставляя в общий разговор и свое слово. Он пользовался всяким удобным случаем увеличить запас своих наблюдений.

– В таком случае извольте, господа, я очень рад, – сказал кочующий торговец, затягиваясь с особенным наслаждением из своей пенковой трубки. – История будет рассказана... нет, господа, я отдумал. К чему и зачем! Я знаю, вы не поверите мне, – заключил одноокий джентльмен, моргая самым плутовским образом на всю курящую компанию.

– Поверим, если вы ручаетесь за её справедливость, – заметил м-р Топман.

– Конечно, ручаюсь, и на этом условии рассказываю. Дело вот в чем, господа: слышали ли вы о знаменитом доме под фирмой: «Бильсон и Слюм?» Вероятно, не слышали, потому что его уж давным давно нет на белом свете. Происшествие, о котором рассказывал мой дядя, случилось лет восемьдесят назад с одним путешественником из этого дома. Это, в некотором смысле, будет

«Повесть кочующего торговца»,

и старый дядюшка рассказывал ее таким образом:

«Однажды зимою, около пяти часов вечера, лишь только начало смеркаться, на Марльборгских лугах, по дороге в Бристоль, можно было видеть путешественника, погонявшего свою усталую лошадь... то есть оно, собственно говоря, его непременно бы увидели, если б какой-нибудь зрячий человек проходил или проезжал по этому тракту; но погода была так дурна, вечер до того холоден и сыр, что не было на всем этом пространстве ни одной живой души, и путешественник тащился один, как можете себе представить, в самом мрачном расположении духа. Будь здесь какой-нибудь купец тогдашних времен, приказчик, разносчик или сиделец, он при одном взгляде на желтую тележку с красными колесами и на гнедого рысачка с коротеньким хвостом мигом смекнул бы, что этот путешественник был никто другой, как сам Том Смарт, из торгового дома „Бильсон и Слюм“; но так как этого взгляда некому было бросить, то и оказывалось, что Том Смарт и гнедой рысачок совершали путешествие в глубокой тайне. Вы понимаете, что от этого никому не могло быть ни лучше, ни хуже.

Немного на свете мест скучнее и печальнее Марльборгских лугов, когда на них дует сильный ветер. Если вдобавок присоединить к этому пасмурный зимний вечер, грязную и скользкую дорогу, беспрестанное падение крупных капель дождя, и если, господа, ради опыта, вы мысленно подвергнете свои кости влиянию враждебных стихий природы, то нечего и говорить, вы вполне поймете справедливость этого замечания относительно Марльборгских лугов.

Пронзительный ветер завывал и прямо дул через дорогу, сообщая дождевым потокам косвенное направление, на подобие тех перекрестных линий, какими в школах украшаются ученические тетрадки. На минуту он смолкал, как будто истощенный в своих бешеных порывах, и вдруг опять и опять – Ггу-Г-г-гу! – и ветер снова принялся реветь и свистать по широкому раздолью, по долинам, по холмам, по равнинам, по ущельям, собираясь со свежими силами и как будто издеваясь над слабостью бедного путешественника, промокшего до костей и проникнутого судорожною дрожью.

Гнедой рысачок, взмыленный и вспененный, поминутно фыркал, прядал ушами и забрасывал свою голову назад, выражая, очевидно, неудовольствие против буйства земных стихий; это, однако ж, не мешало ему трусить довольно верными и решительными шагами до тех пор, пока новый порыв ветра, неистовый и дикий, не заставлял его приостановиться на несколько секунд и глубже водрузить свои ноги в грязную лужу, вероятно, для того, чтоб предупредить опасность носиться на крыльях ветра по воздушному пространству. расчет рысачка обнаружил в нем необыкновенную сметливость умной лошадки: он был так воздушен, желтая тележка так легка, и Том Смарт настолько бескровен, что без этой предварительной меры ураган неиз-

бежно должен был бы умчаться на облаках за пределы видимого мира, и тогда... но тогда, вы понимаете, повесть эта не имела бы никакого значения и смысла.

– Ну, ну, черт меня побери, молодецкая потеха! – воскликнул Том Смарт, имевший весьма нелепую привычку вдаваться в бешеные клятвы. – Дуй, подувай, раздувай, – и провалиться бы мне сквозь землю!

Вероятно, вы спросите меня, зачем Том Смарт выразил такое нескромное желание провалиться сквозь землю и подвергнуться свирепому действию воздушной стихии: этого я не знаю и, следовательно, не могу вам сказать. Я передаю вам из иоты в иоту слова моего старого дяди, или самого Тома Смартга, – что решительно одно и то же.

– Дуй, подувай, раздувай! – воскликнул Том Смарт к очевидному удовольствию своей лошадки, которая на этот раз заржала и встряхнула ушами.

– Развеселись, Сого! – воскликнул Том, погладив рысачка концом своей плети. – В такую ночь не разъедемся мы с тобой; только бы завидеть какой-нибудь домишко – и баста: ты в конюшню, я на боковую. Пошевеливайся, Сого! Чем скорей, тем лучше.

Не могу вам доложить, понял ли гнедой рысачек сущность увещаний своего хозяина, или он собственным умом дошел до такого заключения что стоять среди дороги не было ни малейшей выгоды ни для него, ни для желтой тележки, – только он вдруг бросился бежать со всех ног, и Том Смарт уже не мог остановить его до той поры, когда он по движению собственной воли своротил направо с большой дороги и остановился перед воротами придорожного трактира, за четверть мили до конца Марльборогских лугов.

Том Смарт бросил возжи, выскочил из тележки и окинул быстрым взглядом верхнюю часть придорожного трактира. Это было довольно странное здание из брусьев, обложенное тесом, с высокими и узкими окнами, пробитыми на большую дорогу, низенькая дверь с темным портиком вела в дом посредством пары крутых ступеней, которые могли заменить полдюжины мелких ступенек новейшего современного фасона. Яркий и веселый огонек проглядывал из за решетчатых ставень одного окна, между тем как в другом противоположном окне, сначала темном, вдруг засверкало игривое пламя, отражаясь красным заревом на опущенной сторе. Это могло служить верным доказательством, что в этом доме был камин, только-что затопленный. Заметив эти признаки комфортабельности взглядом опытного путешественника, Том Смарт направил быстрые шаги к дверям, поручив наперед свою лошадку заботливости конюха, явившегося теперь предложить свои услуги.

Минут через пять Том Смарт сидел уже в той самой комнате, где горело яркое пламя, и притом сидел перед камином, с наслаждением прислушиваясь к потрескиванию перегоравших углей. Одно уже это обстоятельство способно было распространить живительную отраду в сердце всякого рассудительного джентльмена, хотя бы он промерз насквозь до сокровеннейшего мозга в своих костях; но домашний комфорт на этот раз обнаружился в обширнейших размерах. Смазливая девушка в коротеньком платьице, из-под которого картинно рисовались чудные ножки, накрывала на стол белоснежную скатерть, и в ту пору, как Том Смарт сидел перед решеткой, спиной к дверям, перед его глазами в большом зеркале над каминной полкой отражалась очаровательная перспектива зеленых бутылок с золотыми ярлычками, разнокалиберных банок с вареньем и пикчулями, перспектива ветчины, сыра и жареной дичи, распространявшей самый соблазнительный запах. Все это могло служить удивительным утешением для усталого путешественника; однако ж, и это было не все. За буфетом, перед круглым столиком, уставленным чайными чашками, сидела цветущая вдовушка лет сорока с небольшим, очевидно, хозяйка этого дома и главная надзирательница над всем, что могло служить к созданию в нем покойной жизни. Был только один предмет, омрачавший прелестную картину: за чаем подле вдовушки сидел высокий, долговязый мужчина в сером сюртуке и светлых пуговицах, с черными бакенбардами и густыми курчавыми волосами. Это уж было не очень хорошо, вы понимаете почему: Том Смарт мигом догадался, что долговязый кавалер уговорит

вдову покончить раз навсегда с унылыми годами одиночества и провести вместе с ним остаток жизни, исполненной всевозможной благодати.

Надобно вам доложить, что Том Смарт был по своей природе, смирен и кроток, как овца, и зависть отнюдь не была в его натуре; случилось однако ж, неизвестно какими судьбами, что долговязый мужчина в сером сюртуке с светлыми пуговицами расшевелил в его сердце весь запас желчи и вызвал в нем величайшее негодование, особенно в ту пору, когда на зеркальном стекле обрисовались несомненные признаки того, что долговязый пользуется благосклонностью цветущей вдовы. Том был вообще большой любитель горячего пунша, – я могу даже сказать – Том влюблен был в горячий пунш с коньяком, водкой или ромом, смотря по обстоятельствам; поэтому ничего нет удивительного, если он, накормив свою лошадку и скушав сам три тарелки разного печенья и варенья, изготовленного хозяйкой, приказал себе, эксперимента ради, подать стакан горячего пунша. Эксперимент оказался вполне удачным даже сверх всякого ожидания, по той именно причине, что из всех предметов кухмистерского искусства цветущая вдова наиболее усовершенствовала себя в приготовлении горячительных напитков. Оporожнив влагу едва не с быстротой молнии, Том Смарт заказал другой стакан, и это отнюдь не удивит вас, господа, если вы потрудитесь сообразить, что горячий пунш, приятный и сладкий при всех решительно обстоятельствах жизни, должен был показаться очаровательным Тому Смарту, сидевшему в теплой комнате перед пылающим камином, тогда как ветер неистово бушевал и бесновался вокруг всего дома. Том Смарт, видите ли, праздновал, так сказать, свою победу над буйною стихией, и по этой-то причине заказал себе другой стакан горячего пунша, за которым следовал третий, четвертый и так далее. Сколько выпил он всего, я не знаю; но чем больше он пил, тем больше косился на долговязого гостя, и тем сильнее кипела желчь в его груди.

– Бесстыдный нахал, провал его возьми! – думал про себя Том Смарт, – какого ему черта торчать за этим буфетом? Препасквильная рожа! Неужели у этой вдовы нет никакого вкуса насчет выбора достойных кавалеров?.. Скверный анекдот!

Здесь быстрый взор Тома Смарта отпрянул от камина на круглый стол, и, подозревая хозяйку, он поспешно заказал себе новый стакан пунша.

Должно заметить, господа, что Том Смарт чувствовал всегда особенное расположение к трактирной жизни. Уже давно воображение его лелеяло мечту – завести свой собственный трактир, стоять за буфетом в широком сюртуке и широких штанах без штрипок, запустив обе руки в глубокие карманы. Не раз ему случалось занимать первые места на веселых пирах и с наслаждением думать, что эти пиры могли бы продлиться до бесконечности, если б сам он был содержателем общего стола. Одаренный от природы ораторским талантом, он мог бы произносить великолепные речи в присутствии дорогих гостей, воспламеняя их жажду к зазданным тостам. Все эти мысли, с быстротой молнии, просверлили голову Тома Смарта, когда он допивал шестой уже стакан, заседая перед пылающим камином. Мудрено-ли, что он чувствовал справедливое негодование при взгляде на долговязого верзилу, готового сделаться обладателем прекрасного трактира, тогда как он, Том Смарт, принужден будет в его пользу отказаться от своего истинного призвания.

За последними двумя стаканами Том Смарт обдумывал план завязать ссору и вступить в открытую борьбу со своим неприязненным соперником; но, не выдумав ни синь пороха, решил отправиться в постель, считая себя злополучнейшим созданием в мире.

Том Смарт шел вперед по широкой старинной лестнице вслед за хорошенькой черноглазой девушкой, провожавшей его со свечою в руках. Несколько шагов сделали они счастливо, без всяких приключений; но потом свеча вдруг загасла от сильных порывов ветра, пробравшегося через щели в галлерею, и они остались среди лестницы одни, окруженные ночным мраком. Могло, впрочем, стать, что свечу задул не ветер, а сам Том, для того, чтоб иметь удобный случай поцеловать и обнять свою проводницу: так, по крайней мере, разглашали его враги,

и так именно поступил бы я сам на его месте. Скоро, однако ж, принесена была другая свеча, и путешественник, продолжая пробираться через лабиринт переходов, благополучно достиг комнаты, назначенной ему для ночлега. Девушка пожелала ему спокойной ночи и оставила его одного.

Комната имела огромные размеры. На постели, стоявшей посредине, могли бы, в случае нужды, поместиться дюжины две ребяташек из мужского пансиона; в двух гардеробных шкафах, приставленных к стене, мот бы, без малейшего труда, уложиться походный скарб целой дюжины полков; но всего более поразило внимание Тома Смарт странное, уродливое кресло, или, правильнее, безобразный стул с высокой спинкой, испещренной фантастической резьбой, с цветочной камчатной подушкой и круглыми шишками на конце ног, тщательно перевязанных красным сукном, как будто они страдали подагрой. Насчет всех других кресел Том Смарт был собственно того мнения, что это – старинные кресла и больше ничего; но этот специальный предмет, несколько не похожий на своих товарищей, отличался такими затейливыми и фантастическими формами, что он, по-видимому, никак не мог оторвать от них своих глаз. Около получаса просидел он на одном и том же месте, обращенный спиной к камину и погруженный в таинственное созерцание, принимавшее постепенно самый восторженный характер.

– Черт бы его побрал! – проговорил, наконец, Том Смарт, начиная раздеваться и продолжая глядеть на старинный стул, поставленный у изголовья его постели. – В жизни не видал я таких уродов и не увижу никогда. Этакой анафема!

Он покачал головой с видом глубокой мудрости и опять взглянул на кресло. Запутываясь больше и больше в своих мыслях, он лет в постель, прикрылся простыней и погрузился в сон.

Минут через двадцать он вскочил на своей постели, пробужденный тревожными и шумными видениями долговязых гостей и пуншевых стаканов. Первый предмет, обрисовавшийся в его воспламененном воображении, был опять фантастический стул.

– Мошенник! – проворчал Том Смарт, подернутый судорожною дрожью. – Я не стану смотреть на него!

Он повалился на подушки, прищурил глаза и старался уверить себя, что спит крепким сном. Напрасный труд! Перед умственными взорами его заплясали, закривлялись уродливые стулья, прыгая по спинкам друг друга и выделявая самые бесстыдные гримасы.

– Этакая притча! – проговорил Том Смарт, высовывая свою голову из под теплой простыни. – Уж лучше же стану я смотреть на один действительный стул, чем на неистовые полчища подобных ему призраков.

И он точно принялся смотреть, усердно, пристально, неподвижно; но вдруг перед его глазами начали совершаться чудодейственные перемены. Резьба спинки вытянулась, выпрямилась и постепенно приняла фигуру безобразного старика с морщинистым лицом. Камчатная подушка превратилась в жилет старинного фасона; круглые шишки приняли форму человеческих ног, обутых в красные туфли, и весь стул сформировался в джентльмена прошлого столетия, поджавшего под мышку свои руки. Том Смарт сидел, протирая глаза и старался удалить от себя фантастическую грезу. Тщетные усилия! На месте фантастического стула был точно безобразный джентльмен и, что всего удивительнее, безобразный джентльмен дико и нахально заморгал глазами на Тома Смарт.

Том Смарт, надобно заметить, был забубенная каналья первой руки, и притом в его желудке еще варились и кипели стаканы пунша. Сначала он струхнул немного, но потом запылал, так сказать, величайшим негодованием против старика, моргавшего на него с таким отчаянным бесстыдством. Наконец, он не вытерпел и сказал сердитым тоном:

– Зачем ты пялишь на меня свои бесстыдные бельма?

– Тебе на что? – проговорил безобразный старикашка, вытянутый фертом. – Смотрю и делаю, что хочу, а ты можешь себе бесноваться, сколько угодно, Том Смарт.

И он страшно оскалил зубы, как орангутанг, согбенный преклонностью лет.

– Как ты знаешь мое имя, старый хрыч? – спросил Том Смарт, приведенный в некоторое смущение. Он старался, однако ж, показать, что совсем не трусит.

– Вот уж это и не дело, Том Смарт, – отвечал старик обиженным тоном, – благородное красное дерево Испании заслуживает некоторого уважения с твоей стороны; а ты, между тем, вздумал обращаться со мной так, как будто я был хрупкий ореховый стул новейшего фасона. Стыдно тебе, брат Том!

И, говоря это, старый джентльмен принял такой гордый вид, что Том струсил не на шутку.

– Извините, сэр, я не имел никакого намерения обижать вас, – проговорил Том Смарт смиренным и даже несколько униженным тоном.

– Ну, ничего, когда-нибудь сочтемся, – сказал старик. – Оно, может быть, и правда, что ты не думал обижать меня. Том...

– Что вам угодно?

– Я знаю тебя, Том, отлично знаю. Ты ведь, любезный, мошенник.

– Помилуйте...

– Ничего, ничего, это я так примолвил ради начинающейся дружбы, а главная штука вот в чем: ты беден, Том, очень беден.

– Ваша правда, – сказал Том Смарт, – но как вы это знаете?

– Об этом речь впереди, любезный друг, но сквернейший анекдот состоит собственно в том, что ты горький пьяница, Томми.

Том Смарт приготовился дать клятву, что он терпеть не может крепких напитков; но в эту минуту взоры его встретились с пронзительными глазами старика, читавшего, казалось, в глубине его души самые тайные мысли. Он покраснел, прикусил язык и замолчал.

– А ведь признайся, любезный, у тебя разгорелись глазки на вдову: лакомый кусочек, нечего сказать, а?

Здесь старый хрыч закатил свои глаза, припрыгнул на своих коротеньких ногах и принял такую сладострастную позу, что Том Смарт невольно удивился легкомысленности его поведения – в такие преклонные лета!

– Я ведь опекун этой вдовушки, Том Смарт!

– Право?

– Я тебе говорю: я знал её мать и бабушку. Бабушка была влюблена в меня и подарила мне вот этот жилет.

– Неужто?

– И эти башмаки, – продолжал старик, приподняв одну из своих ног, – но это пусть будет между нами, Томми; фамильных секретов распространять не должно: это мое правило.

Говоря это, старый плут принял такой бессовестный и наглый вид, что Том Смарт почувствовал непреодолимое желание взгромоздиться на его спину: так, по крайней мере, рассказывал он сам через несколько лет после этой чудодейственной истории.

– Был я встарину молодец, Том Смарт, и женщины любили меня страстно, – продолжал бесстыдный старикашка; – сотни красавиц засиживались, бывало, на моих коленях, и я, что называется, катался, как сыр в масле. Что ты на это скажешь, любезный, а?

Продолжая, между тем, исчислять подвиги своей юности, старик заскрипел и зашатался до того, что язык его утратил способность произвольного движения.

– За дело тебе, старый пес, – подумал Том Смарт, не сказав, однако ж, ничего в этом роде.

– О-ох! не те времена и не те нравы! – простонал старик, принимая спокойную позу. – Плох я стал, Том Смарт, и потерял все свои балясины. Еще недавно мне сделали операцию – прикрепили новую дощечку к моей спине. Трудная операция, Томми.

– Очень может быть.

– Конечно, может; но не в этом штука: мне хочется женить тебя, Том Смарт.

– Меня?

– Да.

– На ком?

– На вдове.

– Помилуйте! как это можно! Клянусь вашими почтенными сединами (на голове у старика торчало несколько седых клочков), вдова на меня и смотреть не хочет: её сердце занято. И Том Смарт испустил невольный вздох.

– Почему ты это знаешь? – спросил старик твердым тоном.

– Как этого не знать? Долговязый верзила с черными бакенбардами увивался за ней на моих глазах.

– Вздор, любезный, будь спокоен: вдовушка не выйдет за него.

– Нет, сэр, позвольте усомниться в вашей проницательности: если б вы так же, как я, видели их за буфетом, мысли ваши получили бы другое направление.

– Как будто я этого не знаю! – проговорил старик с решительным видом.

– Чего? – спросил Том Смарт.

– Любовные шашни, шепот, поцелуй за дверью – экая важность! Все вздор, Томми!

Здесь старый хрыч принял опять бесстыдный и нахальный вид, вызвавший в Томе Смарте величайшее негодование. Дело известное, господа: весьма неприятно видеть и слышать старика, который, так сказать, вмешивается совсем не в свое дело.

– Все это я знаю, Томми, – продолжал старый джентльмен. – В свое время я вдоволь нагляделся на проказы этого сорта между молодыми людьми и уверился многочисленными опытами, что поцелуй сам по себе не доказывает ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.